

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

49 2024
ЧАСТЬ VI

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 49 (548) / 2024

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Элизе Реклю* (1830–1905), французский географ и историк, член Парижского географического общества.

Элизе Реклю родился 15 марта 1830 года в семье небогатого сельского протестантского пастора в городке Сент-Фуа-ля-Гранд, в департаменте Жиронды на юге Франции. Учился он в протестантской средней школе в Нейвиде в Германии, позднее приступил к изучению теологии в Монтобана, однако вскоре отказался от намерений стать теологом. Свой выбор он сделал в пользу Берлинского университета, где в то время читал свои блестящие лекции по географии известный географ Карл Риттер.

В 1849 году Элизе, его брат Эли и еще один их товарищ решили пойти путешествовать пешком по югу Франции и изучить жизнь народа. В одном городке они были арестованы полицией, которая их заподозрила в политической пропаганде. Все трое были отправлены в Монтобан, где были немедленно исключены из университета.

В Берлине Реклю приходилось жить крайне бедно, добывая средства для существования уроками французского языка. Летом 1851 года Элизе отправился из Берлина пешком домой во Францию; дойдя до Страсбурга, он встретился здесь с братом Эли, и оба направились в местечко Ортец, где в то время жила семья Реклю.

Прибыв домой через три недели, братья Реклю прожили здесь всю осень, и в Ортеце застал их государственный переворот 1851 года, когда Наполеон III восстановил во Франции империю и провозгласил себя императором французов. Республиканцы пробовали оказать сопротивление, но всюду потерпели поражение. Братья Реклю организовали в Ортеце республиканскую манифестацию и призывали население встать на защиту республики. На их призыв никто не откликнулся, так что на следующий день на городской площади перед зданием Думы они были почти одни.

Местная полиция получила приказ арестовать обоих братьев Реклю, но начальник полиции, относившийся с большим уважением к их матери, уведомил ее тайно о готовящемся аресте сыновей и дал им время скрыться из города. Оба брата Реклю, спешно собравшись, бежали из Ортеца в Англию, которая в то время служила убежищем для политических эмигрантов всех стран.

Покинув Францию после переворота 1851 года, Реклю жил в Лондоне, путешествовал по Европе и Америке. Потерпев неудачу в создании сельскохозяйственной коммуны в Колумбии (Республика Новая Гранада) и вернувшись в Париж, с 1859 года Реклю начал публиковать в «Журнале двух миров» (*Revue des Deux Mondes*) свои статьи по географии, литературе, международной политике, экономике, археологии, библиографии. Также его статьи публиковались в *Tout du Monde* и других географических журналах. Географию земли и историю человечества будущий ученый познавал практически, сначала много путешествуя, а затем долгие годы составляя географические путеводители для известного французского издательства «Ашетт». В 1867 году был издан первый том его книги «Земля. Описание жизни Земного шара».

Он поддерживал республиканское и рабочее движение и совместно с М. Бакуниным и Д. Фанелли основал Альянс социалистической демократии, который в 1869 году примкнул к Первому Интернационалу. После того как немцы взяли в плен французского императора, в Париже была провозглашена республика. В это время немецкие войска уже подступали к стенам Парижа. Республиканцы спешно организовали национальную гвардию для защиты родного города. Элизе Реклю был одним из первых, записавшихся в ряды гвардии. Вскоре он перешел в воздухоплавательную команду, организованную его близким другом фотографом Надаром.

В начале 1871 года республиканское правительство решило сдать Париж немцам. Этот поступок вызвал взрыв негодования всего парижского народа, и национальная гвардия не захотела отдать свое оружие и продолжила защиту Парижа. 18 марта 1871 года Париж был объявлен свободным и независимым городом-коммуной. 4 апреля версальские войска окружили город сплошным кольцом, и в результате неудачной вылазки Элизе Реклю попал в плен. 5 ноября 1871 года, после полугода скитания по тюрьмам Версаля и Бреста, где ученый, не снимая кандалов с рук, продолжал писать «Землю», он был приговорен военным судом к вечной ссылке на поселение.

Такой жестокий приговор вызвал негодование всех европейских ученых, и в Англии образовался особый комитет для защиты Элизе Реклю. Во главе этого комитета стали знаменитый Чарльз Дарвин, Уоллес, Карпентер, и вечная ссылка в Новую Каледонию была заменена десятилетним изгнанием Реклю из Франции.

Почти через год после ареста, 14 марта 1872 года, Реклю с кандалами на руках был доставлен в закрытой арестантской карете на границу Швейцарии и выпущен на свободу.

В 1893 году ученый был приглашен на должность профессора сравнительной географии в Брюссельский университет, однако правительство и большинство профессоров, не разделяя политических взглядов Реклю, запротестовали по поводу его приглашения, и совет университета был вынужден согласиться с ними. Тогда Реклю и его сторонники в 1894 году создали Новый Брюссельский университет, где он и стал преподавать.

Свою крупнейшую работу «Земля и люди», вышедшую в 19 томах, Реклю писал 20 лет (с 1873 по 1893 год), каждый год издавая по тому объему около 900 страниц текста, с множеством карт, чертежей и рисунков. Автор рассматривал историю Земли в совокупности её черт: географии, природы, климата, этнографии и статистических данных о населении различных регионов и их деятельности.

4 июля 1905 года великий географ и путешественник скончался на руках своих близких друзей.

Он был похоронен на кладбище Икселя в пригороде Брюсселя.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Абраменкова А. С.**
Проблема законодательного закрепления понятия «целевое назначение земель» 399
- Адров А. П., Замуруев А. А.**
Защита публичных интересов как приоритетное направление деятельности органов прокуратуры 400
- Адушханова В. А.**
Использование электронных устройств и данных сети Интернет в оперативно-розыскной деятельности 402
- Азанова И. В.**
О современном состоянии преступности несовершеннолетних в Пермском крае 404
- Айхенвальд И. А.**
Нормативно-правовое сопровождение бизнеса в сфере наружной рекламы 408
- Бабаев Т. А.**
Состав единого недвижимого комплекса 410
- Бежин Н. И.**
Влияние глобализации, цифровизации и новых технологий на механизмы контроля въезда/выезда на территории РФ 416
- Бозгалев В. В.**
Перспективы развития судебной системы Российской Федерации 418
- Боковикова М. О.**
О некоторых проблемных вопросах, возникающих в правоприменительной практике при отложении производства по гражданским делам 420
- Боренов А. А.**
Сущность правового статуса государственного служащего 422
- Боренов А. А.**
Государственная служба России и зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ 424
- Борзина Е. В.**
Роль результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений 426
- Бородина А. В.**
Соучастие в преступлении и его формы 428
- Будниченко Д. А.**
Роль кредиторов в процессе банкротства кредитных организаций: права и приоритеты 432
- Букатова Ю. В.**
Семейный бизнес: понятие, субъекты, правовые перспективы 434
- Булахова Е. В.**
Крестьянское (фермерское) хозяйство как юридическое лицо 436
- Булохов И. И., Мовсесян А. А.**
Допустимость вещественных доказательств в уголовном процессе 437
- Бушуев А. Д.**
Проблемы применения полиграфа в уголовном судопроизводстве с точки зрения предмета криминалистики 439
- Бушуев А. Д.**
Особенности предмета криминалистического изучения в современных условиях 441
- Валитов Р. А.**
О некоторых проблемах исполнения конфискации имущества 443
- Васячкина А. П.**
Криминалистическая характеристика неправомерного доступа к компьютерной информации 445
- Власов В. В.**
Особенности цифровых рынков в аспекте предотвращения злоупотребления доминирующим положением на них 448
- Власова М. О.**
Теории оспаривания сделок 450
- Власова М. О.**
Правовая природа последствий недействительности сделок должника при банкротстве 451
- Гаврилова Е. С.**
Правовая сущность непоименованного договора как особая гражданско-правовая категория 453

Глебовской В. А. Виды и порядок осуществления ведомственного контроля и надзора в РФ..... 456	Давыдова О. К. Особенности защиты гражданских прав в сфере интеллектуальной собственности в сети Интернет 464
Громова М. Ю. Анализ понятия злоупотребления правом и реализация данного института в гражданских правовых отношениях 459	Дворцова Е. О. Источники правового регулирования суррогатного материнства в России..... 466
Гулин В. В., Абдуллаев А. А. Особенности и проблемы организации местного самоуправления на федеральной территории Сириус 461	Дружинина А. Н. Особенности изъятия вещественных объектов при проведении осмотра места происшествия по делам о пожарах 468
Гущин К. В. Административная ответственность организаций за экологические правонарушения: проблемы и перспективы... 463	Дружинина Е. В. Административное приостановление деятельности как инструмент в системе принудительного исполнения 470

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблема законодательного закрепления понятия «целевое назначение земель»

Абраменкова Анастасия Сергеевна, студент;

Матафонова София Александровна, студент

Научный руководитель: Тищенко Алена Владимировна, старший преподаватель

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

В статье рассматриваются актуальные проблемы применения норм законодательства, в частности положений ст. 42 земельного кодекса РФ, а также ст. 8.8. Кодекса РФ об административных правонарушениях, касающихся целевого использования земельных участков.

Ключевые слова: целевое назначение земель, нецелевое использование земель.

В соответствии со ст. 42 Земельного кодекса Российской Федерации одной из обязанностей собственников земельных участков и лиц, не являющихся собственниками земельных участков является обязанность использовать земельные участки в соответствии с их целевым назначением способами, которые не должны наносить вред окружающей среде, в том числе земле как природному объекту.

Для обеспечения рационального использования и охраны земель, относящихся к территории Российской Федерации, в соответствии с положениями ст. 7 Земельного кодекса РФ они подразделяются на семь категорий в зависимости от их целевого назначения.

Деление земельных участков на категории определяет их правовой режим, то есть дифференцированный порядок их рационального использования и охраны, определенный нормами гражданского, земельного и экологического законодательства.

Правообладатели, которые осуществляют использование земельных участков не по их целевому назначению, прямо нарушают установленную ст. 42 Земельного кодекса обязанность, что является земельным правонарушением.

В соответствии со ст. 74 Земельного кодекса РФ за совершение земельных правонарушений предусмотрена административная и уголовная ответственность. Данная норма содержит отсылку к положениям главы 7 Кодекса РФ об административных правонарушениях, касающихся правонарушений в области охраны собственности, а также положениям главы 8 КоАП РФ, охраняющих общественные отношения в области охраны окружающей среды, природопользования и обращения с животными.

Так, правонарушение, предусмотренное ст. 8.8 КоАП РФ — использование земельного участка не по целевому назначению в соответствии с его принадлежностью к той

или иной категории земель или разрешенным использованием влечет наложение административного штрафа, размер которого в зависимости от обстоятельств дела может достигать двухсот тысяч рублей.

К органам, которые осуществляют государственный земельный контроль, в том числе контроль за целевым использованием земельных участков, относятся Росреестр, Россельхознадзор, Росприроднадзор и их территориальные органы. В случаях выявления должностными лицами данных органов нецелевого использования земельных участков, привлеченные к административной ответственности правообладатели зачастую не соглашаются с применяемыми санкциями и обжалуют вынесенные решения в суде.

Проблема заключается в том, что разрешая подобного рода споры, правоприменители в лице судей нередко расходятся в применении действующих норм земельного кодекса РФ и выносят противоположные друг другу решения.

В одних случаях правоприменители исходят из того, что использование земельного участка в соответствии с целевым назначением предполагает фактическое использование участка в установленных при его предоставлении целях, а в других принимают решения, полагая, что использование земельного участка в иных, но связанных с целевым назначением целях, само по себе не может свидетельствовать об использовании земельного участка не по целевому назначению в соответствии с его принадлежностью к той или иной категории земель и видом разрешенного использования.

В действующем земельном законодательстве не предусмотрено отдельных норм, которые содержали бы легальное определение такого понятия как «целевое назначение земель».

Отсутствие законодательного закрепления «целевого назначения земельного участка» в данном случае и создает условия для правоприменителей для различного толкования норм Земельного кодекса.

Понимание значения таких понятий как «правовой режим земельного участка» и «целевое назначение земельного участка» является чрезвычайно важным для собственников, владельцев, пользователей и арендаторов земельных участков, поскольку каждый из правообладателей должен знать, какие права на данный объект он приобретает и какие обязанности на него возлагаются.

Таким образом, отсутствие легального определения понятия «целевое назначение земель» в будущем должно

быть восполнено на основании различных доктринальных определений целевого назначения земель. К таким можно отнести основной характер использования конкретного, относящегося к той или иной категории земель земельного участка, который определяется в зависимости от выполняемых данным земельным участком конкретных функций, установленных законом.

Такое закрепление необходимо для обеспечения единообразного применения земельного законодательства, отсутствие чего, в противном случае, нарушает основные принципы законодательства РФ — равенство всех перед законом и судом, справедливость судебного разбирательства.

Литература:

1. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024).
2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.11.2024).

Защита публичных интересов как приоритетное направление деятельности органов прокуратуры

Адров Андрей Павлович, студент;

Замуруев Антон Александрович, студент

Научный руководитель: Щербакова Лилия Геннадиевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В настоящей статье анализируются теоретико-правовые аспекты участия прокурора в арбитражном судопроизводстве по защите публичных интересов, его процессуальный статус, порядок участия прокурора в арбитражном процессе и его пределы.

Ключевые слова: арбитражное судопроизводство, прокурор, публичный интерес, процессуальный статус.

В законодательстве Российской Федерации отсутствует легальное понятие публичного интереса. В теории права термин «публичный интерес» представляет собой часть системы права, нормы которого направлены на защиту прав и законных интересов неопределенного круга лиц, публично-правовых и муниципальных образований, обеспечение безопасности, связаны с выполнением общественных целей и задач. Публичный интерес также нашел свое отражение и в арбитражном законодательстве. Подробнее следует остановиться на органах прокуратуры, деятельность которых непосредственно направлена на защиту публичных интересов. Представляется целесообразным отметить тот факт, что защита прокурором в арбитражном процессе публичных интересов осуществляется в тех процессуальных формах, которые четко закреплены в положениях действующего АПК РФ.

Важно обратить внимание, что арбитражное законодательство постоянно подвергается изменениям, что приводит

к появлению спорных и неоднозначных вопросов. Обратимся к ранее действующему Арбитражному процессуальному кодексу от 5 мая 1995 года № 70-ФЗ, который весьма сильно ограничивал права прокурора (его полномочия) на обращение в арбитражные суды в целях защиты государственных и публичных интересов [1]. Отметим, в статье 41 АПК от 5 мая 1995 года № 70-ФЗ не содержался конкретный перечень категорий дел, в которых мог бы принимать участие прокурор. В силу части 1 данной статьи: «Прокурор вправе обратиться в арбитражный суд с иском в защиту государственных и общественных интересов». В связи с этим может возникнуть следующий вопрос: «Могла ли данная законодательная формулировка статьи 41 привести в определенных случаях к необоснованному вмешательству прокурора в процесс в целях защиты публичных интересов?» Мнения по данному вопросу расходятся как в научных кругах, так и на практике. Можем сделать вывод, что редакция АПК от 1995 года не давала четкого и конкретного понимания,

в каких случаях есть нарушенный государственный и общественный интерес, а в каких — нет. По своей сути положения 41 статьи, безусловно, нуждались в доработке, что непосредственно и сделал в дальнейшем законодатель, приняв уже ныне действующий кодекс — АПК от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ [2]. Примечательно, что с момента принятия действующего АПК РФ в 2002 в научных кругах появился новый ряд проблемных вопросов, например: «Подлежат ли расширительному толкованию положения части 1 статьи 52 АПК РФ, или же перечень случаев обращения прокурора в суд в защиту прав и законных интересов других лиц является закрытым?» Как и в любом дискуссионном вопросе мнения весьма разнятся в научных кругах.

Ергашев Е. Р. в своих научных трудах придерживается позиции, что данный перечень является открытым [3]. Другие считают, что положения статьи 52 АПК нужно толковать буквально, согласно «букве закона», следовательно, и перечень оснований является по своему содержанию закрытым. Обратимся к иным федеральным законам. Так, например, часть 1 статьи 35 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» закрепляет, что прокурор участвует в рассмотрении дел судами в случаях, предусмотренных не только процессуальным законодательством РФ, но и другими федеральными законами [4]. Следовательно, полномочия прокурора не ограничены только теми, которые предусматриваются частью 1 статьи 52 АПК РФ. Подтверждение данному факту можем найти также в других отраслевых законах, например, в Гражданском Кодексе РФ [5].

В теории права довольно часто анализировалась возможность применения положений статьи 1253 ГК РФ в контексте прокурорской деятельности. А. В. Паламарчук в своей работе пишет, что «прокурору следует использовать предоставленное статьей 1253 ГК полномочие по обращению в суд с заявлением о ликвидации юридического лица» [6]. Ю. В. Борисова также обращалась к данному дискуссионному и проблемному вопросу в своем диссертационном исследовании [7]. Однако, все же, почему положения статьи 1253 ГК РФ довольно редко применяются в прокурорской практике? Представляется, что это вызвано тем, что в перечне случаев, предусмотренных в части 1 статьи 52 АПК РФ, принудительная ликвидация юридического лица, виновного в нарушении исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, отсутствует. Данная правовая коллизия законов весьма затрудняет реализацию прокурором своих полномочий.

Однако следует отметить, что Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ внес некоторые разъяснения касательно данного вопроса. Так в своем постановлении от 23 марта 2012 года № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» в пункте 1 он

указал, что прокурор вправе обратиться в арбитражный суд, в частности, с требованием о ликвидации юридического лица вследствие неоднократного или грубого нарушения этим юридическим лицом исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации [8].

Отметим, что на практике реализация прокурорами данного права встречается, но довольно редко, однако это еще раз подтверждает тот факт, что перечень оснований, закрепленный в статье 52 АПК РФ является неисчерпывающим, следовательно, подлежит расширительному толкованию. С данной точкой зрения согласен так же ученый Ефремов Н. С., который отсылается в своих трудах к вышеизложенным нормам [9]. Подтверждение вышесказанному можем увидеть в решении Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области: в 2011 году заместитель прокурора Санкт-Петербурга обратился в Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области с иском заявлением (требованием) о ликвидации юридического лица ООО «Юг-арт», которое неоднократно допускало публичное исполнение музыкальных произведений в отсутствие соответствующих договоров. В результате исковые требования прокуратуры были удовлетворены [10].

Также следует обратить внимание пункт 3 статьи 35 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», согласно которому «прокурор в соответствии с процессуальным законодательством РФ вправе обратиться в суд с заявлением или вступить в дело в любой стадии процесса, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства». Таким образом, общество и государство в данном случае защищаются государством, в том числе в лице прокуратуры, что подтверждает тот факт, что прокурор, реализуя свои полномочия, стоит на защите публичных интересов.

Таким образом, подводя итог, можем сделать вывод о том, что задачей участия прокурора в арбитражном процессе является защита прав и охраняемых законом интересов неопределенного круга лиц (граждан), общества и государства, что в целом и составляет «публичный интерес». Эффективность и результативность работы по защите публичных интересов лежит на плечах не только правоприменителя, но и на законодателя. Постоянное обновление ныне действующих разъяснений Верховного Суда РФ и Генеральной прокуратуры РФ в своих приказах и постановлениях будет весьма хорошим подспорьем. Подчеркнем, что именно прокуратуре отведена очень важная и значимая роль, так как именно она в силу специфики своей деятельности осуществляет надзор за исполнением законов, а следовательно, и стоит на защите публичных интересов.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 05.05.1995 N70-ФЗ (ред. от 24.07.2002) // Российская газета. № 93. 1995.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. ст. 3012.
3. Ергашев Е. Р., Панкова А. А. Проблемы участия прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». — 2020. — № 2. — С. 53–60.
4. Федеральный закон от 17.01.1992 N2202-1 (ред. от 24.07.2023) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 20.11.1995. N47. ст. 4472.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301.
6. Паламарчук А. В. Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства. М., 2014. С. 276.
7. Борисова Ю. В. Деятельность прокурора по защите прав на объекты интеллектуальной собственности: гражданско-правовой и административно-правовой способы судебной защиты: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2014.
8. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 № 15 (ред. от 25.01.2013) «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» // Вестник ВАС РФ. № 5. 2012.
9. Ефремов Н. с. О некоторых проблемах правового регулирования участия прокурора в арбитражном процессе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение, вопросы теории и практики. — 2012. — 3–1 (17). — С. 81–83.
10. Решение по делу № А56–17777/2011 [Электронный ресурс] // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции: URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/809987987> (дата обращения 16.11.2024)

Использование электронных устройств и данных сети Интернет в оперативно-розыскной деятельности

Адушханова Виктория Александровна, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

В статье автор исследует роль информационных технологий в оперативно-розыскной деятельности. Анализируется возможность проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий в сети Интернет.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, электронные устройства, Интернет, оперативно-розыскное законодательство, оперативно-розыскные мероприятия.

В современном мире информационные технологии стали неотъемлемой частью жизни общества. Они используются для общения, работы, развлечений, проникают во все сферы деятельности человека. Однако вместе с представляемыми преимуществами, они также создают новые угрозы и вызовы, связанные с безопасностью и правопорядком. В связи с этим возникает необходимость использования электронных устройств и данных сети Интернет в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики население России (без учета ста-

тистической информации по Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областям), которое является активными пользователями сети Интернет в 2023 году составило 91,5% от общей численности населения России (таблица 1). Доля населения, использующего мобильный телефон или смартфон, в общей численности населения в 2023 году составило 98,6% (таблица 2). Доля домохозяйств (единица экономической системы, состоящая из одного или нескольких человек), имеющих телефон, в общем числе домохозяйств в 2024 году составило 99,9% (таблица 3).

Таблица 1

№	Наименование показателя	Единица измерения	2013г.	2014г.	2015г.	2016г.	2017г.	2018г.	2019г.	2020г.	2021г.	2022г. ⁶⁾	2023г. ⁶⁾
2.6.9	Доля населения, являющегося активными пользователями сети Интернет, в общей численности населения	процент	61,4	64,9	68,3	71,5	74,1	79,3	81,4	84,1	87,3	89,8	91,5

Таблица 2

№	Наименование показателя	Единица измерения	2018г.	2019г.	2020г.	2021г.	2022г. ⁶⁾	2023г. ⁶⁾
2.6.5	Доля населения, использовавшего мобильный телефон или смартфон, в общей численности населения	процент	94,8	97,0	97,3	98,1	98,8	98,6

Таблица 3

№	Наименование показателя	Единица измерения	2010г.	2011г.	2012г.	2013г.	2014г.	2015г.	2016г.	2017г.	2018г.	2019г.	2020г.	2021г.	2022г. ⁸⁾	2023г. ⁸⁾	
2.6.1	Доля домохозяйств, имеющих телефон, в общем числе домохозяйств	процент	97,9	98,3	98,7	99,1	99,1	99,6	99,8	99,8	99,9	99,9	99,9	99,9	99,9	99,9	
	в том числе:																
	- только телефон фиксированной связи		4,7	3,6	2,7	2,0	1,5	0,6	0,7	0,5	0,5	0,4	0,3	0,3	0,2	0,2	
	- только мобильный сотовый телефон		27,6	29,1	33,5	36,0	40,5	65,8	50,9	55,1	58,2	62,7	66,1	70,3	74,2	77,8	
	- как фиксированный, так и мобильный сотовый телефон		65,6	65,6	62,5	61,2	57,1	33,6	48,4	44,3	41,2	36,9	33,5	29,4	25,5	21,9	

Анализируя представленную статистику, можно понять, что использование электронных устройств и данных сети Интернет — это нужный и важный вектор деятельности оперативно-розыскных органов. Больше 90% населения России ежедневно и ежечасно оставляют информационные следы.

В соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-розыскная деятельность осуществляется через проведение оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) с целью защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, а также обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. ОРМ являются каналом получения информации о совершенных и готовящихся преступлениях. Таким образом, получение информации из Интернета также должно осуществляться через проведение ОРМ. Однако в специальной литературе отсутствует однозначное понимание того, как проводить ОРМ в пространстве сети Интернет. Интернет представляет собой сложную систему с широкими функциональными возможностями, что порождает разнообразие трактовок его сущности. Наиболее очевидно рассматривать Интернет как коммуникационную систему или канал связи, обеспечивающий различные виды передачи сообщений между абонентами, так любое действие оперативных сотрудников в Интернете возможно рассматривать как ОРМ «снятие информации с технических каналов связи». Рекомендуется включить в категорию технических каналов связи и ка-

налы, предназначенные для передачи коротких текстовых и мультимедийных сообщений — голосовых сообщений, видеосообщений в социальных сетях и мессенджерах. Эта информация может быть ценным материалом в процессе расследования уголовных дел, а также быть предметом исследования экспертиз.

Законодатель в нормах федерального закона, определяющих деятельность оперативных подразделений, не уделяет особого внимания процессуальной регламентации проведения ОРМ и фиксации их результатов. Это приводит к процессуальной неопределённости в процедуре проведения ОРМ и оформлении их результатов. В этой связи как отмечено исследователями Ю.П. Гармаевым и А.А. Обуховым практика применения и оформления результатов оперативных мероприятий в субъектах России, идет по пути разрозненности. Причем практически каждый «региональный» вид документа отличается от остальных названием, формой, составом участников, местной спецификой проведения ОРМ [3].

К сожалению юридическая наука не успевает за динамикой развития окружающей действительности. В связи с этим в настоящее время на правоохранительные органы ложится обязанность разрабатывать и внедрять все новые и новые методы противодействия таким преступлениям в реалиях действующего законодательства. Выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений с использованием электронных устройств и данных сети Интернет является важной задачей для обеспечения безопасности и правопорядка в современном обществе.

Литература:

1. Федеральный закон от 12 августа 1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ, 1995.

2. Бозров В. Результаты оперативно-розыскной деятельности — статус доказательств в уголовном процессе. — М.: Российская юстиция, 2004.
3. Гармаев Ю. П., Обухов А. А. Квалификация и расследование взяточничества: учеб.-практ. пособие. — М.: Норма, 2009.

О современном состоянии преступности несовершеннолетних в Пермском крае

Азанова Ирина Викторовна, студент магистратуры
Пермский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена анализу показателей преступности несовершеннолетних в Пермском крае за период с 2018 года по 2024 год.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, показатели преступности, структура и динамика преступности, повторные преступления, групповые преступления.

Проблема преступности и борьба с ней является одним из основных направлений государственной политики. Особая социальная важность и актуальность исследования данного уголовно-правового явления обусловлена особой значимостью для общества субъектного состава указанного вида преступности. Уступая по количественному показателю в составе общей преступности, тем не менее, подростковая преступность подлежит более тщательному изучению, поскольку данный вид преступности отличает комплекс социально-демографических и нравственно-психологических особенностей личности преступника, не достигшего возраста 18 лет.

Нравственно-психологическая характеристика личности несовершеннолетнего правонарушителя включает в себя совокупность различных качеств, определяющих типичные формы поведения, отражающие устойчивое отношение индивида к социальным нормам поведения и общепризнанным ценностям. Для несовершеннолетних характерно не только физическое развитие, но и психологическое, которое заключается в наличии ряда состояний в деятельности личности.

Личность несовершеннолетнего преступника имеет характерные особенности. Сознание и психика ребенка (подростка), принявшего для себя за норму поведения тот или иной деструктивный шаблон, отличается от взрослого. Таким образом, в зависимости от вида отклоняющегося поведения можно выбрать наиболее целесообразные и эффективности меры по предупреждению преступлений.

Актуальность исследования качественных и количественных показателей подростковой преступности обусловлена необходимостью предупреждения различного рода причин, влияющих на неё, ей способствующих, в целях снижения в целом показателей преступности среди взрослого населения.

На основании официальных статистических данных о состоянии преступности несовершеннолетних в Пермском крае за период с 2018 года по 2024 год приходим к следующим выводам.

В последние семь лет подростковая преступность в целом демонстрирует тенденцию к сокращению, но такая тенденция имеет ряд специфических особенностей, поскольку не является абсолютной ни по качественным, ни по количественным показателям оценки изучаемого явления.

Так, согласно статистическим данным о преступности несовершеннолетних, представленных ГУ МВД по Пермскому краю за период с 2018 года по первое полугодие 2024 года, в Пермском крае несовершеннолетними совершено 5893 преступления различной степени тяжести.

Обращаясь к ежегодной статистике, удельный вес преступлений несовершеннолетних по Пермскому краю в 2018–2024 годах характеризуется следующим показателями. В 2018 году подростками Пермского края совершено 1211 преступлений (5,1% от общего числа преступлений); в 2019 году 1245 преступлений (5,2% от общего числа преступлений); в 2020 году 958 преступлений (4,5% от общего числа преступлений); в 2021 году 774 преступления (3,8% от общего числа преступлений); в 2022 году 633 преступления (3,1% от общего числа преступлений); в 2023 году 768 преступления (3,6% от общего числа преступлений); в первом полугодии 2024 года 304 преступления (3% от общего числа преступлений).

Таким образом, можно отметить, что общее количество преступлений, совершенных подростками края за период с 2018 года по 2022 год сократилось почти наполовину, при том, что удельный вес данной категории уменьшился только на четверть с 5,1% до 3,1%.

Тенденция на снижение подростковой преступности на 52,3% за последние пять лет (с 2018 года по 2022 год) не получила устойчивого развития и была обусловлена скорее экстраординарными факторами, влияющими на общественные отношения, к которым относится санитарно-эпидемиологическая обстановка в стране в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19).

В соотношении с показателями 2023 года можно сделать вывод о том, что наблюдаемая в период с 2020 года по

2022 год тенденция снижения уровня подростковой преступности, в 2023 году изменила свое направление в сторону роста.

Данный вывод подтверждается тем, что рост количества зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними, в 2023 году по сравнению с 2022 годом составил 21,3% (с 633 до 768 преступлений). Резкое увеличение данного показателя соотносится и с ростом количества зарегистрированных преступлений в целом по Пермскому краю, который также увеличился на 2,1%.

Сравнение аналогичных показателей в 2024 году также указывает на значительный рост подростковой преступности, имевший место в 2022–2023 годах. Так, за первое полугодие 2022 года в Пермском крае подростками совершено 294 преступления и в первом полугодии 2023 года 429 преступлений, соответственно прирост составил 45,9%, что в свою очередь обусловлено увеличением общего количества преступлений. Следует отметить, что 178 преступлений или 41,5% совершены подростками в составе группы лиц.

Вместе с тем об установлении устойчивой тенденции роста подростковой преступности без учета итоговых количественных показателей за 2024 год заявлять преждевременно, поскольку по сравнению с аналогичным периодом 2023 года за шесть месяцев 2024 года зафиксировано только 304 преступления, совершенных несовершеннолетними. Тем самым в первом полугодии 2024 года по сравнению с предыдущим годом наблюдается снижение подростковой преступности на 29,1%. Следует отметить, что 101 преступление или 33,2% совершены подростками в составе группы лиц.

Рассматривая количественный показатель подростковой преступности, следует указать, что в 2018 году в совершении преступлений участвовали — 1211 подростков, в 2019 году — 1083 подростка, в 2020 году — 829 подростков, в 2021 году — 709 подростков, в 2022 году — 560 подростков и в 2023 году — 568 подростков. Сравнение

указанного показателя за период с 2018 года по 2023 год также подтверждает вышеуказанные выводы (рис. 1).

Количество несовершеннолетних, совершивших преступления, в 2023 году по сравнению с 2022 годом выросло незначительно на 1,4% (560 до 568). В то же время число уголовно наказуемых деяний, совершенных несовершеннолетними, за тот же период времени выросло на 21,3% (с 633 до 768). В большей степени такая ситуация сложилась из-за роста количества совершенных многоэпизодных преступлений. Чаще всего несовершеннолетние вовлекаются в наркоторговлю или мошенничество по схеме «Ваш родственник попал в беду».

Обращает на себя внимание уровень повторной преступности несовершеннолетних в регионе. Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о достаточно высоком её уровне в Пермском крае. Примерно четверть (23,7%) подростков ежегодно вновь решается на совершение преступлений, не делая должных выводов.

Так, в 2018 году повторно совершили преступления 289 подростков, в 2019 году — 265 подростков, в 2020 году — 209 подростков, в 2021 году — 174 подростка, в 2022 году — 117 подростков и в 2023 году — 122 подростка (Рис. 2).

Доля рецидивной преступности среди несовершеннолетних (по лицам) в 2018–2019 годах составила 24%, в 2020 году — 25%, в 2021 году — 24,5%, в 2022 году — 21%, в 2023 году — 21,5%.

Среди количества преступлений, совершенных несовершеннолетними в Пермском крае, прослеживается тенденция на сокращение количества преступлений, совершенных подростками, которые ранее не привлекались к уголовной ответственности. Вместе с тем, удельный вес рецидивной преступности в общей структуре преступности несовершеннолетних сохраняется преимущественно за счет доли именно судимых лиц (Таблица 1).

В составе группы лиц несовершеннолетними совершено в 2018 году 491 преступление, в 2019–451, в 2020 году — 376, в 2021 году — 340, в 2022 году — 261 и в 2023 году — 257, что в абсолютных цифрах свидетель-

Рис. 1

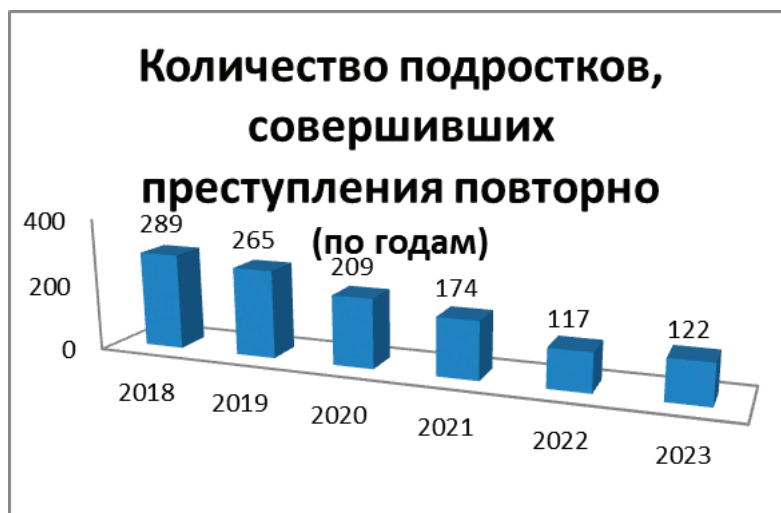

Рис. 2

Таблица 1. Количество преступлений, совершенных несовершеннолетними лицами (из расследованных)

Год	Общее количество	Из них ранее совершавшими	Из них ранее судимыми
2020	958	308	138
2021	774	254	157
2022	633	218	155
2023	768	238	155

ствует о снижении в целом уровня групповой подростковой преступности в регионе (Рис. 3).

При общей тенденции снижения групповой преступности несовершеннолетних по-прежнему каждое третье преступление совершается подростками, находящимися в состоянии алкогольного (чаще) или наркотического опьянения. В 2020 году из 422 подростков в состоянии опьянения совершили преступления в составе группы 162 человека, в 2021 указанный показатель равен 147 из

340 человек, в 2022 году — 104 из 261 человека. В 2023 году из 257 подростков, решившихся на совершение преступлений в составе группы лиц, 12 находись в состоянии алкогольного опьянения и 1 — в состоянии наркотического опьянения.

Наиболее распространёнными причинами, способствующими совершению подростками преступлений, являются негативное влияние на подростка его окружения — близких родственников (братьев, сестер), сверст-

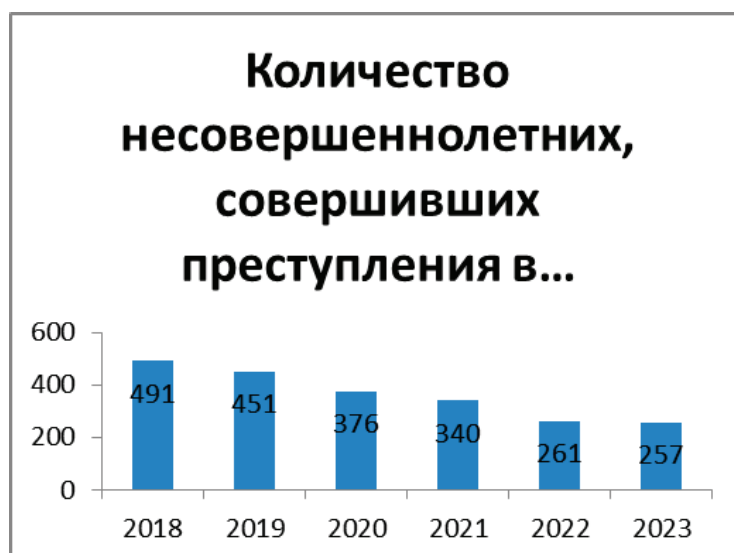

Рис. 3

ников, а также совершеннолетних знакомых, в том числе при использовании социальных сетей; ненадлежащее исполнение родителями, опекунами своих обязанностей по воспитанию детей, отсутствие организованного досуга подростков и должного контроля законных представителей несовершеннолетних за их поведением; негативное влияние информационного потока сети «Интернет»; в нередких случаях — состояние алкогольного опьянения, а в некоторых — недостаточная профилактическая работа комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, поскольку не всеми субъектами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в полном объеме используется ресурс восстановительных программ, проводимых ведущими муниципальными служб примирения, а также возможности школьных служб примирения, когда сверстники, прошедшие обучение и обладающие основными приемами медиации, могут вывести несовершеннолетнего правонарушителя из сферы негативного на него влияния, мотивировать подростка на успешное обучение и развитие личности.

Наиболее часто совершаемыми подростками преступлениями являются следующие виды преступлений: кража, угон, преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, грабеж, умышленное причинение вреда здоровью (статьи 111, 112 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Из анализа статистических данных следует, что за отчетный период в целом уменьшилось количество совершаемых подростками преступлений. Наибольшее снижение наблюдается по таким видам преступлений, как грабеж (со 104 преступлений в 2019 году до 36 преступлений в 2022 году, то есть на 65%), кража (с 713 преступлений в 2019 году до 328 преступлений в 2022 году, то есть на 46%), вымогательство (с 11 преступлений в 2018 году до 5 преступлений в 2022 году, то есть на 45,4%).

При этом официальная статистика 2023 года внесла существенные коррективы в понимание структуры и динамики преступности несовершеннолетних в Пермском крае. Так, в 2023 году по сравнению с 2022 годом зафиксирован резкий рост количества грабежей (с 36 до 45 преступлений, прирост 25%), разбоев (с 4 до 7 преступлений, прирост 75%) и вымогательств (с 5 до 9 преступлений, прирост 80%).

Отдельно следует отметить стремительное увеличение количества зарегистрированных преступлений, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Если в 2019 году зарегистрированы данные о совершении подростками 42 таких преступлений, в 2020 году — 64 преступления (прирост 52%), в 2021 году — 46 преступлений (снижение на 28%), в 2022 году — 28 преступлений (снижение на 39%), то в 2023 году этот показатель достиг отметки в 113 преступлений, тем самым прирост к показателю 2022 года составил 303%!

Общая характеристика состояния преступности несовершеннолетних в Пермском крае не может быть полной и в наибольшей степени соответствующей действительности без учета данных о судимости.

В период с 2018 года по 2023 год судами Пермского края рассмотрено 4876 уголовных дел и материалов в отношении 5775 несовершеннолетних. Статистика по годам выглядит следующим образом (Таблица 2).

Следовательно, количество уголовных дел и материалов за прошедшие шесть лет к концу 2023 года уменьшилось на 45% в сравнении с аналогичным периодом 2018 года, количество несовершеннолетних, в отношении которых судами края рассматривались уголовные дела и материалы, уменьшилось на 42%.

Выявленные показатели преступности несовершеннолетних способствуют дальнейшему исследованию указанной проблемы, более глубокому изучению личности несовершеннолетнего правонарушителя (преступника) с целью выработки профилактических мероприятий, нивелирующих детерминанты противоправного поведения, недопущения совершения противоправных деяний, осуществления деятельности по исправлению лиц, преступивших уголовный закон, социального сопровождения после отбытия наказания [1].

Анализируя статистические данные, можно отметить, что преступность несовершеннолетних, как и преступность вообще, от года к году имеет тенденцию к снижению, хотя ряд исследователей (С. А. Корягина, Д. А. Корецкий и др.) считают, что такое снижение не отражает реального состояния данного социального явления и, по-видимому, связано с недостаточной реакцией правоохранительных органов на преступления, особенно совершенные лицами, не достигшими совершеннолетия.

Таблица 2

Год	Количество рассмотренных уголовных дел и материалов (по сравнению с аналогичным периодом прошлого года)	Количество лиц (по сравнению с аналогичным периодом прошлого года)
2018	945	1186
2019	1086 (увеличение на 14,9%)	1306 (увеличение на 10%)
2020	891 (снижение на 18%)	1035 (снижение на 20,8%)
2021	732 (снижение на 17,8%)	865 (снижение на 16,4%)
2022	628 (снижение на 14,2%)	746 (снижение на 13,8%)
2023	594 (снижение на 5,4%)	637 (снижение на 14,6%)

Литература:

1. Карханина Л. В., Лебешев И. С. Современное состояние женской преступности в России // Российский судья. 2022. №5. С. 42–44.

Нормативно-правовое сопровождение бизнеса в сфере наружной рекламы

Айхенвальд Иван Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Семенец Марина Юрьевна, кандидат юридических наук, преподаватель
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются основные аспекты нормативно-правового регулирования деятельности бизнеса в сфере наружной рекламы в Российской Федерации. На основании анализа актуальных законодательных актов выявляются ключевые проблемы правоприменения и предлагаются пути реформирования действующей правовой базы.

Ключевые слова: наружная реклама, реклама, объект рекламирования, законодательство о рекламе, рекламная деятельность, размещение рекламы, динамическая реклама.

Наружная реклама является важным инструментом маркетинга, который предоставляет компаниям возможность повысить видимость своих продуктов и услуг. Однако, с учетом её воздействия на городской облик и безопасность дорожного движения, государство устанавливает ряд нормативных ограничений и требований. В статье поднимаются актуальные вопросы правового регулирования наружной рекламы и предлагаются пути оптимизации существующей правовой базы.

Актуальным, действующим законодательством России, регулирующим отрасль наружной рекламы, выступают Федеральный закон «О рекламе», Градостроительный кодекс Российской Федерации, а также муниципальные, региональные нормативно-правовые акты органом местного самоуправления. Федеральный закон № 38-ФЗ «О рекламе» определяет общие правила и ограничения, в то время как региональные власти обладают правом регулировать вопросы размещения и оформления рекламных конструкций по средствам формирования и утверждения административных регламентов и иных требований.

Важными аспектами регулирования следует выделить такие требования как: требования к содержанию рекламы, ограничения по размеру и месту размещения рекламных конструкций, а также порядок получения разрешений на установку и эксплуатацию рекламной конструкции (последнее представляет собой один из важнейших документов, без которого невозможно ни заключить договор на установку и эксплуатацию рекламной конструкции ни собственно установить и эксплуатировать её, т.к. такое использование конструкции для распространение объекта рекламирования незаконно).

Проблематика правоприменения лежит в плоскости следующих основных проблем, имеющих своё выражение в трудностях правоприменения и содержат в себе: несоответствие региональных норм федеральным требованиям,

что неизбежно ведёт к правовой неопределенности и возникновению разноплановых коллизий и трудностей для добросовестного ведения бизнеса в сфере наружной рекламы, недостаточная координация между различными органами власти, отвечающими за контроль и разрешение размещения наружной рекламы, проблемами с фактическим соблюдением законодательных требований и частые нарушения, приводящие к административным правонарушениям.

Рассматривая и разбирая тонкости взаимодействия субъектов рекламной деятельности России нельзя обойти стороной и игнорировать опыт зарубежных стран и иностранных коллег, ведь такой подход, включающий в себя наиболее широкую выборку всевозможного опыта, правоприменения и эмпирических изысканий способствует всецелому, фундаментальному подходу к объекту исследования, а также обеспечению принципа объективности в целом, как инструмента научного метода познания.

Изучение международного опыта может предоставить ценные уроки для рынка наружной рекламы России. Некоторые страны относительно успешно справляются с управлением наружной рекламой, интегрируя современные технологии и подходы к урегулированию взаимоотношения субъектов наружной рекламы.

Традиционно в таких случаях приводят опыт стран Евросоюза, Соединённых Штатов и стран Азии, чаще всего Японии, Китая и Гонконга.

Так, например, в Соединённых Штатах Америки регулирование наружной рекламы осуществляется на трёх уровнях: общенациональном, на уровне отдельного штата и местном, в рамках даже отдельно взятого города. Стоит отметить особое внимание департамента по транспортным путям США, устанавливающим общие рекомендации, в частности для рекламы вдоль автомагистралей (наружная реклама), с акцентом на безопасность дорожного движения.

В странах же Евросоюза особое внимание и акцент уделён визуальной гармонии и культуре интегрирования рекламного-информационного материала в общий внешний облик города, земли/кантона. Например, в Париже и Барселоне существуют строгие нормы, касающиеся дизайна и оформления рекламных объектов.

В Японии большое внимание уделяется экологичности и энергосбережению. В Токио активно используются энергоэффективные технологии, такие как: оснащение рекламных конструкций энергоэффективными источниками подсветки и альтернативными источниками энергии для них, чаще всего в виде солнечных панелей, за счёт их эргономичности, относительной компактности и экологичности.

Рынок наружной рекламы России во многом уже представляет собой некий симбиоз как зарубежного опыта, так и собственных эмпирических изобретений, таких как выделение термина «динамической рекламы», закрепление его в нормативно-правовом акте субъекта Федерации, что позволяет обеспечивать защиту интересов и безопасность как отдельных категорий граждан в частности, так и неограниченный круг лиц, потребляющих информацию об объекте рекламирования в безопасных условиях.

Для того, чтобы взаимодействие между бизнесом (рекламораспространителем), занимающимся наружной рекламой, и муниципальными властями было более конструктивным и эффективным, стоит рассмотреть несколько практических рекомендаций:

В первую очередь для бизнеса важны такие условия и аспекты как:

1. Адаптирование и интеграция стратегии развития бизнес-модели под местные условия, компаниям нужно локализовать свои рекламные стратегии в зависимости от правовых, культурных и социальных особенностей каждого, отдельно-взятого субъекта Российской Федерации, что будет способствовать наиболее эффективному завоеванию целевой аудитории.

2. Не бояться внедрять инновационные методы, подходы, ноу-хау, использовать современные технологии, таких как цифровые панели (Диджитал/Digital (с англ. «цифровой»)) и программируемые экраны, что позволит сделать рекламу более актуальной и интересной, а так же поможет избежать ряда издержек свойственных традиционной наружной рекламе с использованием бумажного или иного физически-сменяемого носителя рекламного-информационного материала.

3. Прозрачный и открытый диалог с органами местного самоуправления способствует лучшему пониманию и выполнению нормативных требований, что помогает избежать траты времени, штрафов и административных барьеров.

Для органов местного самоуправления:

1. Создание по возможности единообразной, унифицированной и однозначной нормативно-правовой базы оказания административных услуг, в частности для получения разрешений на установку и эксплуатацию ре-

кламных конструкций, такой комплексный правовой подход поможет компаниям более точно понимать требования и избегать ненужных задержек и конфликтов. Регулярное обновление нормативов с учетом технологических новшеств также не маловажно.

2. Стоит уделить внимание проведению открытых мероприятий в формате вебинаров для операторов наружной рекламы по актуальным вопросам повестки дня и изменениям законодательства, а также семинаров и образовательных программ для представителей рекламных агентств что поспособствует более глубокому пониманию ведения бизнеса в сфере наружной рекламы, нововведениях и технологиях.

3. Разработка и внедрение открытых онлайн-платформ для оценки и утверждения заявок на установку рекламных конструкций могут увеличить прозрачность процессов и сократить время их обработки.

Современные технологии могут оказать значительное влияние на реформирование сферы наружной рекламы по средствам повсеместного внедрения цифровых рекламных экранов что очевидно позволит более гибко изменять содержание рекламы и уменьшить объём физических носителей, что благоприятно скажется на бизнес-процессах.

Внедрение систем анализа данных о перемещении людей искусственным интеллектом (в частности, как пример, возможность использовать Internet of Things (с англ. — «интернет вещей») для отслеживания эффективности рекламных кампаний, например, через сенсоры, которые анализируют взаимодействие прохожих с билбордами.) может помочь достичь более точного и эффективного размещения рекламного-информационного материала, ориентируясь на целевую аудиторию.

Эффективное правовое регулирование наружной рекламы способствует не только улучшению рыночной конкуренции и развитию бизнеса, но и сохранению культурного облика городов. Реформирование законодательства в сфере наружной рекламы требует многостороннего подхода и вовлечения всех заинтересованных сторон. Прозрачные и четкие правовые нормы, учитывающие как бизнес-интересы, так и общественные запросы, позволят создать более комфортную городскую среду и поддержат устойчивое развитие бизнеса.

Будущие исследования могут быть сфокусированы на разработке новых технологий для контроля эффективности рекламных кампаний, а также на исследовании влияния наружной рекламы на поведенческие паттерны потребителей в городской среде. Таким образом, подходы к регулированию наружной рекламы нуждаются в обновлении, что будет способствовать не только развитию инфраструктуры рекламы, но и улучшению качества городской жизни.

Адаптация и совершенствование системы наружной рекламы в России — процесс сложный, но необходимый. Он требует балансировки интересов бизнеса, муниципальных учреждений и общества. Только скоординированные и про-

зранные усилия могут привести к созданию современной, эстетически привлекательной и регулируемой рекламной среды. Это не только улучшит городской пейзаж, но и создаст устойчивую бизнес-среду, которая способствует инновациям и дальнейшему развитию отрасли.

В конечном счёте, совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере наружной рекламы требует как системного подхода, который учитывает как правовые, так и социально-экономические аспекты, вовлечения всех заинтересованных сторон, включая представителей бизнеса, органов власти и общественных организаций, постоянного мониторинга эффективности реализуемых мер и корректировки подходов в случае необходимости.

Такая комплексная стратегия позволит не только повысить прозрачность и предсказуемость для бизнеса, но и содействовать созданию более комфортной и эстетичной городской среды для всех субъектов рынка наружной рекламы России.

Литература:

1. «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N190-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации N1 (ч.1), 03.01.2005, ст. 16.
2. Федеральный закон от 13.03.2006 N38-ФЗ «О рекламе» // Российская газета, N51, от 15.03.2006.
3. Федеральный закон от 26.07.2006 N135-ФЗ «О защите конкуренции» // «Собрание законодательства РФ», от 31.07.2006, N31 (1 ч.), ст. 3434.
4. Постановление Правительства Москвы от 12.12.2012 № 712-ПП «Об утверждении Правил установки и эксплуатации рекламных конструкций» // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы, www.mos.ru, от 13.12.2012.
5. Абрамов В. Ю., Абрамов Ю. В. Правовое регулирование новых видов предпринимательской деятельности: практическое пособие. — М.: Юстицинформ, 2023. 320 с.

Исходя из всего вышеизложенного, можно следующим образом представить работу по совершенствованию законодательства о рекламе:

1. Унификация законодательства: Разработка единых стандартов размещения наружной рекламы, которые будут применяться на федеральном уровне и учитывать специфику различных регионов.

2. Усиление контроля и ответственности: Увеличение штрафов за нарушения и усиление мер ответственности для недобросовестных рекламодателей и операторов наружной рекламы.

3. Разработка рекомендаций по визуальному оформлению рекламных конструкций, что позволит гармонизировать их с городской средой и улучшить эстетическое восприятие.

Предложенные меры по реформированию законодательства нацелены на создание сбалансированной правовой среды, которая будет учитывать интересы всех участников процесса: государства, бизнеса и общества.

Состав единого недвижимого комплекса

Бабаев Телман Азер оглы, студент магистратуры

Научный руководитель: Бажайкин Анатолий Леонидович, кандидат юридических наук, доцент

Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В данной статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с составом единого недвижимого комплекса, возникающие в судебной практике и научной литературе, о том, совокупность какого имущества может образовывать единый недвижимый комплекс

Ключевые слова: *единый недвижимый комплекс, состав единого недвижимого комплекса, земельный участок и единый недвижимый комплекс.*

Статьей 133.1 ГК РФ установлено, что недвижимой вещью, участвующей в обороте как единый объект, может являться единый недвижимый комплекс.

Единый недвижимый комплекс — это совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, в том числе линейных объектов (железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и другие),

либо расположенных на одном земельном участке, если в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь.

Согласно данной правовой нормы объект недвижимого имущества признается единым недвижимым комплексом в случае, если совокупность имущества (здания,

сооружения и иные вещи) имеют единое назначение и неразрывно связаны друг с другом физически или технологически либо расположены на одном земельном участке.

В судебной практике при рассмотрении споров предметом которых является единый недвижимый комплекс, суды при разрешении вопроса о том является ли спорный объект недвижимого имущества единым недвижимым комплексом также указывают, что, когда несколько объектов могут быть объединены в единый комплекс такие объекты должны либо быть неразрывно связаны физически или технологически, либо располагаться на одном земельном участке [1].

В связи с этим в литературе принято подразделять единые недвижимые комплексы по наличию одного из указанных признаков на два вида:

— совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, в том числе линейных объектов (железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и др.), если в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь,

либо

— совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, расположенных на одном земельном участке, если в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь [2].

Образованные указанными способами, единые недвижимые комплексы должны обладать общим для обоих видов признаком единого назначения входящих в комплекс имущества.

Как отмечает Алексеев В. А., наличие физической связи между зданиями (сооружениями), если они используются по разному назначению, исключает формирование единого недвижимого комплекса. Точно так же расположение нескольких объектов на одном земельном участке, если эти объекты используются по разному назначению, не позволяет объединить их в единый недвижимый комплекс [3].

При этом необходимым условием для признания единого недвижимого комплекса таковым является наличие государственной регистрации объектов недвижимого и движимого имущества в качестве единого недвижимого комплекса. Так судебными органами указывается, что обязательным условием признания единого недвижимого комплекса таковым является его регистрация в целом, как одной недвижимой вещи. В силу прямого указания ст. 133.1 ГК РФ в отсутствие названной регистрации такая совокупность вещей не является единым недвижимым комплексом [4].

Отсутствие государственной регистрации прав на единый недвижимый комплекс влечет невозможность лица в судебной защите его гражданских прав, например, таким способом как признание права собственности на

данный объект. Так Постановлением Пятнадцатого Арбитражного апелляционного суда было отказано в удовлетворении апелляционной жалобы на решение суда первой инстанции об отказе в удовлетворении требования о признании права собственности на базу отдыха как единый недвижимый комплекс. В данном споре суды указали, что единый недвижимый возникает с момента государственной регистрации права собственности лица на совокупность вещей как на единый объект гражданских прав. До момента государственной регистрации совокупность вещей не обладает свойствами единого объекта (самостоятельной вещи), в связи с чем право собственности на нее не может быть признано в судебном порядке. Нормы действующего законодательства предусматривают обязательный административный порядок для установления права на единый недвижимый комплекс как объект гражданских прав. Признать право собственности на единый недвижимый комплекс в судебном порядке невозможно в том случае, если данный объект по сведениям ЕГРП единым недвижимым комплексом не является, поскольку такого объекта как самостоятельной оборонеспособной вещи не существует [5].

Однако сама совокупность объектов недвижимого и движимого имущества может обладать признаками единого недвижимого комплекса, так как в случае оспаривания решения регистрирующего органа об отказе в регистрации права собственности на единый недвижимый комплекс судам следует исходить из того обладает ли такая совокупность того или иного имущества свойствами единого недвижимого комплекса по смыслу ст. 133.1 ГК РФ.

Например, Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд в своем постановлении указывает, что выводы суда нижестоящей инстанции о том, что линии электропередач и трансформаторная подстанция не образуют единый недвижимый комплекс, являются движимым имуществом, сделанные на основании изучения фотографии, не могут служить основанием для отказа в признании спорного имущества бесхозным. Совокупность вышеуказанного имущества имеет единое назначение, представляет собой совокупность линейных объектов для передачи электрической энергии и в силу ст. 133.1 ГК РФ может быть зарегистрирована как единый функциональный комплекс, который приравнивается к недвижимой вещи [6].

Нормы гражданского законодательства посвященные единому недвижимому комплексу прямо не указывают на то какое имущество может входить в его состав и какова их юридическая судьба, в связи с этим в правоприменительной и судебной практике возникают спорные вопросы о составе единого недвижимого комплекса, а именно вопрос об отнесении того или иного имущества, в частности движимого, к единому недвижимому комплексу, и, как следствие, особенностях гражданского оборота такого объекта.

Представляется, что данные вопросы возникают из-за используемого в ст. 133.1 ГК РФ словосочетания «иных

вещей», которое в полной мере не отвечает на вопрос о том какое имущество может входить в состав единого недвижимого комплекса.

Сложившаяся судебная практика признает, что состав единого недвижимого комплекса могут образовывать совокупность движимых и недвижимых вещей. В письме Федерального агентства по управлению государственным имуществом N АЧ-18/56045 от 30.12.2015 г. было указано, что единый недвижимый комплекс может иметь в своем составе не только недвижимое по своей природе имущество, но и движимое (например, системы отопления, канализации, линии электропередач, связи и др.) [7].

Например, суды признают составной частью единого недвижимого комплекса электрический кабель линии электропередачи указывая на то что линия электропередачи представляет собой единый линейный объект и выступает как единый объект вещных прав, ее раздел в натуре невозможен без изменения ее назначения, в связи с чем такая линия представляет собой неделимую вещь, отдельные составные части которой (в спорном случае — электрокабель) не являются самостоятельными объектам и недвижимости [8].

Причем в качестве составных частей единого недвижимого комплекса могут выступать не только линейные объекты указанные в ст. 133.1 ГК РФ и ст. 1 Градостроительного кодекса РФ, но и любое другое движимое имущество исходя из наличия или отсутствия неразрывной физической или технологической связи между движимой вещью и единым недвижимым комплексом а также физических свойств самого движимого объекта.

Нередко налоговыми органами имущество являющееся движимым признается составной частью единого недвижимого комплекса в целях налогообложения и в следствии чего собственнику единого недвижимого комплекса доначисляется налог на имущество. Например, в деле N А55–37006/2019 о признании недействительными решений налогового органа о доначислении налога на имущество организации, по итогам проведенной экспертизы было установлено, что магистральный трубопровод является линейным объектом, подпадающим под понятие единого недвижимого комплекса. Спорные объекты (площадки обслуживания, площадки производственные, задвижки шиберные, электроприводы, комплектные трансформаторные подстанции, устройства катодной защиты, системы компенсации нагрузок, затворы обратные, задвижки клиновые, автоматические пункты секционирования, фильтры-грязеуловители и пр), переквалифицированные из «недвижимого» в «движимое», являются неотъемлемой частью магистрального трубопровода, который в свою очередь является линейным объектом, попадающим под понятие единого недвижимого комплекса, а также трубопровод и объекты объединены единым назначением.

Суд также указал, что движимое имущество не является частью недвижимости, только в том случае, если одновременно выполняются следующие условия: — оно

учитывается как отдельные (самостоятельные) инвентарные объекты основных средств, не требующих монтажа; — оно может быть использовано вне объекта недвижимости; — его монтаж не причинит несоразмерного ущерба его назначению и (или) его предназначения не является неотъемлемой частью функционирования объекта недвижимого имущества.

С учетом изложенного суды первой и апелляционной инстанции правомерно указали, что магистральные трубопроводы представляют собой сложную вещь, являются единым объектом (комплексом) и обустройство переездов через магистральные нефтепроводы, наличие электрохимзащиты, насосов, задвижек и прочего имущества непосредственно обусловлено требованиями норм действующего законодательства [9].

Однако не все движимое имущество, связанное тем или иным образом с единым недвижимым комплексом, может и должно признаваться его составной частью. Например, по делу N А05–879/2018 оспаривалось решение налогового органа о доначислении налога на недвижимое имущество — оборудование линии по производству древесных гранул, поперечный транспортер подачи щепы, поперечный транспортер подачи щепы и опилок и др., признанное движимым имуществом в составе единого недвижимого комплекса «Цех по производству древесных гранул». Суд первой инстанции с учетом заключений экспертных организаций пришел к выводу, что вышеуказанные объекты представляют собой единое целое и предназначены для получения целевого продукта по единому технологическому процессу (производство древесных гранул по одной непрерывной технологической линии) и соответственно получения дохода организации. Изъятие объектов из единого комплекса «Цех по производству древесных гранул» приведет к прекращению или изменению процесса производства древесных гранул [10].

Верховный суд РФ, в свою очередь, указал, что оборудования предназначенные для производства продукции не являются составными элементами зданий, будучи предназначены не для обслуживания зданий, а для изготовления готовой продукции, либо обслуживания производственного процесса и сам по себе факт монтажа оборудования в специально возведенном для его эксплуатации здании, в том числе, если последующий демонтаж и перемещение оборудования потребуют несения дополнительных затрат и частичной ликвидации здания, не означает, что назначением оборудования становится обслуживание здания [11].

В письме Минпромторга РФ от 23.03.2018 № ОВ-17590/12, была указана аналогичная позиция с указанием на то, что технологическое оборудование промышленных предприятий, несмотря на то, что оно может быть смонтировано на фундаменте, не может быть квалифицировано в качестве недвижимого имущества, поскольку не соответствует критериям ГК РФ и выступает в гражданском обороте самостоятельно именно в качестве оборудования, для которого возможен неоднократный демонтаж,

перемещение на другое место с последующей установкой при сохранении эксплуатационных качеств и проектных характеристик конструктивных элементов оборудования без потери его технических свойств и технологических функций [12].

Таким образом можно говорить о том, само включение движимого имущества в состав единого недвижимого комплекса не противоречит действующему гражданскому законодательству РФ, и данная позиция поддерживается судебной и правоприменительной практикой. Однако, признание конкретной движимой вещи составной частью единого недвижимого комплекса, в случае возникновения спорных правоотношений, является вопросом разрешаемым судом индивидуально в каждом конкретном случае исходя из фактических свойств единого недвижимого комплекса и движимой вещи в том числе наличия неразрывной физической или технологической связи между ними.

Рассматривая вопросы, связанные с составом единого недвижимого комплекса, необходимо также обратить внимание на вопрос создания единого недвижимого комплекса только лишь из движимых вещей.

Как указывалось ранее, диспозиция ст. 133.1. ГК РФ не указывает на то, что понимается под «иными вещами», и наряду с этим не совсем ясно указание на имущество, которое может образовывать единый недвижимый комплекс является перечислением или обязательным условием наличия в едином недвижимом комплексе недвижимого имущества (здания/сооружения).

С введением в гражданское законодательство РФ Единого недвижимого комплекса и развитием законодательного регулирования в части его регистрации, кадастрового учета и гражданского оборота в целом нередко возникали случаи когда совокупность имущества, права на которые были зарегистрированы в едином реестре прав на недвижимое имущество как на единый недвижимый комплекс, могли и не иметь в своем составе недвижимого имущества и состоять лишь из движимых вещей.

Так Галичским районным судом рассматривалось дело по иску главы администрации Антроповского сельского поселения, Антроповского муниципального района Костромской области о признании подъездного пути и погрузочной эстакады к объектам, не относящимся к объектам недвижимости, о признании отсутствующим права собственности на подъездной путь, погрузочную эстакаду, единый недвижимый комплекс с внесением записей в Единый государственный реестр недвижимости о прекращении права собственности на единый недвижимый комплекс, состоящий из подъездного пути и погрузочной эстакады, указывая на то, что погрузочная эстакада является движимой вещью, поскольку в силу своих природных свойств, имея вспомогательное значение для обслуживания железнодорожных путей, принадлежащих ОАО «РЖД» [13]. В рассматриваемом деле суд не согласился с выводами заключения строительной технической судебной экспертизы о том, что перемещение погруз-

очной эстакады невозможно без несоразмерного ущерба его назначению, а работы по перемещению объекта будут соизмеримы со строительством нового аналогичного объекта. Суд, учитывая внешние характеристики указанного объекта, использованные строительные материалы, отсутствие самостоятельного функционального назначения, возведение указанного объекта за непродолжительное время, пришел к выводу о том, что перемещение указанных объектов в другое место возможно без несоразмерного ущерба его назначению, в связи с чем отнес имущество в составе единого недвижимого имущества — к движимым вещам. С выводами суда согласился суд кассационной инстанции [14].

В ряде других судебных актах также указывается, что совокупность движимого имущества не является единым недвижимым комплексом или, указывается на это как на один из критериев для признания единого недвижимого комплекса отсутствующим [15].

Следовательно, если объекты недвижимого имущества (здание, сооружение и др.) в составе единого недвижимого комплекса фактически будут обладать признаками движимого имущества, как было указано ранее, это повлечет к юридической «гибели» такого комплекса. Причем то же относится и к единым недвижимым комплексам, образованным из одного объекта недвижимости и движимых вещей.

Встречаются случаи, когда в едином государственном реестре недвижимости указаны сведения о вхождении в состав единого недвижимого комплекса недвижимого имущества, не являющегося таковым, что влечет его исключение из состава недвижимого комплекса, но при этом сам комплекс продолжает существовать как физически, так и юридически.

Так, например, Семнадцатый арбитражный Апелляционный суд, рассмотрев в апелляционном порядке жалобу ОАО «РЖД» принял решение об отмене решения суда первой инстанции и об удовлетворении исковых требований о признании права собственности ответчика на спорные объекты (подкрановые пути) отсутствующими и исключении из единого государственного реестра недвижимости сведения о вхождении в состав единого недвижимого комплекса (Деревообрабатывающее предприятие) спорных объектов. При этом, указав, что положениям подп. 6 п. 2 ст. 39.3, п. 1 ст. 39.20 ЗК РФ ответчик, как собственник подкрановых путей, право собственности на которые зарегистрировано как на объекты недвижимости, имеет исключительное право владения и пользования той частью земельного участка полосы отвода железной дороги, которая необходима для размещения и использования этих объектов, и как следствие, права пользования данной частью земельного участка в отсутствие законных оснований лишается ОАО «РЖД». В то же время, спорные подкрановые пути не являлись объектами недвижимости, что подтверждалось заключением судебной экспертизы, указывающим на невозможность признаны объектами недвижимости в силу отсутствия прочной связи с землей,

поэтому выбранный способ защиты был признан судом единственным возможным способом защиты права.

В обоснование своего решения суд указал, что «поскольку право собственности в ЕГРН подлежит регистрации только в отношении объектов недвижимости, оснований для сохранения записей в ЕГРН об этих объектах, которые не являются недвижимостью, не имеется, в том числе в составе единого недвижимого комплекса».

Также суд апелляционной инстанции отмечает, что создание ситуации, при которой движимое имущество регистрируется правообладателем как недвижимое (в том числе как вспомогательный объект) и регистрируется в ЕГРН, в том числе в составе Единого недвижимого комплекса, не может свидетельствовать о добросовестности правообладателя таких объектов и может иметь следствием незаконное предоставление в пользование соответствующей части земельного участка, что в данном случае свидетельствует о нарушении прав истца» [16]. С выводами изложенными в данном постановлении также согласились Арбитражный суд Уральского округа [17] и Верховный суд РФ [18].

Таким образом, можно говорить о том, что актуальная судебная практика и законодательное регулирование не признает в качестве единого недвижимого комплекса совокупность имущества, состоящего только из движимых вещей, и относит данный факт к одному из критериев для признания единого недвижимого комплекса отсутствующим.

В качестве еще одного объекта необходимо рассмотреть земельный участок или несколько земельных участков на которых расположен единый недвижимый комплекс.

Актуальная судебная и правоприменительная практика придерживается мнения о том, что земельный участок на котором расположен единый недвижимый комплекс не входит и не может входить в состав единого недвижимого комплекса, указывая на то, что из диспозиции ст. 133.1 ГК РФ следует, что в состав недвижимого комплекса могут входить исключительно вещи (как движимые, так и недвижимые), объединенные единым назначением либо расположенные на одном земельном участке. При этом, по смыслу данной нормы, сам земельный участок в состав единого недвижимого комплекса не входит [19].

Однако, представляется, что можно было бы говорить о допустимости включения земельного участка в состав единого недвижимого комплекса отнеся его к «иным вещам» указанным в ст. 133.1. ГК РФ. На это указывают сразу несколько факторов:

В работе В. В. Витрянского «Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги» упоминается, что согласно концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации от 07.10.2009 г. одновременно с введением в гражданское законодательство РФ правовой конструкции единого недвижимого комплекса из числа объектов недвижимости должно было

исключаться понятие «предприятие» — имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности и включающий в свой состав все виды имущества, в том числе земельный участок. Однако данная концепция ст. 132 ГК РФ не была реализована [20]. Учитывая это можно предположить, что единый недвижимый комплекс должен был заменить такой объект недвижимости как предприятие.

Также в своей работе «Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости» Бевзенко Р.С. указывает, что одной из целей введения в гражданский кодекс единого недвижимого комплекса являлось введение в российское право единого объекта недвижимости, такого как земельный участок (вне зависимости от количества расположенных на нем зданий или сооружений). Эта задача передана словами «либо расположенных на одном земельном участке» из диспозиции ст. 133.1. ГК РФ [21].

Однако на данный момент концепция единого объекта недвижимости не реализована и не поддерживается судебной практикой. Хотя в земельном законодательстве РФ и закреплён принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, согласно которому все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков, за исключением случаев, установленных федеральными законами [22]. Данный принцип в соответствии с п. 4 ст. 35 ЗК РФ и ст. 273 и 522 ГК РФ запрещает отчуждение земельного участка без расположенных на нем объектов недвижимого имущества и в то же время устанавливает принцип следования земельного участка судьбе недвижимого имущества расположенного на нем, что противоречит концепции единого объекта недвижимости согласно которому все что расположено на земельном участке следует его судьбе. Верховным судом РФ также высказывалась позиция, что принцип единства объекта недвижимости, согласно которому земельный участок и находящийся на нем объект незавершенного строительства являются единым объектом и участвуют в гражданском обороте как одна недвижимая вещь, в нормах законодательства, в том числе в нормах ЗК РФ не закреплён [23].

Но в то же время, принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов указывает на то, что единый недвижимый комплекс не может быть отчужден без земельного участка. Так в деле, рассматриваемом Арбитражным судом Московского округа, по иску об обязанности принять в собственность города Москвы возведенные инвестором объекты капитального строительства и автомобильные дороги совместно с земельными участками, на которых они находятся, суды пришли к выводу о том, что автомобильная дорога и находящийся под ней земельный участок являются составной частью единого недвижимого комплекса и в обороте выступают совместно. Следовательно, без земельного участка здание общеобразовательной организации эксплуатироваться не

может и земельный участок должен быть передан вместе с единым недвижимым комплексом [24].

Таким образом, если учитывать, что сам земельный участок согласно ст. 130 и 141.2 ГК РФ является объектом недвижимого имущества и может входить в состав предприятия, признаваемого в свою очередь недвижимым

имуществом согласно ст. 132 ГК РФ, а также принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов можно говорить о том, что включение в состав единого недвижимого имущества земельного участка, возможно, было бы целесообразным с точки зрения действующего гражданского законодательства РФ.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СПС КонсультантПлюс.
2. Бевзенко Р. с. «Земельный участок с постройками на нем» («Вестник гражданского права», 2017, NN1, 2) // СПС КонсультантПлюс.
3. Алексеев В. А. Право недвижимости Российской Федерации. Понятие и виды недвижимых вещей: учебник для вузов / В. А. Алексеев. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 601 с.
4. Определение Верховного Суда РФ от 15.05.2018 N60-КГ18-1; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24.04.2018 N Ф01-1084/2018 по делу N А39-3853/2017; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.01.2018 N Ф03-4680/2017 по делу N А51-1847/2017) // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.07.2016 N15АП-7799/2016 по делу N А53-943/2016 // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.03.2024 N11АП-1773/2024 по делу N А49-6428/2023 // СПС КонсультантПлюс.
7. Письмо Росимущества от 30 декабря 2015 г. N АЧ-18/56045 «О единообразии учета в реестре федерального имущества сведений о едином недвижимом комплексе» // СПС КонсультантПлюс.
8. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 28.02.2023 N88-1965/2023 по делу N2-546/2022 // СПС КонсультантПлюс.
9. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 19.10.2021 N Ф06-9341/2021 по делу N А55-37006/2019 // СПС КонсультантПлюс.
10. Решение Арбитражного суда Архангельской области от 30.05.2018 по делу N А05-879/2018 // СПС КонсультантПлюс.
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.07.2019 N307-ЭС19-5241, А05-879/2018; Решение Арбитражного суда Архангельской области от 30.05.2018 по делу N А05-879/2018 // СПС КонсультантПлюс.
12. Письмо ФНС России от 28.03.2018 N БС-4-21/5834@ «О вопросе, касающемся применения пп. 8 п. 4 ст. 374 и п. 25 ст. 381 НК РФ» (вместе с Письмом Минпромторга России от 23.03.2018 N ОВ-17590/12 «По вопросу квалификации объектов основных средств промышленного производства») // СПС КонсультантПлюс.
13. Решение Галичского районного суда Костромской области от 20.09.2022 по делу N2-2/2022 // СПС КонсультантПлюс.
14. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 06.06.2023 N88-11510/2023 // СПС КонсультантПлюс.
15. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21.03.2022 N Ф08-14348/2021 по делу N А32-9300/2021 // СПС КонсультантПлюс.
16. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.04.2022 N17АП-531/2022-ГК по делу N А50-24005/2020 // СПС КонсультантПлюс.
17. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.08.2022 N Ф09-4482/22 по делу N А50-24005/2020 // СПС КонсультантПлюс.
18. Определение Верховного Суда РФ от 22.11.2022 N309-ЭС22-22258 по делу N А50-24005/2020 // СПС КонсультантПлюс.
19. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 16.04.2015 N Ф06-21815/2013 по делу N А12-29025/2014 // СПС КонсультантПлюс.
20. Витрянский В. В. «Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги» (2-е издание, исправленное и дополненное) («Статут», 2018) // СПС КонсультантПлюс.
21. Бевзенко Р. с. «Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости» («М-Логос», 2017) // СПС КонсультантПлюс.
22. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N136-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // СПС КонсультантПлюс.

23. Определение Верховного Суда РФ от 30.07.2013 N4-КГ13–24 // СПС КонсультантПлюс.
24. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.03.2022 N Ф05–4473/2022 по делу N А40–239407/2020 // СПС КонсультантПлюс.

Влияние глобализации, цифровизации и новых технологий на механизмы контроля въезда/выезда на территории РФ

Бежин Никита Иванович, студент

Ярославский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Глобализация цифровизации и новых технологий, как процессы интеграции государств и обществ на различных уровнях, значительно влияет на механизмы контроля въезда и выезда на территории Российской Федерации. С развитием международных связей, увеличением потоков миграции и международной торговли, Россия сталкивается с новыми вызовами и возможностями, требующими адаптации существующих механизмов.

Упрощение визовой политики

Одним из заметных последствий глобализации является стремление к упрощению визовых процедур. Россия, пытаясь привлечь туристов, иностранных инвесторов и специалистов, начинает постепенно адаптировать свою визовую политику. Например, введение безвизовых режимов для граждан ряда стран и облегчение условий получения виз для определенных категорий граждан способствуют увеличению потоков въезжающих на ее территорию.

Автоматизация процессов

Одним из ключевых аспектов цифровизации является автоматизация процессов контроля на границах. Внедрение электронных систем управления, таких как автоматизированные пропускные пункты, позволяет сократить время ожидания и ускорить процесс оформления документов для въезда и выезда. Это достигается за счет использования технологий, таких как биометрия, распознавание лиц и считывание данных с документов в реальном времени.

Ужесточение контроля в условиях глобальных угроз

С другой стороны, глобализация сопряжена с возрастанием угроз безопасности — от терроризма до нелегальной миграции. Это заставляет российские власти ужесточать контроль на границах, вводя более строгие проверки и мониторинг. Системы, работающие на основе анализа больших данных, используются для выявления потенциальных угроз и анализа миграционных потоков, что позволяет более эффективно реагировать на вызовы.

Стимулирование экономических процессов

Глобализация создает и новые экономические возможности. Для того чтобы стимулировать внешнеэкономическую деятельность, Россия внедряет специальные режимы для облегчения въезда иностранного бизнеса и рабочих. Это включает в себя создание особых экономических зон и упрощение процедур для инвесторов, что активизирует механизмы контроля, делая их более лояльными к предпринимателям.

Рассмотрим некоторые современные технологии, которые используются для контроля въезда и выезда на территорию РФ.

1. Биометрические технологии

Одним из наиболее значительных достижений в области контроля въезда/выезда являются биометрические системы. Они позволяют использовать уникальные физиологические характеристики человека (отпечатки пальцев, лицо, радужную оболочку глаза) для идентификации и верификации личности. В России внедрены биометрические паспорта, которые включают в себя информацию о биометрических данных владельца, что улучшает безопасность и упрощает процесс пересечения границы.

2. Автоматизированные пропускные пункты

Автоматизированные системы контроля, такие как терминалы для самостоятельного прохождения границы, позволяют ускорить процесс оформления въезда/выезда. Путешественники могут сканировать свои паспорта и проходить биометрическую проверку, минуя очередь. Это значительно сокращает время ожидания и делает процесс более удобным.

3. Электронные визы

Внедрение института электронных виз стало важным шагом к упрощению процедур въезда в Россию для иностранных граждан. Оформление электронной визы доступно онлайн и требует минимальных усилий от заявителя. Это не только облегчает процедуру, но и способствует привлечению туристов и инвесторов.

4. Системы видеоаналитики и распознавания лиц

Системы видеонаблюдения, оснащенные технологиями распознавания лиц, активно используются на границах и в крупных аэропортах. Эти системы позволяют в ре-

жиме реального времени идентифицировать лица и сопоставлять данные с базами данных розыскных и досье. Это значительно повышает уровень безопасности, предотвращая попытки пересечения границы лицами с криминальным прошлым.

5. Интеграция баз данных и обмен информацией

Современные технологии позволяют интегрировать различные государственные базы данных, такие как миграционный учет, пограничный контроль и правоохранительные органы. Это создает единую платформу, позволяющую быстро обмениваться информацией между различными ведомствами и способствует более эффективному контролю за миграционными потоками.

6. Мобильные приложения и онлайн-сервисы

Для повышения удобства посещения и оформления документов создаются мобильные приложения и онлайн-сервисы. Граждане и иностранцы могут получить актуальную информацию о визах, статусе путешествий, необходимых документах и изменениях в законодательстве. Это способствует уменьшению бумажной волокиты и облегчает взаимодействие с государственными органами.

7. Искусственный интеллект и аналитика данных

Искусственный интеллект (ИИ) все чаще используется для анализа больших объемов данных, что позволяет выявлять паттерны и аномалии в миграционных потоках. Это, в свою очередь, помогает предсказывать возможные угрозы и реагировать на них до того, как они станут реальностью.

Нововведения

С 1 декабря 2024 года при въезде в Россию через пять пунктов пропуска у иностранцев будут собирать биометрические данные — отпечатки пальцев и фото.

Сбор данных введут на автомобильном КПП «Маштаково» на границе с Казахстаном, в аэропортах Шереметьево, Домодедово, Жуковский, а при наличии технической возможности — и во Внукове. Такая же процедура будет действовать при выезде из РФ через эти КПП.

А с 30 июня 2025 года для иностранцев — вне зависимости от пункта въезда — МВД будет формировать цифровые профили, в которых в том числе станет указывать биометрические данные.

Все это делают в рамках эксперимента, который до 30 июня 2026 года проводит правительство России. Цифровой профиль понадобится для получения госуслуг в сфере миграции.

Собирать биометрию будут у всех иностранных граждан и лиц без гражданства, кроме:

- Граждан Беларуси.
- Сотрудников иностранных посольств и консульств, а также членов их семей.
- Сотрудников международных организаций, которые находятся в России в служебной командировке, и членов их семей.
- Владельцев дипломатических и служебных паспортов с дипломатической или служебной визой и членов их семей.
- Других обладателей дипломатических или служебных виз.
- Детей до 6 лет

Персональные данные и биометрию будут передавать в Министерство внутренних дел, Федеральную службу безопасности, Министерство иностранных дел, Минтранс, Минцифры, Федеральную налоговую службу, Федеральное агентство воздушного транспорта и в правительство Москвы.

Если иностранец, обязанный сдать биометрию, по прибытии откажется, его могут оштрафовать за нарушение режима государственной границы на 2000–5000 Р, а за неповиновение законному требованию военнослужащего — дополнительно на 1000–1500 Р.

Заключение

Таким образом, влияние глобализации и цифровизации на механизмы контроля въезда и выезда в России проявляется в многогранности подходов — от либерализации визовой политики до усиления мер безопасности. Адаптация к новым условиям требует как инвестиций в инфраструктуру и технологии, так и продуманных стратегий, позволяющих не только обеспечить безопасность, но и поддерживать экономику в условиях растущей взаимозависимости мира. Использование современных технологий в регулировании въезда и выезда на территории Российской Федерации позволяет достичь высокого уровня безопасности и эффективности. Автоматизация, биометрия, электронные визы и системы интеллектуального анализа данных не только оптимизируют процессы контроля, но и делают их более удобными и доступными для граждан и гостей страны. Внедрение данных технологий продолжает развиваться, что открывает новые перспективы для улучшения системы миграционного контроля в России.

Перспективы развития судебной системы Российской Федерации

Бозгалева Вячеслав Вадимович, студент

Научный руководитель: Малыхина Татьяна Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

В данной статье рассматриваются ключевые аспекты и направления развития судебной системы Российской Федерации. Анализируются текущие проблемы, а также возможные пути совершенствования судебной системы в контексте современных вызовов. Целью данной статьи является изучение и анализ текущих проблем и перспектив развития судебной системы Российской Федерации, а также предложение рекомендаций по ее улучшению. Методами исследования являются современные общенаучные и частнонаучные методы познания социальных явлений и процессов (диалектический, индуктивный, дедуктивный, анализ, синтез, формально-юридический). Эмпирической базой работы явились: законодательство и судебная практика, а также сравнительный анализ с международными стандартами. Выводы исследования подчеркивают важность комплексного подхода к реформированию судебной системы, включая улучшение правовой помощи. Результаты работы показывают, что успешное развитие судебной системы возможно при условии реализации предложенных мер, что в свою очередь повысит доверие граждан к правосудию и обеспечит защиту их прав.

Ключевые слова: судебная система, правосудие, реформа, коррупция, независимость судей, доступ к правосудию, правовые гарантии, юридическая помощь, международные стандарты.

The perspective of the development of the judicial system of the Russian federation

Bozgalev Vyacheslav Vadimovich, student

Scientific advisor: Malykhina Tatyana Anatolyevna, candidate of law sciences, associate professor
East-Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Irkutsk)

This article examines the key aspects and directions of the development of the judicial system of the Russian Federation. The current problems are analyzed, as well as possible ways to improve the judicial system in the context of modern challenges. The purpose of this article is to study and analyze current problems and prospects for the development of the judicial system of the Russian Federation, as well as to propose recommendations for its improvement. The research methods are modern general scientific and private scientific methods of cognition of social phenomena and processes (dialectical, inductive, deductive, analysis, synthesis, formal legal). The empirical basis of the work was legislation and judicial practice, as well as comparative analysis with international standards. The findings of the study highlight the importance of a comprehensive approach to judicial reform, including improving legal aid. The results of the work show that the successful development of the judicial system is possible provided that the proposed measures are implemented, which in turn will increase citizens' confidence in justice and ensure the protection of their rights.

Keywords: judicial system, justice, reform, corruption, independence of judges, access to justice, legal guarantees, legal assistance, international standards.

Перспектива развития судебной системы Российской Федерации включает в себя ряд ключевых направлений и изменений, которые могут существенно повлиять на функционирование правосудия в стране.

Рассмотрим ключевые аспекты и направления развития судебной системы Российской Федерации. Во-первых, это цифровизация судебных процессов. В нее входит внедрение электронного документооборота и онлайн-сервисов для подачи исков и получения информации о делах; Разработка и использование специализированных платформ для видеослушаний и дистанционного участия сторон.

Улучшение доступа к правосудию: Расширение возможностей для получения юридической помощи, включая бесплатные юридические консультации и услуги правозащитных организаций, а также упрощение процедур подачи исков и уменьшение бюрократических барьеров.

Повышение независимости судей: Защита судей от внешнего давления и политического влияния; Установление прозрачных критериев назначения и оценки деятельности судей.

Обучение и повышение квалификации судей: Регулярные курсы повышения квалификации, семинары и тренинги для судей с целью улучшения их профессиональных навыков; Обмен опытом с международными судебными системами.

Снижение затянутости судебных процессов: Оптимизация работы судов, внедрение эффективных методов управления делами; Установление четких сроков для рассмотрения дел и контроль за их соблюдением.

Борьба с коррупцией в судебной системе: Введение строгих мер по противодействию коррупции, включая создание независимых антикоррупционных органов и по-

вышение прозрачности судебных решений и деятельности судов.

Участие граждан в судебной системе: Развитие институтов общественного контроля за деятельностью судов и судей; Вовлечение граждан в процесс реформирования судебной системы через открытые обсуждения и консультации.

Совершенствование законодательства: Проведение анализа действующего законодательства с целью выявления пробелов и противоречий; Разработка новых норм, направленных на защиту прав граждан и улучшение работы судов.

Эти направления представляют собой комплексный подход к реформированию судебной системы, который направлен на повышение ее эффективности, доступности и доверия со стороны общества.

Разберем анализ проблем, существующих реформ и возможных путей совершенствования судебной системы в России в контексте современных вызовов:

К текущим проблемам судебной системы относятся:

Затянутость судебных процессов: Долгие сроки рассмотрения дел, что приводит к неэффективности правосудия и ухудшению правового статуса граждан.

Низкий уровень доверия общества: Существуют опасения по поводу независимости судей и прозрачности судебных решений, что приводит к недоверию граждан к судебной системе.

Коррупция: Проблемы с коррупцией в судебной системе остаются актуальными, что подрывает авторитет судов и правосудия.

Недостаток квалифицированных кадров: Необходимость повышения квалификации судей и работников судебной системы, а также недостаток специалистов в области права.

Ограниченный доступ к правосудию: Высокие судебные издержки и сложные процедуры подачи исков затрудняют доступ к правосудию для большинства граждан.

Возможные пути совершенствования:

1. Увеличение прозрачности: Публикация всех судебных решений в открытом доступе и создание платформ для обсуждения дел с участием общественности.

2. Развитие институтов общественного контроля: Создание механизмов, позволяющих гражданам участвовать в контроле за работой судов и судей.

3. Расширение доступа к юридической помощи: Увеличение числа бесплатных юридических консультаций и помощь в подготовке исковых заявлений.

4. Оптимизация управления судами: Внедрение эффективных методов управления делами, включая использование статистики для выявления узких мест в работе судов.

5. Международное сотрудничество: Обмен опытом с зарубежными судебными системами для внедрения лучших практик и стандартов.

6. Реформа законодательства: Проведение анализа действующего законодательства с целью выявления пробелов и необходимости внесения изменений для улучшения работы судебной системы.

Современные вызовы требуют комплексного подхода к реформированию судебной системы. Важно учитывать не только внутренние аспекты, но и международные тенденции, чтобы обеспечить эффективное, доступное и справедливое правосудие для всех граждан. Реформы должны быть направлены на повышение доверия общества, улучшение качества правосудия и защиту прав человека.

Сравнительный анализ перспектив развития судебной системы Российской Федерации с международными стандартами:

Независимость судебной власти

Международные стандарты. Согласно основным международным документам, таким как Основные принципы независимости судебной власти ООН (1985), суды должны быть независимыми от других ветвей власти и подвержены лишь закону.

Ситуация в России: В России наблюдается влияние исполнительной власти на судебную систему, что ставит под сомнение независимость судей. Перспективы развития включают необходимость создания более четких механизмов защиты независимости судей, включая их назначение и увольнение.

Доступ к правосудию

Международные стандарты. Международные нормы, включая Европейскую конвенцию о защите прав человека, подчеркивают право каждого на доступ к правосудию и справедливый судебный процесс.

Ситуация в России: Доступ к правосудию в России ограничен высокими судебными издержками и сложными процессуальными нормами. Перспективы включают внедрение бесплатных юридических консультаций и упрощение процессуальных процедур для граждан.

Скорость рассмотрения дел

Международные стандарты. Право на быстрое разбирательство дел является важным аспектом справедливого судебного разбирательства, как указано в статье 6 Европейской конвенции.

Ситуация в России: Долгие сроки рассмотрения дел являются одной из основных проблем. Перспективы включают автоматизацию процессов и использование технологий для ускорения рассмотрения дел.

Прозрачность и открытость судебных процессов

Международные стандарты. Принципы открытости судебного разбирательства гарантируют, что процессы должны быть публичными, за исключением случаев, когда это необходимо для защиты частной жизни или безопасности.

Ситуация в России: Прозрачность судебных процессов часто нарушается. Перспективы включают публикацию всех судебных решений в открытом доступе и использование онлайн-платформ для обеспечения участия общества.

Квалификация судей и работников судебной системы

Международные стандарты. Международные рекомендации подчеркивают важность постоянного обучения и повышения квалификации судей для обеспечения качества правосудия.

Ситуация в России: Нехватка квалифицированных кадров и необходимость повышения уровня профессионализма судей. Перспективы включают программы обмена опытом с зарубежными коллегами и регулярное повышение квалификации.

Антикоррупционные меры

Международные стандарты. Конвенция ООН против коррупции требует от государств принимать меры по предотвращению коррупции в судебной системе.

Ситуация в России: Коррупция остается серьезной проблемой в судах. Перспективы развития включают создание независимых антикоррупционных органов и внедрение прозрачных механизмов контроля за работой судов.

Перспективы развития судебной системы Российской Федерации требуют серьезного внимания к между-

народным стандартам. Для достижения эффективного, доступного и справедливого правосудия необходимо сосредоточиться на независимости судов, доступности правосудия, скорости рассмотрения дел, прозрачности процессов, квалификации судей и антикоррупционных мерах. Внедрение международных практик и стандартов может значительно улучшить качество и эффективность работы судебной системы в России.

Комплексный подход к реформированию судебной системы является ключевым условием для достижения эффективного, справедливого и доступного правосудия. Включение различных аспектов, таких как улучшение правовой помощи, регулярное обучение судей и внедрение современных технологий, позволяет создать устойчивую и эффективную судебную систему, соответствующую международным стандартам.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023).
3. Шаблинский, И. Г. Судебная власть и политический режим в России: некоторые аспекты взаимодействия — Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. — 2016. — 163 с.
4. Фомин, А. А. Судебная власть при демократии — Ленинградский юридический журнал. — 2016. — 401 с.
5. Цыганаш, В. Н. Судебная власть: правовое содержание и место в правовом регулировании — Юрист — Правоведь. — 2016. — 254 с.

О некоторых проблемных вопросах, возникающих в правоприменительной практике при отложении производства по гражданским делам

Боковикова Мария Оганесовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Рассахатская Наталия Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор рассматривает проблемы правоприменительной практики, возникающие при отложении производства по гражданским делам, а также указывает на значимость данного института в российском законодательстве.

Ключевые слова: отложение производства, основания отложения, гражданское судопроизводство.

Отложение судебного разбирательства в гражданском судопроизводстве — это перенос рассмотрения гражданского дела по существу в новое судебное заседание, которое назначается на другое время. Для отложения необходимо наличие достаточных оснований, которые заключаются в невозможности рассмотрения дела в дальнейшем судебном заседании [1, с. 119].

В соответствии с ч. 1 ст. 169 ГПК РФ отложение разбирательства дела допускается в случаях, предусмотренных нормами ГПК РФ, а также в случае, если суд признает невозможным рассмотрение дела в этом судебном заседании вследствие неявки кого-либо из участников про-

цесса, предъявления встречного иска, необходимости представления и истребования дополнительных доказательств, привлечения к участию в деле других лиц, совершения иных процессуальных действий. Анализируя положения законодателя в данной части, можно столкнуться с некоторыми проблемами, имеющими теоретическое и практическое значение.

Во-первых, при исследовании оснований института отложения разбирательства дела становится очевидно, что они предусматриваются не только положениями гражданско-процессуального законодательства, но и другими нормативно-правовыми актами. В качестве примера

можно привести положения ст. 22 СК РФ, согласно которым суд вправе отложить разбирательство дела о расторжении брака, если отсутствует согласие одного из супругов, и назначить им срок для примирения в пределах трех месяцев. Таким образом, целесообразно внести дополнение в ч. 1 ст. 169 ГПК РФ и сформулировать ее следующим образом: «Отложение разбирательства дела допускается в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, иными федеральными законами» ...

Во-вторых, основания отложения дела учеными делятся на две группы: непосредственно установленные законом и основания, которые применяются по инициативе и усмотрению суда (неявка кого-либо из участников процесса и т.д.). И тут мы можем столкнуться с противоречием. В научной и учебной литературе говорится о том, что перечень оснований не является исчерпывающим, однако такое утверждение применимо лишь к группе оснований, иницируемых судом. Сам же текст 169 статьи ГПК РФ не предусматривает каких-либо иных оснований, кроме тех, что регулируются настоящим Кодексом.

К основаниям отложения разбирательства дела, непосредственно закрепленным в той или иной норме федерального закона, относятся следующие:

- 1) удовлетворение заявления об отводе (самоотводе) судьи или иного участника процесса (ст. 21 ГПК РФ);
- 2) привлечение к участию в деле соответчика или соответчиков (ч. 3 ст. 40 ГПК РФ);
- 3) замена ненадлежащего ответчика надлежащим (ч. 1 ст. 41 ГПК РФ);
- 4) вступление в дело третьего лица с самостоятельными требованиями относительно предмета спора (ч. 2 ст. 42 ГПК РФ);
- 5) вступление в дело третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора (ч. 2 ст. 43 ГПК РФ);
- 6) массовое нарушение порядка гражданами, присутствующими в судебном заседании (ч. 5 ст. 159 ГПК РФ);
- 7) неявка лиц, участвующих в деле, в судебное заседание по уважительным причинам или не извещенных о времени и месте судебного заседания (ч. 2, 6 ст. 167 ГПК РФ);

Литература:

1. Новицкая В.В. Отложение разбирательства гражданского дела // Труды Всесоюзного юридического заочного института. Т. LI. М.: ВЮЗИ, 1977. С. 119.
2. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.М. Жуйкова, В.К. Пучинского, М.К. Треушникова. С. 378; Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. М.А. Вкут. С. 338; Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. М.С. Шакарян. С. 308.
3. Вонтова, Н.Е. Отложение разбирательства дела в гражданском судопроизводстве / Н.Е. Вонтова. — Текст: непосредственный // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию принятия Конституции Российской Федерации, Вологда: Вологодское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Российское объединение судей». — Совет судей Вологодской области, 2018. — С. 137–143.

8) неявка в судебное заседание свидетелей, экспертов, специалистов, переводчиков, т.е. лиц, содействующих правосудию (ч. 1 ст. 168 ГПК РФ);

9) несогласие истца на рассмотрение дела в порядке заочного производства (ч. 3 ст. 233 ГПК РФ);

10) заявление истца об изменении иска в заочном производстве (ч. 4 ст. 233 ГПК РФ);

11) принятие мер по примирению супругов (п. 2 ст. 22 СК РФ).

Безусловно, процедура отложения разбирательства является важным и значимым элементом в судебной системе, однако не следует забывать и о недостатках данного института. Говоря об отложении, необходимо упомянуть о том, что его основания могут являться средствами затягивания судопроизводства. К таким основаниям можно отнести, например, подачу встречного иска или же непредставление какой-либо из сторон истребуемых доказательств. Н.Е. Вонтова в своих работах пишет о существовании целых организаций, которые предоставляют клиентам такие услуги по затягиванию процесса. Сами организации не принимают непосредственного участия в судебном разбирательстве, однако они проводят полноценные консультации. Существование таких организаций и доказывание их причастности к затягиванию процесса является проблемой, требующей дополнительного времени для ее решения [3, с. 137–143].

Таким образом, подводя итог проведенному научному исследованию, следует отметить, что отложение судебного разбирательства по гражданским делам является неотъемлемым правовым элементом, благодаря которому полноценно и эффективно достигаются те задачи, ради которых гражданский процесс и был создан национальным законодателем. Вместе с тем необходимо указать и тот факт, что в настоящий момент, несмотря на достаточно хорошо разработанную нормативно-правовую регламентацию изучаемого института, в последнем находят отображения определенные «пробелы» и недостатки, которые порождают до сих пор неразрешенные вопросы в процессе отложения судебных разбирательств в рамках гражданских дел различной категории.

Сущность правового статуса государственного служащего

Боренов Альбек Альбертович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена вопросам правового статуса государственного служащего. В ней рассматриваются различные точки зрения относительно понятия правового статуса государственного служащего. Учитывая тот факт, что эффективное государственное управление возможно лишь на основе полного и четкого урегулирования правового статуса государственных гражданских служащих, автором внесены предложения по совершенствованию нормативной регламентации подготовки кадров для гражданской службы.

Ключевые слова: юридическое положение, публичная служба, служащий государства, нормативные акты Российской Федерации.

The essence of the legal status of a civil servant

The focus of this article is on the legal status of civil servants, exploring different perspectives on this concept. Recognizing that efficient public administration relies on a well-defined legal status for state employees, the author suggests enhancements to the regulatory framework for civil service training.

Keywords: legal standing, public administration, government employee, laws of Russia.

Эффективное управление государством достижимо только при соблюдении правил и законов, регулирующих статус государственных служащих, и их последующей практической реализации.

Ученые выделяют основные черты деятельности государственных служащих в России: — сотрудники государственной службы занимаются работой, направленной на обеспечение общественного развития, организацию и урегулирование публичных отношений; — работа государственных служащих напрямую зависит от их соблюдения законов, высокого уровня профессионализма и юридической грамотности, поскольку они занимаются интеллектуальным трудом, включающим обработку управленческой информации; — государственные служащие проявляют свою деятельность под влиянием государственной власти, что придает им особый авторитет и необходимую защиту. — компетентность государственных служащих влияет на формирование ценностей и потребностей граждан, что способствует гармоничному и эффективному взаимодействию государства и общества. — государственные служащие выполняют высокопрофессиональную работу, для которой необходимы определенные требования к подготовке, поведению, личностным качествам и коммуникации с людьми [1, с. 61].

Любой гражданин Российской Федерации, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, имеет право на поступление на государственную службу. Для этого необходимо достижение совершеннолетия, владение государственным языком и наличие профессионального образования.

Исследователи объясняют, что государственный служащий не просто гражданин страны, который работает в государственных учреждениях и получает заработок из бюджета, но также является представителем публичной власти, действующим от имени государства и имеющим особый статус с определенными правами, обязанностями, ограничениями и гарантиями [2, с. 225].

Согласно законодательству, гражданский служащий — это гражданин России, который принял на себя обязательства по выполнению гражданской службы, занимает профессиональную должность в соответствии с актом о его назначении и служебным контрактом, получая заработок из федерального или регионального бюджета.

Органы обязаны обеспечивать защиту прав и свобод граждан, а также осуществлять контроль за соблюдением законов и обязанностей. Все эти компоненты составляют основу правового статуса и определяют положение человека в обществе. Сотрудники государственной службы, как участники отношений публичного права, имеют особый юридический статус, включающий в себя публичные права, обязанности и гарантии.

По мнению А. С. Омельченко, статус гражданского служащего представляет собой набор прав, обязанностей, гарантий и ответственности, который приобретает человек при поступлении на государственную должность. Это комплекс прав и обязанностей, связанных с государственным управлением, а также система гарантий и ограничений, включая требования к поведению и обеспечение экономической стабильности [3, с. 156].

В настоящее время важной является проблема организации элементов правового статуса государственных гражданских служащих. В различных юридических исследованиях представлены разнообразные подходы к структуре

и содержанию статуса государственных служащих. Например, одни предлагают рассматривать статус государственного служащего как объединение конституционного статуса гражданина, статуса работника согласно нормам Трудового кодекса Российской Федерации и административно-правового статуса в соответствии с законодательством о государственной службе [4, с. 233].

По нашему мнению, статус государственного служащего в основном определяется административно-правовыми нормами, поскольку он отражает ключевые отношения между государственным служащим и органами государственного управления.

Для обеспечения эффективного государственного управления необходимо иметь четкое и полное регулирование правового статуса государственных служащих.

Глава 3 Федерального закона от 11 августа 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» посвящена установлению правового статуса государственных гражданских служащих. Она включает в себя основные положения, определяющие этот статус. Для определения правового положения государственного гражданского служащего законодатель устанавливает следующие критерии: — права и обязанности, которые имеет гражданский служащий; — ограничения и запреты, которые сопровождают гражданскую службу; — нормы поведения, которым должен следовать государственный служащий; — разрешение конфликта интересов в государственной службе [5].

Также здесь содержатся утверждения, относящиеся к представлению информации о доходах, имуществе и финансовых обязательствах (о расходах, обсуждение размещения контента в сети Интернет).

Однако элементы правового статуса гражданского служащего также присутствуют в других разделах Федерального закона от 11 августа 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Например, в разделе 11 «Государственные гарантии на гражданской службе» устанавливаются основные и дополнительные гарантии для гражданских служащих, а в разделе

12 «Поощрения и награждения. Служебная дисциплина на гражданской службе» определяется порядок поощрения и награждения гражданских служащих, а также их привлечение к дисциплинарной ответственности [5].

Служащие обязаны соблюдать служебную дисциплину, что является одной из основных характеристик их правового статуса. Для обеспечения надлежащего исполнения данной обязанности предусмотрены специальные правовые инструменты, такие как поощрения и наказания. Государство устанавливает ответственность за неправомерное использование предоставленных прав и невыполнение обязанностей гражданских служащих. Работники несут на себе ответственность в соответствии с федеральными законами за дисциплинарные, гражданско-правовые, административные или уголовные нарушения.

Таким образом, можно согласиться с утверждением исследователей о том, что юридическое положение государственных гражданских служащих включает в себя ряд ограничений и запретов, связанных с их службой, особые требования к поведению на службе, предотвращающие конфликт интересов, а также нормы служебной дисциплины, установленные федеральными законами, нормативными актами государственного органа и контрактом гражданского служащего.

По мнению исследователей, в настоящее время недостаточно четко регулируется правовой статус гражданских служащих. Нормы данного статуса содержатся в нескольких законодательных актах, включая два федеральных закона и множество подзаконных актов. Для упорядочения правового статуса государственных гражданских служащих необходимо объединить все основные права и обязанности в одном нормативном акте. Также требуется более детальное регулирование некоторых аспектов, включая аспекты, связанные с наказанием государственных гражданских служащих за нарушения, включая материальные и процессуальные стороны; установленные стандарты поведения для государственного служащего; методы урегулирования и профилактики столкновения интересов.

Литература:

1. Федоров А. И. Правовой статус государственных гражданских служащих // Отечественная юриспруденция. 2020. № 6.
2. Шлык М. В. Проблемы определения правового статуса государственных гражданских служащих Российской Федерации // Вестник магистратуры. 2021. № 4.
3. Омельченко А. С. Правовой статус государственного гражданского служащего РФ. М., 2021.
4. Махмудова П. А. Административный и правовой статус государственных служащих // Проблемы совершенствования законодательства: сборник научных статей. 2021. № 5.
5. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

Государственная служба России и зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ

Боренов Альбек Альбертович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассмотрен опыт государственного устройства государственной службы Российской Федерации и зарубежных стран. Целью статьи является сравнительно-правовое исследование проблем института государственной службы в России и за рубежом на примере ряда зарубежных стран: США, Великобритании, Германии. Анализ правового регулирования государственной службы зарубежных стран и федеральной государственной службы Российской Федерации обусловлен возможностью совершенствования законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: *государственный аппарат, работник государственной службы, международные государства, законодательство Российской Федерации.*

Civil service in Russia and foreign countries: comparative legal analysis

This article delves into the organizational structure of the civil service in Russia and other countries, aiming to conduct a comparative legal analysis of the challenges faced by civil service institutions both domestically and internationally. By examining the legal frameworks governing civil service in countries such as the USA, Great Britain, and Germany, we seek to identify areas for potential improvement in Russian legislation regarding civil service.

Keywords: *government employment, public servant, international nations, laws of Russia.*

В Российской Федерации основным законодательным актом, который регулирует государственную службу, является Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ [1]. Этот закон устанавливает правовые, организационные, финансово-экономические основы государственной гражданской службы в России. Согласно данному закону, государственная гражданская служба представляет собой профессиональную служебную деятельность российских граждан на должностях государственной гражданской службы с целью обеспечения исполнения полномочий федеральных государственных органов, органов власти субъектов Российской Федерации, должностных лиц, исполняющих обязанности государственных должностей Российской Федерации или субъектов Российской Федерации.

Закреплено в законодательстве, что такое гражданский служащий — это гражданин Российской Федерации, который взял на себя обязательства по прохождению гражданской службы, исключительно занимается профессиональной деятельностью на соответствующей должности, как указано в акте о его назначении и служебном контракте, а также получает денежное вознаграждение из федерального или регионального бюджета. Важно отметить, что в отличие от России, в законодательствах других стран не существует четкого определения «государственного служащего».

Для проведения сравнения с государственной службой РФ необходимо изучить особенности гражданской службы в США. Правовое регулирование государственной службы в США описано в Своде законов Соединенных Штатов Америки, Законе о реформе гражданской

службы 1978 года и других нормативных актах. Из-за федеративной структуры США государственная служба делится на федеральную, службу штатов и местную службу. Федеральная служба в свою очередь подразделяется на конкурсную и патронажную.

В государственной службе США преобладает принцип административно-территориального устройства, что означает отсутствие единой государственной службы в полном объеме с юридической точки зрения. Служебная деятельность регулируется особыми правилами федеральной службы, которые включают в себя процедуры найма, определение заработной платы, социальное обеспечение и другие вопросы. Льготы предоставляются лишь определенным категориям граждан, таким как ветераны войны, бывшие военнослужащие, представители национальных меньшинств [2, с. 187].

Для государственных служащих США также закреплены принципы недопустимости коррупции, конфликта интересов и соблюдения законности. Данные нормы и правила составляют основу профессионального поведения и деятельности государственных служащих в США. В 1958 году в правительственной службе США были установлены стандарты, которым обязаны следовать все работники государственных органов, включая должностных лиц.

В Соединенных Штатах Америки при приеме на государственную службу всегда придерживаются принципа равенства возможностей при трудоустройстве. Один из ключевых моментов заключается в публикации списка вакансий, по которым проводятся экзамены для замещения вакантных должностей. Особое внимание уделяется обеспечению объективности работы комиссии.

По мнению Е. О. Кравченко, для формирования государственной службы в данной стране являются квалификационные стандарты для государственных служащих, а основным принципом является «система заслуг», которая заключается в том, что граждане проходят конкурс на вакантную должность государственной гражданской службы [3, с. 44]. По мнению Т. М. Рябовой, по этой системе набор и продвижение по карьере осуществляются исключительно на основе профессиональных знаний и компетенций через проведение открытого конкурса. Зарплата федеральных и местных чиновников в этой системе зависит от сложности работы, что обеспечивает равные условия для всех уровней службы [4, с. 131].

В Великобритании регулирование государственной службы осуществляется с помощью Кодекса гражданской службы, принятого в 1992 году, в который были внесены изменения в 2010 году. Одной из ключевых особенностей законодательства этой страны в отличие от других стран является определение понятия гражданской службы. Основная цель государственной службы в Великобритании — отделение государственного управления от политики. Важным аспектом понятия «гражданский служащий» является то, что он рассматривается как «слуга Короны». Это означает, что гражданский служащий назначается либо непосредственно «Короной», либо проходит специальный отбор и пребывает на гражданской службе по королевскому усмотрению. В Великобритании существует две категории служащих: служащие, обеспечивающие безопасность общественного порядка и гражданские служащие. К первой группе относятся судьи, военнослужащие, правоохранители и преподаватели. Ко второй группе относятся служащие, занимающиеся управлением государством.

Необходимо отметить ценный опыт реформирования государственных структур Великобритании, который может быть полезен и применим в России. Особое внимание следует уделить разработанным британцами механизмам взаимодействия органов власти и представителей гражданского общества. Важно отметить, что в Великобритании действует специальная Комиссия по гражданской службе, задачей которой является контроль за работой государственных служащих и разработка рекомендаций для них. Этот орган также оказывает значительное влияние на назначение на должности в государственной службе.

В Германии государственная гражданская служба также осуществляется на основе «закрытой» модели. Основным законом Германии содержит важные положения о государственной службе, устанавливая принципы ее формирования и функционирования. Согласно Основ-

ному закону, Федерация имеет исключительное законодательное право по вопросам правового статуса лиц, занимающих федеральную государственную службу.

Как и в Германии, в Российской Федерации основные принципы государственной службы закреплены в Конституции или вытекают из неё. Государственными служащими в Германии считаются те, кто выполняет задачи государства, включая чиновников, рабочих, обслуживающий персонал, преподавателей, врачей и других. Из-за федеративного устройства Германии государственные служащие делятся на федеральный и земельный уровни, с соответствующей нормативной системой государственной службы. Современная Германия характеризуется тесным взаимодействием политической и административной сфер, если человек является депутатом, то ему предоставляются два жалования. К основным и широко признанным принципам, связанным с правовым статусом государственных служащих в Германии, относятся: пожизненное назначение, обязанность служащего быть верным своему долгу, соблюдение партийной нейтральности, запрет на участие в забастовках, право на вступление в профсоюзы, служебная иерархия и так далее [5, с. 125].

Проводится открытый конкурс среди желающих претендентов, после чего составляется рейтинг кандидатов и производится выбор лучшего из них для должности. Подбор кандидатов осуществляется из числа лиц, предоставивших необходимые документы и заинтересованных в возможности трудоустройства. Отбор осуществляется на основе профессиональных достижений, пригодности и способностей кандидатов, без учета их происхождения, расы, пола, религиозных или политических убеждений. Однако возможно только назначение на начальную должность.

В отличие от США и Германии, где акцент делается на специализации государственных служащих, во Франции и Великобритании предпочтение отдается широкой подготовке, необходимой для выполнения как административных, так и технических функций.

В заключении можно сделать вывод, что для улучшения государственной службы в России необходимо закрепить на законодательном уровне перечень вопросов, которые регулируют работу государственных служащих и их статус. Они должны быть привлечены к административной ответственности за неэффективное исполнение своих обязанностей. Опыт США может быть адаптирован в российской системе путем оценки работы служащих с использованием современных методик и разработки административных регламентов с конкретными критериями оценки эффективности государственных служащих.

Литература:

1. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
2. Мусифуллин В. Р. Организация государственной службы в Российской Федерации и зарубежных странах. М., 2022.

3. Кравченко Е. О. Сравнительная характеристика зарубежного законодательства государственной гражданской службы // Административное право и процесс. 2021. № 4.
4. Рябова Т. М. Перспективы развития государственной службы в России: опыт зарубежных стран. 2020. № 2.
5. Шибанова А. И. Сравнительный анализ государственной гражданской службы в Российской Федерации и зарубежных странах. Аллея науки. 2021. № 11.

Роль результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений

Борзина Елена Валерьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Кривошеев Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет имени С. Ю. Витте

В статье рассматривается роль результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в расследовании преступлений. Описывается, как результаты ОРД помогают выявлять преступления на ранних стадиях, предотвращать дальнейшее развитие преступной деятельности и минимизировать ущерб, наносимый обществу. Также подчёркивается важность результатов ОРД для розыска и задержания преступников, особенно в сложных ситуациях, когда подозреваемые скрываются от правосудия или находятся за границей.

Ключевые слова: результаты, ОРД, расследование, преступление, информация, розыск, задержание.

The role of the results of operational investigative activities in the investigation of crimes

Borzina Elena Valeryevna, student master's degree

Scientific advisor: Krivosheev Sergey Vladimirovich, candidate of law sciences, associate professor
Moscow University named after S. Yu. Witte

The article examines the role of the results of operational investigative activities (ARDS) in the investigation of crimes. It describes how the results of the ORD help to identify crimes at an early stage, prevent further development of criminal activity and minimize damage to society. The importance of the results of the ODS for the search and detention of criminals is also emphasized, especially in difficult situations when suspects are hiding from justice or are abroad.

Keywords: results, ORD, investigation, crime, information, search, detention.

Оперативно-розыскная деятельность (ОРД) играет важную роль в расследовании преступлений, обеспечивая правоохранительные органы информацией о преступных деяниях и лицах, причастных к ним. Результаты ОРД являются основой для проведения следственных мероприятий и доказывания вины подозреваемых. В этой статье рассмотрим основные аспекты роли результатов ОРД в расследовании преступлений.

Оперативно-розыскная деятельность (ОРД) — это комплекс мер, которые проводят специальные подразделения государственных органов в рамках своих полномочий. Эти меры направлены на защиту жизни, здоровья, прав и свобод людей, собственности, а также на обеспечение безопасности общества и государства от преступных действий. [3, с. 124]

Оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ) — это действия, которые проводятся уполномоченными лицами в соответствии с законом. Эти мероприятия основаны на использовании как открытых, так и скрытых методов

и инструментов. Их цель — собрать информацию, которая поможет решить конкретные задачи в сфере оперативно-розыскной деятельности.

Оперативно-розыскные мероприятия представляют собой комплекс действий, направленных на поиск и сбор информации, необходимой для раскрытия преступлений или решения задач оперативно-розыскной деятельности. Эти мероприятия могут занимать разное время — от нескольких часов до нескольких месяцев.

В некоторых статьях Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» установлен максимальный срок проведения отдельных мероприятий — шесть месяцев. К таким мероприятиям относятся, например, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, а также прослушивание телефонных переговоров. [3, с. 128]

Оперативно-розыскные мероприятия включают в себя различные операции и действия, которые направлены на сбор информации о событиях и процессах, имеющих от-

ношение к раскрытию преступлений. Эти операции и действия могут быть самыми разнообразными, как и явления и процессы, которые необходимо изучить для достижения целей оперативно-розыскной деятельности.

Потребность в проведении тайных оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) связана, в первую очередь, с тем, что предотвратить и раскрыть серьёзные и особо тяжкие преступления только с помощью уголовно-процессуальных методов и открытых административных мер практически невозможно или крайне сложно.

Работа оперативно-розыскных подразделений органов внутренних дел имеет огромное значение для выявления, предотвращения и раскрытия преступлений.

Преступники становятся всё более организованными, вооружёнными и технически оснащёнными. Они тщательно планируют свои действия, целенаправленно уничтожают доказательства и активно противодействуют правоохранительным органам. Это делает преступность более неуязвимой.

В соответствии с федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» результаты, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), могут стать основанием для возбуждения уголовного дела. Эти результаты могут быть предоставлены органу дознания, следователю или суду, который рассматривает уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении. Также эти результаты могут быть использованы в качестве доказательств в уголовном процессе в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, которое регулирует сбор, проверку и оценку доказательств. Кроме того, эти результаты могут быть использованы в других случаях, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. [1, с. 78]

Традиционные уголовно-процессуальные формы не успевают за новыми вызовами, с которыми сталкивается система борьбы с преступностью. Без оперативно-розыскной деятельности в некоторых случаях невозможно решить задачи уголовного судопроизводства, особенно при раскрытии и расследовании «неочевидных» тяжких преступлений.

1. Сбор информации о преступниках и их действиях.

Результаты оперативно-розыскной деятельности (ОРД) позволяют собирать информацию о преступных группировках, их структуре, связях между участниками, методах совершения преступлений и других аспектах криминальной деятельности. Эта информация может быть использована для разработки стратегии расследования, определения приоритетных направлений работы и выявления возможных свидетелей и потерпевших.

Сбор информации о преступных группировках помогает правоохранительным органам понять, как устроены эти группировки, какие роли выполняют их участники, и как они взаимодействуют друг с другом. Это позволяет разрабатывать эффективные методы борьбы с преступностью и предотвращать новые преступления.

Информация о связях между участниками преступных группировок также важна для расследования преступ-

лений. Она может указывать на наличие сговора между разными людьми или организациями, что может привести к более серьёзным обвинениям и наказанию. [4, с. 89]

Методы совершения преступлений также могут быть изучены с помощью результатов ОРД. Это может помочь выявить новые способы совершения преступлений, которые ранее не были известны правоохранительным органам. Это, в свою очередь, может привести к разработке новых методов борьбы с преступностью и предотвращению новых преступлений.

Другие аспекты криминальной деятельности, такие как коррупция, отмывание денег, незаконный оборот наркотиков и оружия, также могут быть исследованы с использованием результатов ОРД. Это позволяет правоохранительным органам получить полное представление о масштабах и характере криминальной активности в регионе или стране.

2. Выявление и пресечение преступной деятельности.

Результаты оперативно-розыскной деятельности (ОРД) помогают выявлять преступления на ранних стадиях, когда они ещё не привели к серьёзным последствиям. Это позволяет предотвратить дальнейшее развитие преступной деятельности и минимизировать ущерб, нанесённый обществу.

На ранних стадиях преступления часто бывают менее организованными и совершаются с меньшим количеством участников. Благодаря результатам ОРД правоохранительные органы могут обнаружить такие преступления и принять меры для их пресечения. [4, с. 72]

Выявление преступлений на ранних стадиях также способствует экономии ресурсов и времени правоохранительных органов. Вместо того чтобы тратить время и средства на расследование уже совершённых преступлений, они могут сосредоточиться на предотвращении новых преступлений и защите общества.

Кроме того, раннее выявление преступлений позволяет снизить уровень страха и беспокойства среди населения. Люди чувствуют себя более защищёнными, зная, что правоохранительные органы работают над предотвращением преступлений и обеспечением безопасности.

3. Розыск преступников и их задержание.

Результаты оперативно-розыскной деятельности (ОРД) содержат информацию о местонахождении и передвижениях преступников, что облегчает их розыск и задержание. Это особенно актуально в ситуациях, когда подозреваемые скрываются от правосудия или находятся за границей.

С помощью ОРД правоохранительные органы могут определить местонахождение преступников, их связи и маршруты передвижения. Это помогает сузить круг поиска и повысить шансы на успешное задержание.

Например, если преступник находится в другой стране, результаты ОРД могут помочь иностранным правоохранительным органам установить его местонахождение и организовать его арест.

Также результаты ОРД могут содержать информацию о планах преступников, их намерениях и возможных местах укрытия. Это позволяет заранее подготовиться к за-

держанию и обеспечить безопасность сотрудников правоохранительных органов.

Таким образом, результаты ОРД играют важную роль в розыске и задержании преступников, особенно в сложных ситуациях, когда подозреваемые находятся в бегах или за пределами страны.

4. Установление обстоятельств совершения преступлений.

Результаты оперативно-розыскной деятельности (ОРД) могут содержать информацию о способах совершения преступлений, мотивах преступников и их связях с другими лицами и организациями. Эта информация помогает следователям установить обстоятельства совершения преступлений и разработать наиболее эффективную стратегию расследования. [2, с. 56]

Информация о способах совершения преступлений позволяет следователям понять, как именно были совершены преступления, и определить возможные улики и следы. Это помогает выявить закономерности и тенденции в преступной деятельности, а также определить возможные мотивы преступников.

Мотивы преступников также могут быть установлены на основе результатов ОРД. Изучение мотивов позволяет следователям лучше понять цели преступников и их намерения, что может привести к выявлению новых фактов и обстоятельств преступлений.

Связи преступников с другими лицами и организациями также могут быть выявлены с помощью резуль-

татов ОРД. Это может включать в себя установление контактов преступников с сообщниками, поставщиками оружия и наркотиков, а также с коррумпированными должностными лицами. Такая информация может быть использована для разработки стратегий по пресечению преступной деятельности и привлечению виновных к ответственности.

5. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса.

ОРД может использоваться для обеспечения безопасности свидетелей, потерпевших и других участников уголовного процесса. Это может включать в себя предоставление им мер государственной защиты, изменение их внешности и личности, а также другие меры, направленные на предотвращение угроз их жизни и здоровью. [5, с. 34]

6. Оценка эффективности работы правоохранительных органов.

Результаты ОРД позволяют оценить эффективность работы правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Это включает анализ количества раскрытых преступлений, уровня преступности в регионе и других показателей

Таким образом, роль результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений трудно переоценить. Они обеспечивают правоохранительные органы необходимой информацией для успешного проведения следственных мероприятий, предотвращения преступлений и наказания виновных.

Литература:

1. Зуев С.В. От оперативно-розыскных мероприятий к негласным следственным действиям современное состояние и развитие // Оперативник (сыщик) — 2016. — № 3. — С. 65.
2. Иванов В. В., Холопова Е.Н. Использование результатов оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» в выявлении и раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов // Российский следователь. — 2013. — № 9. — С. 33–36.
3. Изотова Н.В. Использование оперативно-розыскной информации в обеспечении доказывания в уголовном судопроизводстве: дисс. канд. юрид. наук / Н.В. Изотова. — Воронеж, 2003. — 245 с.
4. Каац М.Э. Использование оперативно-розыскной информации в уголовном судопроизводстве: дисс... канд. юрид. наук / М.Э. Каац. — Уфа, 2008. — 221 с
5. Маркушин А.Г. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов / А.Г. Маркушин. — М.: Издательство Юрайт, 2012. — 399 с.

Соучастие в преступлении и его формы

Бородина Александра Валерьевна, студент

Научный руководитель: Гаджиев Вугар Эдвар оглы, кандидат юридических наук, заместитель зав. кафедрой Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

Уголовный кодекс Российской Федерации включает в себя главу 7, которая называется «Соучастие в преступлении». Именно в указанной главе раскрываются понятие соучастия, виды соучастников и их ответственность, кроме того, рассматриваются также формы соучастия. Вообще, преступления, которые совершены в соучастии, отличаются своими социальными и правовыми особенностями, что позволяет выделить такие преступления в отдельный институт уголовного права. Институт соучастия, по мнению многих исследователей, является одним из наиболее сложных, именно по-

этому на протяжении многих лет правове­ды и ученые уделяют достаточно большое внимание сущности соучастия и его формам. Несмотря на это, даже на сегодняшний момент вопрос, который касается соучастия, не является решенным. Именно по указанной причине необходимо комплексно и подробно рассмотреть институт соучастия.

Цель исследования состоит в комплексном проведении анализа понятия соучастия в рамках действующего законодательства России и правовой доктрины, также необходимо выделить особенности правового регулирования форм соучастия и видов соучастников. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: рассмотреть подробнее понятие «соучастие», выявить специфические черты правового регулирования уголовной ответственности за совершение преступления в соучастии. Вместе с тем, необходимо проанализировать мнения исследователей по данному вопросу.

Для написания научной статьи использовались следующие методы: диалектический метод, посредством которого исследовался понятийный аппарат; метод анализа, с помощью которого проанализировала нормативно-правовая база, регулирующая уголовную ответственность за соучастие; метод формально-юридического анализа, позволивший определить сущность и значение соучастия в уголовном законодательстве Российской Федерации.

Выводы исследования: уголовное законодательство на сегодняшний момент предусматривает такой институт, как соучастие в преступлении, который является одним из наиболее сложных и трудных институтов, что отмечается в судебной и правоприменительной практике. Данный институт получил свое становление еще в древнерусском государстве, однако его историческое развитие позволило сделать вывод о том, что законодатель неоднозначно подходил к определению его сущности, форм и видов соучастников. Среди исследователей активно ведутся споры относительно форм соучастия и их признаков.

Ключевые слова: соучастие, формы соучастия, виды соучастников, организатор, подстрекатель, пособник, исполнитель.

Complicity in a crime and its forms

Borodina Alexandra Valerievna, student

Scientific advisor: Gadzhiev Vugar Edwar oglu, candidate of law sciences, deputy head. department
East-Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Irkutsk)

The Criminal Code of the Russian Federation includes Chapter 7, which is called «Complicity in a crime». It is in this chapter that the concept of complicity, the types of accomplices and their responsibilities are revealed, in addition, the forms of complicity are also considered. In general, crimes that are committed in complicity are distinguished by their social and legal characteristics, which makes it possible to distinguish such crimes into a separate institution of criminal law. The institution of complicity, according to many researchers, is one of the most complex, which is why for many years legal scholars and scientists have paid quite a lot of attention to the essence of complicity and its forms. Despite this, even today the issue regarding complicity is not resolved. It is for this reason that it is necessary to consider the institution of complicity comprehensively and in detail.

The purpose of the study is to comprehensively analyze the concept of «complicity» within the framework of the current Russian legislation and legal doctrine; it is also necessary to highlight the features of the legal regulation of forms of complicity and types of accomplices. To achieve the goal, the following tasks were set: to consider in more detail the concept of «complicity», to identify specific features of the legal regulation of criminal liability for committing a crime in complicity. At the same time, it is necessary to analyze the opinions of researchers on this issue.

The following methods were used to write a scientific article: the dialectical method, through which the conceptual apparatus was studied; method of analysis, with the help of which the legal framework regulating criminal liability for complicity was analyzed; a method of formal legal analysis that made it possible to determine the essence and meaning of complicity in the criminal legislation of the Russian Federation.

Conclusions of the study: criminal legislation currently provides for such an institution as complicity in a crime, which is one of the most complex and difficult institutions, as noted in judicial and law enforcement practice. This institution was formed in the ancient Russian state, but its historical development allowed us to conclude that the legislator had an ambiguous approach to determining its essence, forms and types of accomplices. There is active debate among researchers as to who exactly plays the key role in complicity: the performer or the organizer.

Keywords: complicity, forms of complicity, types of accomplices, organizer, instigator, accomplice, performer.

Соучастие в преступлении является одним из древнейших институтов уголовного права. Соучастие имело место быть на протяжении всей человеческой истории, однако, его формы стали выделяться и изучаться намного позднее. В каждом государстве имеются свои

особенности института соучастия, что характерно и для Российской Федерации.

Еще в Древнерусском государстве, а именно, в Русской Правде на законодательном уровне выделялись некоторые формы соучастия, и устанавливалась уголовная

ответственность за совершение данных преступлений. Например, выделялась такая форма, как группа лиц по предварительномуговору [1, с. 56].

Если проанализировать становление и развитие указанного института в отечественной истории, то можно сказать, что на законодательном уровне первое упоминание о соучастии встречается в Соборном Уложении 1649 года, кроме того, именно в нем встречается первое указание на формы соучастия. Например, в статье 198 названного нормативно-правового акта указывается, что соучастие имеет умысленной характер, предполагает повышенную опасность и ответственность, а также разделяется на определенные формы.

Коренные изменения, приближенные к настоящему законодательству, произошли с принятием УК РСФСР 1960 года, поскольку в статье 1 данного нормативно акта устанавливалось, что под соучастием следует понимать «умысленное совместное участие двух и более лиц в совершении преступления» [2, с. 78].

В уголовном законодательстве в настоящее время выделяются виды и формы соучастия, которые разграничивают между собой соучастников и различные групповые образования. Виды соучастников рассматриваются законодателем достаточно полно и в целом помогают дифференцировать их между собой, исходя из их функциональной составляющей. Вместе с тем, формы соучастия, на наш взгляд, не в полной мере проанализированы законодателем. Ввиду этого необходимо провести исследование, связанное с особенностями форм соучастия по действующему уголовному законодательству Российской Федерации.

Например, одной из проблем является то, что УК РФ не содержит определение термина «формы соучастия». В правовой доктрине указанный вопрос исследователями изучался по-разному. Например, А.А. Илиджев определял форму соучастия в качестве внешнего выражения соучастия, неотделимого от него [4, с. 67]. Также интересна позиция А. Н. Мондохорова, который рассматривал форму соучастия как отражение структуры связи между деяниями, совершенные лицами, как степень соорганизованности деяний [3, с. 23].

В судебной практике большие трудности вызывает определение объективных и субъективных признаков, присущих соучастию, что особенно выражается при квалификации преступных деяний нескольких лиц, которые направлены на причинение вреда здоровью.

Для примера можно рассмотреть два судебных решения, каждый из которых имеет неоднозначную оценку совершенных деяний. Так, действия К., Н., Д. квалифицированы судом по пункту «а» части 3 статьи 111 УК РФ. В решении суда отмечено отсутствие единого умысла у данных лиц на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшему. Заключение судебно-медицинской экспертизы свидетельствует о причинении вреда здоровью различного характера каждым подсудимым.

Например, К. нанес удары по телу, не повлекшие вреда здоровью; Н. нанесла удар ножом в ногу, повлекший

легкий вред здоровью. Кроме того, она предоставила орудие преступления (деревянную палку). В свою очередь, Д. нанес потерпевшему удары в область головы, повлекшие тяжкий вред здоровью. При выясненных и указанных обстоятельствах действия осужденных переквалифицированы с пункта «а» части 3 статьи 111 УК РФ: К. на часть 1 статьи 116 УК РФ, Н. на часть 5 статьи 33 части 1 статьи 111 и части 1 статьи 115 УК РФ, Д. на часть 3 статьи 111 УК РФ [6].

Обратимся к другому примеру судебной практики. По приговору районного суда Л. и Ж. осуждены за совершение преступления в составе группы лиц, предусмотренного пунктом «а» части 3 статьи 111 УК РФ. В решении суда отмечено, что «на почве личных неприязненных отношений Л. нанес потерпевшему не менее двух ударов в область грудной клетки, не менее одного удара в область шеи и головы. Далее Л. предложил Ж. принять участие в причинении вреда здоровью потерпевшему. Действуя совместно, Ж. нанес последнему не менее двух ударов в область грудной клетки и ребер. В результате совместных действий подсудимых потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью» [7].

Вышеуказанные примеры судебной практики показывают неоднозначную реакцию со стороны судебных органов на преступление против здоровья, совершенных группой лиц без предварительногоговора. Согласно субъективному вменению, ответственность исполнителей предусматривается за причинение того вреда, к нанесению которого стремился каждый исполнитель (статья 5 УК РФ).

Некоторыми исследователями отмечается, что указанный принцип реализуется посредством принципа вины, но не ограничивается только этим элементом состава преступления [5, с. 90]. Соответственно, соблюдение в правоприменительной практике принципа субъективного вменения в некоторых случаях сопровождается рядом сложностей, вызванных определением психологического отношения виновных лиц к совершенному преступлению или наступившим последствиям.

Для правильной квалификации того или иного деяния необходимо различать предварительныйговор иговор на стадии покушения. Критерием деления является начало выполнения объективной стороны. Если объективная сторона не начала выполняться, а уже имеетсяговор, то это группа лиц по предварительномуговору. Если жеговор имел место уже на стадии покушения, то налицо группа лиц без предварительногоговора.

Практика показывает, что проблема заключается в выявлении и доказывании именно устойчивости каждого конкретного объединения соучастников. Суды не всегда соглашаются с данной органами предварительного следствия квалификацией преступлений как совершенных организованными группами, если собранные и исследованные доказательства не подтверждают достаточной степени их консолидированности.

Указывалось, что отсутствуют сведения о том, что подсудимые заранее договорились объединиться для совершения преступлений и сформировали устойчивую группу с высоким уровнем организованности. Не было информации о том, что соучастниками велись разработка и обсуждение планов преступлений, предварительная подготовка к их совершению, происходило функционально-ролевое распределение. В некоторых случаях суды не признали группу соучастников организованной, в частности с учетом их родственных и дружеских отношений.

Для примера можно рассмотреть следующую судебную практику: М., Д. и Г. в 2003 году приняли предложение лица о вступлении в организованную группу, которая была сформирована тем же лицом с целью совершения особо тяжких преступлений, «а именно — убийств одиноких, злоупотребляющих спиртными напитками граждан для завладения принадлежащими им денежными средствами, полученными от продажи их квартир». М., Д. и Г. вступили в организованную группу и знали о целях ее создания, о роли, возложенной на них организатором.

Указанная группа просуществовала в течение длительного времени: с лета 2004 по апрель 2006 года, участники

которого совершили различные преступления, относящиеся к категории тяжких и особо тяжких преступлений [8].

Таким образом, институт соучастия является одним из наиболее сложных и неоднозначных в уголовном законодательстве Российской Федерации. В теории уголовного права ведутся дискуссии относительно вопроса понятия «формы соучастия». Нами были проанализированы позиции нескольких исследователей, который показали, что сложилось несколько подходов к определению указанного понятия. Между тем, теоретические проблемы обуславливают и трудности практики применения норм, регулирующих институт соучастия.

Так, в настоящее время в судебной практике встречаются примеры, когда суды сталкиваются с трудностями при квалификации деяний, совершенных в соучастии. В научной среде предлагается вовсе сократить число форм соучастия, выделив только группу лиц, группу лиц по предварительному сговору, организованную группу. В свою очередь, преступную организацию, банду, незаконное вооруженное формирование, сообщества выделить в специальные формы соучастия, что позволит более точно проводить между ними разграничение.

Литература:

1. Генев Е. В. Формы соучастия в уголовном законодательстве Российской Федерации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. № 2. URL: <https://cyberle№ i№ ka.ru/article/№ /formy-souchastiya-v-ugolov№ om-zako№ odatelstve-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 19.05.2024).
2. Глазкова Л. В. Особенности современных организованных преступных групп // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1 (30). URL: <https://cyberle№ i№ ka.ru/article/№ /osobe№№ osti-sovreme№№ yh-orga№ izova№№ yh-prestup№ yh-grupp> (дата обращения: 29.10.2023).
3. Жукова С. С. Вопросы квалификации преступлений против здоровья, совершенных группой лиц без предварительного сговора // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3. URL: <https://cyberle№ i№ ka.ru/article/№ /voprosy-kvalifikatsii-prestuple№ iy-protiv-zdorovya-sovershe№№ yh-gruppy-lits-bez-predvaritel№ ogo-sgovora> (дата обращения: 29.10.2023).
4. Илиджев А. А. Назначение наказания за преступление, совершенное в соучастии: дис... канд. юрид. наук. — Казань. — 2020 г.
5. Сидоров В. И. Институт соучастия в преступлении как правовая основа противодействия групповой преступности // ВЭПС. 2018. № 1. URL: <https://cyberle№ i№ ka.ru/article/№ /i№ stitut-souchastiya-v-prestuple№ ii-kak-pravovaya-os№ ova-protivodeystviya-gruppovoy-prestup№ osti> (дата обращения: 29.10.2023).
6. Кассационное определение от 12 апреля 2011 года № 56-О11-6 Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ // Официальный интернет-портал правовой информации — URL: <https://base.gara№ t.ru/70280060/> (дата обращения 29.10.2023).
7. Приговор Калужского районного суда Калужской области от 29 июля 2020 года № 1-338/2020 // Официальный интернет-портал правовой информации — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EGOd88JYzaQx/> (дата обращения 29.10.2023).
8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 марта 2009 г. № 4-О09-18 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 2. С. 23.

Роль кредиторов в процессе банкротства кредитных организаций: права и приоритеты

Будниченко Дарья Андреевна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье автор исследует роль кредиторов в процессе банкротства кредитных организаций, актуальные проблемы их регулирования и предложения по их урегулированию.

Ключевые слова: банкротство, банкротство кредитных организаций, кредиторы.

Банкротство кредитных организаций представляет собой одну из наиболее сложных и социально значимых процедур в сфере финансового права. В отличие от других субъектов экономической деятельности, кредитные организации выполняют ключевую роль в поддержании финансовой стабильности страны, аккумулируя средства вкладчиков и инвестируя их в экономику. Именно поэтому законодатель выделяет банки в отдельную категорию должников при банкротстве, регулируя этот процесс специальными нормами, которые направлены на минимизацию последствий для финансового рынка.

Одной из ключевых особенностей банкротства кредитных организаций является наличие множества контрагентов, включая физических лиц, юридические лица и государственные органы, требования которых часто различаются по своему приоритету. В условиях кризиса в банковском секторе первоочередная задача — обеспечение защиты прав кредиторов, особенно тех, чьи требования обеспечены залогом. Эти кредиторы имеют привилегированное положение в рамках процедуры банкротства, что определено российским законодательством.

Цель данной статьи — проанализировать права и приоритеты кредиторов в процессе банкротства кредитных организаций, а также изучить судебную практику и актуальные проблемы, связанные с их реализацией. Важность этого вопроса подчеркивается как в научной литературе, так и в реальной практике, где возникают многочисленные конфликты интересов между разными группами кредиторов.

Кроме того, в статье рассматриваются вопросы законодательного регулирования и практического применения норм, касающихся прав кредиторов. В частности, исследуются механизмы, позволяющие кредиторам участвовать в процессе банкротства через собрания кредиторов, комитеты и другие формы контроля за имуществом должника.

Кредиторы обладают правом оспаривать сделки и действия должника, совершенные до начала процедуры банкротства, если они наносят ущерб их интересам. Это право является важным механизмом защиты кредиторов от недобросовестных действий руководства банка, направленных на вывод активов или приоритетное удовлетворение требований отдельных кредиторов. В соответствии со ст. 61.2 Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоя-

тельности (банкротстве) (далее — Федерального закона № 127-ФЗ) [1], кредиторы могут обращаться в суд с требованиями о признании недействительными сделок, совершенных в течение определенного времени до банкротства (так называемый «подозрительный период»). Такие сделки могут быть отменены, если они способствовали сокращению имущества должника или изменению очередности удовлетворения требований.

Оспаривание сделок также касается случаев, когда кредитная организация предоставляла предпочтение одному из кредиторов в ущерб другим. Это может включать досрочное погашение долга или предоставление дополнительных залогов, что создает дисбаланс между кредиторами. Судебная практика показывает, что кредиторы активно используют это право для восстановления справедливости и пропорциональности в процессе банкротства.

Одним из ключевых прав кредиторов является право на доступ к информации о финансовом состоянии должника и о ходе банкротства. Кредиторы имеют право получать отчеты от временной администрации и конкурсного управляющего, участвовать в собраниях кредиторов и контролировать действия управляющего через комитет кредиторов. Это право позволяет кредиторам активно участвовать в управлении процедурой банкротства и своевременно принимать меры для защиты своих интересов.

Кредиторы могут также инициировать независимые аудиторские проверки или требовать дополнительной информации о состоянии активов банка. Это право особенно важно в условиях, когда активы должника могут быть ограниченными, а распределение имущества требует прозрачности и контроля.

Согласно закону, требования кредиторов подразделяются на следующие основные очереди:

Первая очередь: включает в себя требования, связанные с возмещением вреда, причиненного жизни или здоровью граждан, а также требования по выплатам, связанным с социальным обеспечением (например, выплаты по алиментам и пособиям).

Вторая очередь: сюда входят требования по выплате заработной платы и других вознаграждений работникам кредитной организации, а также требования, возникающие из обязательств, обеспеченных залогом.

Третья очередь: включает в себя все остальные требования, такие как требования обеспеченных кредиторов,

которые не попадают в первую или вторую категории. Это могут быть требования по займам, займам на развитие бизнеса и т.д.

Таким образом, закон четко определяет приоритеты, которые направлены на защиту наиболее уязвимых групп кредиторов, таких как работники и граждане, которым причинен вред.

Одним из ключевых аспектов в системе приоритетов удовлетворения требований кредиторов является статус обеспеченных кредиторов. Эти кредиторы имеют особые права благодаря наличию залога на имущество должника, что обеспечивает им более высокую степень защиты по сравнению с необеспеченными кредиторами. В соответствии с законодательством, обеспеченные кредиторы имеют право на удовлетворение своих требований за счет заложенного имущества в первую очередь, что подтверждается статьей 134 Федерального закона № 127-ФЗ.

Обеспеченные кредиторы часто могут получить свои средства в полном объеме даже в случаях, когда другие кредиторы остаются без удовлетворения своих требований. Это создает дополнительную мотивацию для кредиторов оформлять свои обязательства обеспечением, что, в свою очередь, влияет на кредитную политику и практику банков. Однако такая система приоритетов может создавать конфликты между обеспеченными и необеспеченными кредиторами, что часто приводит к юридическим спорам в процессе банкротства.

Несмотря на четкую структуру приоритетов, на практике возникают проблемы, связанные с недостаточным контролем за действиями конкурсных управляющих и возможными злоупотреблениями со стороны должника. Например, кредиторы могут оспаривать сделки, проведенные до начала процедуры банкротства, которые могли повлиять на распределение активов между кредиторами. В некоторых случаях руководители банков могут предпринять действия, направленные на преднамеренное ухудшение ситуации для необеспеченных кредиторов.

Анализ судебной практики показывает, что случаи нарушения принципа равенства кредиторов, особенно в условиях кризиса, становятся все более распространенными. В связи с этим возникает необходимость в более строгом регулировании и контроле за действиями управляющих в процессе банкротства.

Приоритеты удовлетворения требований кредиторов в процессе банкротства кредитных организаций являются важным механизмом, который позволяет поддерживать баланс интересов различных групп кредиторов. Однако необходимо учитывать существующие проблемы и конфликты, связанные с реальной практикой удовлетворения требований.

В качестве рекомендации, многие эксперты предлагают усилить контроль за действиями конкурсных управляющих, улучшить механизмы оспаривания недобросовестных сделок и создать более прозрачные условия для

взаимодействия между кредиторами и должником. Это позволит повысить эффективность процесса банкротства и защитить интересы всех кредиторов, включая миноритарных и необеспеченных.

Приоритеты удовлетворения требований кредиторов в процессе банкротства кредитных организаций являются важным механизмом, который позволяет поддерживать баланс интересов различных групп кредиторов. Однако необходимо учитывать существующие проблемы и конфликты, связанные с реальной практикой удовлетворения требований.

В качестве рекомендации, многие эксперты предлагают усилить контроль за действиями конкурсных управляющих, улучшить механизмы оспаривания недобросовестных сделок и создать более прозрачные условия для взаимодействия между кредиторами и должником. Это позволит повысить эффективность процесса банкротства и защитить интересы всех кредиторов, включая миноритарных и необеспеченных.

Такое регулирование может включать:

- Ужесточение требований к конкурсным управляющим: Введение более строгих стандартов для назначения и контроля конкурсных управляющих поможет предотвратить конфликты интересов и повысить доверие к процессу.

- Разработка более четких критериев для оспаривания сделок: Создание ясных правил, касающихся сроков и условий для оспаривания сделок должника, позволит кредиторам более эффективно защищать свои интересы.

- Увеличение прозрачности процедур: Регулярные отчеты о ходе процедур банкротства, доступные для всех кредиторов, смогут повысить уровень доверия к процессу и уменьшить количество споров.

Таким образом, реформирование системы приоритетов удовлетворения требований кредиторов не только повысит защиту прав кредиторов, но и будет способствовать стабильности всей финансовой системы, предотвращая возможные риски, связанные с банкротством кредитных организаций.

Банкротство кредитных организаций также имеет широкие последствия для финансовой системы в целом. Оно способно вызвать снижение доверия со стороны вкладчиков и инвесторов, привести к сокращению ликвидности на рынке и оказать негативное влияние на кредитование. При этом социальные последствия, такие как массовые увольнения и потеря сбережений, делают этот процесс еще более значимым.

В этом контексте важным является понимание необходимости вмешательства государственных структур, способных предотвратить финансовые кризисы и поддержать стабильность в банковском секторе. Эффективное регулирование и контроль за деятельностью кредитных организаций, а также активное участие кредиторских комитетов в процессе банкротства помогут обеспечить справедливое распределение активов и защиту прав кредиторов.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.

Семейный бизнес: понятие, субъекты, правовые перспективы

Букатова Юлия Владимировна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается история изучения, проблематика понятия семейного бизнеса, субъекты и правовые перспективы в России.

Ключевые слова: *предпринимательство, бизнес в России, семейный бизнес, проблематика семейного бизнеса.*

Данная тема является актуальной ввиду того, что политика современной России направлена на консолидацию и поддержку семьи, изучение, развитие и укрепление семейного бизнеса является важной частью государственной политики.

Исследования в области семейного регулирования в России позволяют утверждать, что традиционные отраслевые институты изменяются, а вместе с этим и система семейного законодательства.

Исходя из практики не только России, но и стран Европы, можно утверждать, что хорошо развитое семейное предпринимательство помогает решить проблемы экономического кризиса и уменьшить социальное расслоение общества за счет большей мобильности. Семейный бизнес вполне можно использовать для решения предпринимательских проблем, однако все еще не решен вопрос с регулированием семейного бизнеса, что негативно влияет на его развитие и эффективность.

По данным торгово-промышленной палаты, в России 74% малого и среднего бизнеса являются и семейными [1], при этом, по словам президента Торгово-промышленной палаты Сергея Катырина, точных данных о семейном предпринимательстве в России нет ввиду отсутствия квалифицирующих признаков, по которым можно признать тот или иной бизнес семейным. В заявлении Катырина от 24.05.2022 сказано, что семейный бизнес оценивается в два миллиона компаний, но если учитывать, что 90% КФХ так же является семейным бизнесом, то цифра намного выше [2]. При этом, семейный бизнес не регулируется законодательно, отсюда вытекает большое количество проблем, как для государства, так и для предпринимателей. При этом, изучая заявления как Катырина, так и президента РФ Путина В.В., который строит государственную политику на укреплении семейных ценностей и развитии экономики, вполне резонно возникает вопрос, почему симбиоз двух основных институтов России на момент 2024 года не кодифицирован. Ему не оказывается должная юридическая и финансовая поддержка, возникают проблемы с налоговыми документами, начинающие

предприниматели не знают, какие документы им нужны для оформления и ведения бизнеса, и т.д.

Первое семейное предприятие Строгановых было основано в России еще в XVI веке, а экономика на основе семейного бизнеса сформировалась уже в конце XVIII века. Непосредственное изучение феномена семейного бизнеса, его развитие, влияние на экономику государства, появилось позже, только в начале XX века, такими учеными как к Дж. Крейг, Дж. Астрочан, Волков Д.А., Платонов И.С. и другими. С момента появления семейного бизнеса в России и начала его изучения прошло довольно много времени. Важно так же учесть, что он показал лучшую мобильность, нежели крупные предприятия в середине 90-х годов XX века, во время кризиса в России, быстрее трансформируясь и подстраиваясь под потребителей. И несмотря на это, есть лишь проект [3] о развитии семейного предпринимательства в Российской Федерации, где в ст. 2 приводятся основные понятия и термины. Там сказано, что семейный бизнес — самостоятельная, осуществляемая субъектами семейного предпринимательства на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Однако, несмотря на отсутствие законодательного определения, в научной литературе сложились различные подходы к определению понятия и правовой природы семейного бизнеса. Так, у Савиной сформулировано, что семейный бизнес является одной из форм малых предприятий, и отличается лишь наличием родственных связей у работников [4]. Похожее определение есть у Лепетиковой И.Ю., которая пишет, что семейный бизнес особая форма малого бизнеса, где члены семьи являются и собственниками, и работниками своего предприятия [5, с.165–169]. Исследователь из США, А. Ландбсерг сформулировал понятие семейного бизнеса как продукт синтеза двух институтов — семьи, как социального института, и бизнеса, как института экономики [6, с.10–25].

И.А. Плотникова пишет, что семейный бизнес представляет собой социально-институциональную форму

малого бизнеса, которая организована в систему экономической и трудовой деятельности, и функционирует на основе социальных взаимодействий между родственниками. И в данном случае, целесообразно ориентироваться на стандарты и нормы поведения, удовлетворяющие потребности общества [7, с.13].

В юридической науке под семейным бизнесом зачастую понимается самостоятельная, систематическая деятельность, осуществляемая под имущественную ответственность, осуществляемую членами, для достижения экономических и социальных результатов, направленных на удовлетворение имущественных потребностей [8, с.189].

Таким образом, получается, что в России есть сам факт существования семейного бизнеса, который берет начало еще в XVI веке, но в законодательстве Российской Федерации он не выделяется как особый объект правового регулирования и государственной поддержки. Поэтому и точно раскрыть понятие семейного бизнеса на данном этапе не представляется возможным.

Но, тем не менее, в России семейный бизнес продолжает развиваться, и как было сказано, около 74% предприятий в России семейные, из них 55% — первое поколение, которое особо нуждается в поддержке и помощи.

Исходя из самого определения «семейный бизнес» становится ясно, что субъектами в данном случае являются члены одной семьи. Зачастую это молодые семьи, начинающие общее дело. Так же сюда могут быть включены бабушки, сестры, дяди, дети и другие родственники. Ввиду отсутствия законодательства в отношении семейного бизнеса, понятие субъект семейного бизнеса тоже сильно размыт, и его определение и понимание, кто входит в семейный бизнес, определяется из понимания, что есть субъект.

Повторяя вышесказанное, хочется отметить, что в России нужно ввести отдельные нормативно правовые

акты, регулирующие семейный бизнес. Но какие правовые перспективы у семейного бизнеса на момент 2024 года?

Выше было приведено предложение о законе, регулирующем семейный бизнес, но с 2016 года оно все так же остается проектом, не рассматривается и изменений в него не вносится. Однако, активному развитию семейного бизнеса в России способствует торгово-промышленная палата. Более того, в опросе торгово-промышленной палаты касательно изменения трудового законодательства для регулирования трудовых отношений в семейном бизнесе, 76% опрошенных высказались за изменения [9]. Так же торгово-промышленная палата создала и курирует проект, цель которого создание семейного бизнеса поддержка и формирование предпринимательских династий и подъема престижа семейного бизнеса в целом [10].

Помимо торгово-промышленной палаты, семейный бизнес активно продвигается Борисом Титовым — уполномоченным по защите прав предпринимателей. Создаются и региональные проекты, оказывающие поддержку семейному предпринимательству. Так, в Нижегородской области стартовал форум семейных предпринимателей, в котором приняли участие Саратовская, Самарская, Пензенская, Кировская области, и несколько республик. На данный момент, в Нижегородской области разрабатывается законопроект по защите и развитию семейного предпринимательства [11].

Подводя итог, важно сказать, что в Российской Федерации назрела необходимость в определении и законодательном закреплении понятий «семейное предпринимательство» и «семейный бизнес», кодификации законов, разработке государственных программ для поддержки семейного бизнеса. Ведь именно семейный бизнес позволит решить экономические проблемы и выровнять социальные слои, сократив разрыв между богатыми и бедными, установив крепкий средний класс.

Литература:

1. [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/news/1505273/> (Дата обращения 13.04.2024)
2. [Электронный ресурс] URL <https://family.tpprf.ru/families/news/3240352/> (Дата обращение 20.04.2024)
3. Проект федерального закона N1094602–6 «О развитии семейного предпринимательства в Российской Федерации» (внесен 08.06.2016 депутатами ГД В. Ф. Рашкиным, С. П. Обуховым, В. Р. Родиным, А. В. Потаповым, О. Н. Алимовой, Н. Н. Езерским, Н. Ф. Рябовым, В. Н. Паутовым, В. И. Гончаровым, В. А. Ганзя, Н. А. Кузьминым, В. Г. Поздняковым, Н. В. Разворотневым, В. И. Бессоновым, Т. В. Плетневой, И. А. Ревиним)
4. Савина Т. Н., Шанкина Т. В. Развитие семейного предпринимательства как способ борьбы с бедностью. Консенсус. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.kontentus.ru/>. (Дата посещения 10.04.2024)
5. Лепетикова И. Ю. Семья как основа семейного предпринимательства: правовые аспекты // Актуальные аспекты инновационного экономического и юридического развития в условиях роста напряженности вокруг России: Научно-практическая конференция. Том 1. Ростов-на-Дону, 2015. — с. 165–169
6. Касьяненко Т. Г. Современные проблемы теории оценки бизнеса: монография. — М.: Проспект, 2017. — С. 10–25.
7. Плотникова И. А. Институциональное развитие семейных предприятий в сфере малого бизнеса (на примере Пензенской области): дис.: канд. социол. наук. Пенза, 2015. С. 13.
8. Баркова Л. А. Семейное предпринимательство в механизме правового обеспечения гармонизации интересов семьи: дис... канд. юрид. наук. Тверь, 2014. 189 с.
9. [Электронный ресурс] URL <https://news.tpprf.ru/ru/media/2353707/> (дата посещения 17.04.2024)
10. [Электронный ресурс] URL <https://family.tpprf.ru/> (Дата посещения 17.04.2024)
11. [Электронный ресурс] URL <https://nnov.tpprf.ru/ru/news/496509/> (Дата посещения 17.04.2024)

Крестьянское (фермерское) хозяйство как юридическое лицо

Булахова Елена Валерьевна, студент магистратуры
Институт деловой карьеры (г. Москва)

Статья посвящена вопросу существования крестьянского (фермерского) хозяйства как предпринимательского образования в Российской Федерации. Автором рассмотрены нормативные аспекты существования крестьянского (фермерского) хозяйства как объединение граждан, ведущих совместное хозяйство, а также основные проблемные аспекты КФХ, как предпринимательского образования.

Ключевые слова: крестьянское фермерское хозяйство, предпринимательское право, юридическое лицо, организационно-правовая форма, предпринимательские образования, сельское хозяйство.

Ч. 1 ст. 86.1. ГК РФ гласит: «Крестьянским (фермерским) хозяйством, создаваемым в соответствии с настоящей статьей в качестве юридического лица, признается добровольное объединение граждан на основе членства для совместной производственной или иной хозяйственной деятельности в области сельского хозяйства, основанной на их личном участии и объединении членами крестьянского (фермерского) хозяйства имущественных вкладов».

Крестьянские (фермерские) хозяйства (далее — КФХ) играют важную роль в сельском хозяйстве России и выполняют ряд существенных функций как субъекты предпринимательской деятельности. Их существование обусловлено несколькими факторами. Во-первых, КФХ представляют собой эффективный способ организации малого и среднего бизнеса в аграрном секторе. Они позволяют гражданам, желающим заниматься сельским хозяйством, объединить свои ресурсы и усилия для более продуктивной работы. Во-вторых, КФХ способствуют развитию сельских территорий, создавая рабочие места и обеспечивая население продуктами питания. В-третьих, КФХ позволяют более гибко реагировать на рыночный спрос и быстрее адаптироваться к изменяющимся экономическим условиям, чем крупные сельскохозяйственные предприятия.

Они самостоятельно принимают решения о выборе видов деятельности, объемах производства, ценах на продукцию и т.д. КФХ могут заключать договоры с другими организациями и гражданами, участвовать в государственных программах поддержки сельского хозяйства, получать кредиты и иные финансовые ресурсы.

Таким образом, КФХ, сочетая в себе черты семейного хозяйства и коммерческой организации, вносят существенный вклад в развитие аграрного сектора экономики и обеспечение продовольственной безопасности страны.

Рассмотрим вопрос допустимой организационной формы КФХ в хронологическом порядке:

- с 22.11.1990-х до 11.06.2003 г.— юридические лица;
- с 11.06.2003 г. по 30.12.2012 г.— вновь созданные КФХ не имели статуса юридического лица;
- с 31.12. 2012 г.— вновь созданные КФХ могут быть (ст. 86.1 ГК РФ) или не быть юрлицами (п. 5 ст. 23 ГК РФ);
- до 01.01.2021 г. просуществуют КФХ, соответствующие законодательству 1990-х гг. (они вправе сохранить статус юрлица до 01.01.2021 г.).

По данным Росстата на 2022 год в Российской Федерации общее число сельхозорганизаций, а также крестьянско-фермерских хозяйств в России сократилось с 2016 по 2021 год на 60 тыс.

По данным Росстата, сильнее всего сокращение коснулось сельхозорганизаций, относящихся к малым и микропредприятиям. Число малых сельхозорганизаций сократилось с 7,1 тыс. в 2016 году до 6,4 тыс. в 2021 году, микропредприятий — с 17,2 тыс. до 13,7 тыс. При этом число сельхозорганизаций, не относящихся к малым предприятиям, за пять лет выросло с 7,6 тыс. до 10,4 тыс.

Для каждого вида предпринимательского образования, существует собственные особенности, которые выделяют каждое образование на фоне всех остальных. Эти особенности, возникают по абсолютно разным основаниям, и служат критериям для отнесения того или иного образования к конкретному виду. Крестьянское фермерское хозяйство, так же обладает собственной отличительной чертой, которая выделяет данное образование от всех остальных. В процессе создания данного юридического лица, был заложен семейный критерий. Но, ввиду процессов модернизации и совершенствования законодательства, данный критерий был утерян. Таким образом, в текущем правовом поле, КФХ лишилось своего отличительного признака.

В настоящее время, законодательство Российской Федерации сталкивается с рядом проблем в сфере правового регулирования деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ). Одной из таких проблем, является отсутствие нормативного закрепления положения о составе членов крестьянского (фермерского) хозяйства. С одной стороны, законодательство позволяет учредить юридическое лицо в форме КФХ, но при этом, не предоставляет необходимой информации в аспекте состава членов данного образования, как это обычно бывает с остальными юридическими лицами, которые не обделены закреплением правовых положений об их составе.

Таким образом, недостаточная проработанность законодательства в сфере КФХ создает правовую неопределенность и препятствует развитию этой формы хозяйственной деятельности. Необходима разработка и принятие специального закона, который четко определит правовой статус КФХ, созданного в форме юриди-

ческого лица, и урегулирует вопросы состава его членов, а также правового режима его имущества.

Правовое регулирование крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) в России сталкивается с рядом существенных проблем, которые тормозят развитие этой важной сферы предпринимательской деятельности.

Законодательное закрепление имущества, в форме права собственности, по нашему мнению, несёт некоторые сложности, негативно сказывающиеся на функционировании данного предпринимательского образования.

Из всего многообразия форм собственности, мы предлагаем установить общую долевую собственность для членов КФХ. По нашему мнению, в условиях, когда участники фермерского хозяйства, абсолютно разными спосо-

бами так или иначе влияют на КФХ, помогая ему при этом благоприятно функционировать, вне зависимости от характера этого влияния, будь то непосредственная работа, или передача ценной информации. Таким образом, вне зависимости от формы участия, все члены КФХ могут рассчитывать на вполне благоприятное удовлетворение их материальных потребностей.

Данный анализ позволяет нам судить о том, что институт крестьянского (фермерского) хозяйства нуждается в некоторых законодательских переработках. Внесение предложенных нами изменений и уточнений, позволит решить актуальные проблемы данного правового института, в результате чего, функционирование анализируемого предпринимательского образования перейдет на новый уровень.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Первая часть Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон 30 ноября 1994 года N51-ФЗ (последняя редакция) / Российская Федерация. Законы. — Москва: Проспект, 2022. — 752 с. — Текст: непосредственный. Федеральный закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ (ред. от 22.06.2024) «О крестьянском (фермерском) хозяйстве».
2. Соломонов, В. Е. Виды юридических лиц: новое в гражданском законодательстве / Соломонов, В. Е. — Текст: непосредственный // Вестник ОмГУ. — 2015. — № 1(42). — С. 131–133.
3. Иващенко, А. А. Некоторые проблемы в гражданско-правовом положении крестьянских (фермерских) хозяйств / А. А. Иващенко. — Текст: непосредственный // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: Материалы XXXIV международной научно-практической конференции. — Москва: Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований», 2017. — С. 111–117.
4. Тарасов, А. С. Управление развитием землепользования крестьянских (фермерских) хозяйств / А. С. Тарасов, С. А. Тарасов — Текст: непосредственный // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. — 2019. — № 2(47). — С. 39–44.

Допустимость вещественных доказательств в уголовном процессе

Булохов Иван Иванович, студент;

Мовсесян Александра Арменовна, студент

Научный руководитель: Иванов Сергей Николаевич, преподаватель

Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена исследованию допустимости вещественных доказательств в уголовном процессе. В ней анализируются существующие законодательные нормы, регулирующие порядок признания доказательств допустимыми, а также подчеркивает необходимость более четкой регламентации этих норм в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Особое внимание уделяется вещественным доказательствам. Рассматриваются признаки допустимости доказательств.

Ключевые слова: доказательство, допустимость доказательств, вещественные доказательства, уголовный процесс

Многое в уголовном процессе зависит от решения вопроса о допустимости доказательств. От него зависит, прежде всего, эффективность всей доказательственной деятельности, а также, во-вторых, обеспечение защиты прав и законных интересов. Связи с этим, осознавая ключевое значение, исследователи проявляют повышенный интерес к данной проблематике.

В литературе можно найти различные подходы к интерпретации понятия допустимости доказательства. Нормы УПК РФ, в свою очередь, также не однозначно освещают данный вопрос. Законодатель устанавливает какие доказательства считаются недопустимыми, то есть предполагается, что, если доказательство не признано таковым оно автоматически соответствует признаку допу-

стимости. На наш взгляд подход от обратного не совсем верен, законодатель должен ввести более четкие и ясные правила относительно того, какие доказательства являются допустимыми.

Уголовно-процессуальный кодекс, а именно ч. 1 ст. 74 устанавливает, что доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. А часть вторая данной статьи называет перечень того, что допускается в качестве доказательств. В этом списке наличествуют вещественные доказательства. В теории сложилось мнение, что этот вид доказательств обладает наибольшей значимостью. Связи с этим есть потребность в высоком уровне регламентации законодателем порядка получения допустимых такого вида доказательств. Законодатель в ст. 81 УПК РФ определил, что вещественными доказательствами можно признать любые предметы, которые были связаны с совершением преступления. Например, в качестве таковых могут выступать деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления [1].

В литературе под допустимостью принято понимать пригодность доказательства с точки зрения законности его получения. Законодатель выделяет признаки допустимости доказательств. Первый признак — это получение доказательства, надлежащим субъектом, то есть имеющим такое право. Таковыми являются дознаватель, следователь, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, руководитель следственного органа, прокурор, судья. Также это и подозреваемый, обвиняемый, их защитники, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, которые могут собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств, то есть вещественные доказательства, закрепленные в ч. 2 и 3 ст. 86 УПК РФ. Вторым признаком — это получение доказательств из надлежащего источника. Речь идет о лицах, от которых являются источниками доказательственной информации. Следующий признак — это недопущение нарушений процессуального порядка производства следственного действия, в ходе которого было получено доказательство. И последний признак — это облечение в предусмотренную законом форму [2]. Так, говоря о допустимой процессуальной форме вещественных доказательств, Кравченко М. В. отмечает: «составные элементы включают сам предмет (вещь), протокол, отражающий результаты его осмотра, а также постановление о признании данного предмета вещественным доказательством и его приобщение к уголовному делу» [3].

Анализируя положения уголовно-процессуального законодательства РФ в части допустимости доказательств, нельзя не сказать о их правильном процессуальном оформлении в ходе предварительного расследования. Так,

в соответствии с частью 2 статьи 81 УПК РФ, «предметы, указанные в части первой настоящей статьи, осматриваются, признаются вещественными доказательствами и приобщаются к уголовному делу, о чем выносится соответствующее постановление». Данная норма направляет нас к статье 177 УПК РФ, которая устанавливает, что осмотр следов преступления и иных обнаруженных предметов производится непосредственно на месте проведения следственного действия.

Приведем простой пример. В практике нередки случаи, когда свидетель приносит предмет следователю, который может быть непосредственно связан с совершенным противоправным деянием, и в этом случае следователь, проводя в этот момент следственное действие — допрос, осуществляет фактически осмотр этого предмета в рамках следственного действия. В процессе осмотра и анализа связи предмета с обстоятельствами дела следователь вправе признать его вещественным доказательством. Такое решение оформляется постановлением, и предмет становится частью доказательственной базы уголовного дела.

Отмечая разъяснения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)», мы можем увидеть, что доказательства признаются недопустимыми, в частности, если были допущены существенные нарушения установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами [4].

Обратимся и к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», который представляет аналогичные разъяснения. В частности, п. 16 закрепляет, что доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией Российской Федерации права человека и гражданина или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами [5].

Так, в ходе предварительного следствия по уголовному делу в отношении Б., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, на этапе досудебного производства, следователем было осмотрено место происшествия с изъятием объектов. В результате проведения судебной экспертизы, было установлено, что данные объекты, изъятые с места совершения преступления, содержат следы совершенного противоправного деяния. В последующем, обвиняемый Б. и его защитник, ознакомившись с материалами уголовного дела, указали

на то, что указанный протокол осмотра не подписан Б., но подписи иных участвующих лиц присутствовали. Ввиду чего, данный протокол осмотра места происшествия был признан недопустимым, а все изъятые объекты, носящие следы преступления, признаны недопустимыми вещественными доказательствами [6].

Вопрос допустимости вещественных доказательств в уголовном процессе является важным аспектом. От него зависит не только эффективность расследования, но и защита прав участников уголовного судопроизводства [7].

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 09.11.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4921; 2024. -№ 46. — Ст. 6911.
2. Моругина Н. А., Сидорова Е. И. Понятие признаки и природа вещественных доказательств в современном уголовном процессе России // Вестник ВИ МВД России. 2020. № 4. (дата обращения: 20.11.2024).
3. Кравченко М. Е. Оценка допустимости вещественных доказательств с точки зрения надлежащих субъектов их получения по уголовным делам // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 1 (156). (дата обращения: 19.11.2024).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // СПС Консультант Плюс
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 N8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // СПС Консультант Плюс
6. Попова О. А. Типичные ошибки, допускаемые при производстве следственных действий, направленных на обнаружение и изъятие материальных объектов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1 (32). С. 119–124.
7. Кравченко М. Е. О сущности вещественных доказательств в уголовном процессе // Закон и право. — 2015. — № 3.

На основе анализа норм УПК РФ и научных подходов, можно заключить, что действующая законодательная регламентация допускает неопределенность в вопросах признания доказательств допустимыми. Признаки допустимости требуют более детализированного и однозначного закрепления в законодательстве. Особое внимание в этом вопросе следует уделить именно вещественным доказательствам, которые обладают высокой доказательной силой и играют значительную роль в установлении обстоятельств дела.

Проблемы применения полиграфа в уголовном судопроизводстве с точки зрения предмета криминалистики

Бушуев Андрей Дмитриевич, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что применение полиграфа становится все более привычным. Полиграфные устройства широко используются для проведения психофизиологических исследований работников в банковской сфере, гостинично-ресторанном бизнесе, промышленных и научно-производственных компаниях и др. Уголовное судопроизводство — одно из направлений использования полиграфа. Полиграф применяется при проведении психофизиологических экспертиз, исследований и оперативно-розыскного мероприятия — опрос. Но именно с уголовным процессом связано наибольшее количество вопросов по его применению. Это, в первую очередь, проблема оценки результатов применения полиграфа в качестве доказательства.

Данная проблема основана на том, что, в одних случаях, суды принимают результаты психофизиологиче-

ских исследований в качестве доказательств, основываясь на том, что они не противоречили показаниям иных свидетелей и другим доказательствам, в том числе вещественным (Определения Верховного Суда Российской Федерации (далее — Верховный Суд) от 17 февраля 2011 г. № 203-О11-1 и от 19 января 2012 г. № 11-О11-99). Тогда Верховный Суд постановил, что все эти доказательства согласуются между собой по фактическим обстоятельствам, не содержат существенных противоречий, а по основным вопросам совпадают в деталях, в связи с чем заключения психофизиологических экспертиз были признаны доказательствами, не вызвавшими сомнений у суда.

В других случаях, суды исключают из числа доказательств результаты психофизиологических исследований, поскольку они не являются источником новых сведений о фактических обстоятельствах уголовного дела, а по су-

шеству оценивают уже собранные доказательства с точки зрения их достоверности [2]. При этом выводы полиграфолога противоречили совокупности иных, исследованных судом, доказательств (Определение Верховного Суда от 28 июня 2012 г. № 58-О12–31). В Определении от 6 марта 2013 г. № 32-О13–5 Верховный Суд подтвердил обоснованность исключения судом заключения психофизиологической экспертизы из числа доказательств, поскольку выводы эксперта носят вероятностный характер.

Противоречивость правоприменения результатов психофизиологических исследований отражается и в решениях нижестоящих судов. Постановлением президиума Самарского областного суда № 44у-75/2019 от 28.03.2019 были исключены из описательно-мотивировочной части приговора суда первой инстанции ссылки на заключения судебной психофизиологической экспертизы как доказательства виновности Шахматова А.С. Суд кассационной инстанции пояснил, что УПК РФ не предусматривает законодательной возможности применения полиграфа в уголовном процессе. Данный вид экспертиз является результатом опроса с применением полиграфа, регистрирующего психофизиологические реакции на какой-либо вопрос, одним из способов проверки следственных версий, и ее заключение не может рассматриваться в качестве надлежащего доказательства, соответствующего требованиям ст. 74 УПК РФ [4]. А также указал, что выводы судебной экспертизы должны быть научно обоснованными, данными на основе специально разработанной достоверной методики, исключающей вероятностный характер высказанных суждений по определенному предмету. Кроме того, подчеркнул, что несоответствие этим требованиям влечет недопустимость доказательств с точки зрения их полноценности в процессе собирания, закрепления и оценки.

Проводя данное исследование, мы обратились к зарубежному опыту.

Широкое применение полиграфа наблюдается в ряде стран. Абсолютным лидером в проведении психофизиологических исследований с использованием полиграфа являются Соединенные Штаты Америки. Ежегодно на территории этого государства осуществляется более миллиона проверок на полиграфе [1].

Канада является второй страной после США по количеству проверок, проводимых на полиграфе. В Канаде психофизиологическое исследование, проводимое при помощи полиграфа, активно используется в ходе расследования преступлений, однако в отличие от США, данные результаты не используются в судах для доказательства вины подсудимого. Правоохранительные органы Канады обращаются за помощью к полиграфу в целях установления непосредственного факта совершения преступления либо сужения круга подозреваемых, получения дополнительной информации, при этом полиграф применяется не только в отношении обвиняемого, но и в отношении потерпевшего, свидетелей, истцов.

Япония — третья страна в мире по числу исследований с использованием полиграфа. Полиграф в Японии при-

меняется с 1956 года, и, начиная с 1959 года результаты проверок на полиграфе принимаются в качестве доказательств в нижестоящих судах, а с 1970-х годов стали приниматься на усмотрение судей и в Верховном Суде [5].

Современные технологии развиваются стремительно, и мы стоим на пороге использования систем искусственного интеллекта. В декабре 2017 года в США были опубликованы результаты исследований по созданию системы искусственного интеллекта — специального алгоритма-полиграфа DARE, который может распознать ложь подсудимого по его лицу и голосу в ходе судебного процесса. Во время испытаний программа в 92% случаев правильно определяла ложь в ответах на вопросы в суде. Эксперты отмечают, что в перспективе во время судебных заседаний DARE может стать отличной заменой полиграфа.

Опыт зарубежных коллег по применению полиграфа в уголовном процессе представляет нам положительным [3]. Трудно отрицать и тот факт, что степень достоверности заключения полиграфолога по результатам психофизиологического исследования достаточно высока, что подтверждается различными научными исследованиями в области взаимосвязи мышления и психики человека, установившими наличие взаимосвязи между физиологическими реакциями и умственной деятельностью человека, когда эмоции проявляются в связи с определенными действиями, в том числе, ложью.

Сложно не согласиться и с тем, что сами по себе психофизиологические исследования с использованием полиграфа имеют существенное значение для определения направления расследования и отыскания доказательств, т.е. имеют ориентирующее, вспомогательное значение для раскрытия и расследования преступления.

Из криминалистики и юридической психологии известно, что человек, вызванный на допрос, может находиться в одном из четырех состояний:

- а) обладает нужной следователю информацией, желает и может достаточно объективно и полно изложить ее;
- б) обладает нужной информацией, желает ее сообщить, но в силу разных причин неумышленно искажает в общении со следователем;
- в) обладает информацией, может передать ее, но не желает этого делать;
- г) информацией не обладает, однако следователь ошибочно полагает обратное, пытаясь добиться развернутых показаний.

Задача полиграфолога — определить, в каком состоянии находится участник судопроизводства, который дает показания по делу. Иными словами, в ходе тестирования с применением полиграфа полиграфолог проводит диагностику информационного состояния субъекта.

Полиграфолог с помощью этих вопросов преследует три цели:

- узнать, мог ли человек совершить действия, связанные с этим преступлением;
- осведомлен ли он о них;

— какие мотивы имел человек для совершения данных действий.

К исследованию с применением полиграфа прибегают, когда показания участников дела существенно разнятся и невозможно установить достоверность полученных ранее сведений. Проверку на полиграфе могут пройти не только обвиняемые, но также свидетели и потерпевшие. Однако, согласно отечественному законодательству, эта процедура добровольная и никто не вправе принудить участников дела к её прохождению.

В научной литературе у многих правоведов есть сомнения относительно достоверности такого метода исследования. Сомнения в достоверности, как следствие, ставят под сомнение возможность признания тех или иных сведений доказательствами по уголовному делу, поскольку судья не получает результаты самой проверки на полиграфе, а только экспертное мнение после их оценки. Однако данная точка зрения не кажется нам бесспорной, поскольку полиграфолог не констатирует факт ложных или правдивых показаний, он лишь предоставляет субъектам (следователю, судье и др.) сведения об определенных физиологических реакциях и дает заключение о возможных причинах этих реакций. Поэтому отождествлять заключение полиграфолога с фактом оценки правдивости или ложности имеющихся показаний не верно, поскольку такого рода оценка — компетенция судьи, следователя и др.

В уголовном судопроизводстве России необходимо сменить парадигму отношения к результатам применения полиграфа и понять его суть: это выявление психоэмоционального состояния лица, дающего показания,

и это состояние может дать представление о направлении оценки содержания этих показаний. Полиграф не подменяет оценку полученных показаний уполномоченным субъектом (судьей или следователем), а помогает им построить объективность этой оценки, сделать ее более четкой и, как принято, говорить сегодня — прозрачной.

Для оптимизации процесса внедрения результатов полиграфа предлагаем законодательно:

1) обозначить круг участников, в отношении которых может быть применен полиграф;

2) закрепить процессуальные формы применения полиграфа (нам представляется целесообразным использование полиграфа при производстве таких следственных действий как допрос (кроме первичного), очная ставка, проверка показаний на месте);

3) определить, на каких стадиях возможно применение полиграфа;

4) установить назначение полиграфа, порядок его применения и фиксации результатов;

5) разрешить вопросы, связанные с возможностью или невозможностью повторного/дополнительного применения полиграфа.

Вышеобозначенные проблемы, безусловно, не являются исчерпывающими, и исследования на полиграфе требуют дальнейшего пристального внимания как ученых, так и законодателя и правоприменителей. А перспектива широкого применения полиграфа в уголовном судопроизводстве требует твердого правового регулирования, устойчивой научной базы и постоянного совершенствования, и первого, и второго.

Литература:

1. Турсумбаев Ж.Н. История развития применения полиграфических исследований // Актуальные научные исследования в современном мире. — 2021. — № 3–3 (71). — С. 142–145.
2. Сулейманов Т.А. Оценка сведений, полученных с использованием полиграфа, в качестве доказательств по уголовному делу // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. — 2020. — № 1. — С. 96–99.
3. Турбаева М.В. Перспективы применения полиграфа при расследовании преступлений // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 76-й научно-практической конференции студентов. — Краснодар, 2021. — С. 472–474.
4. Тимашова А.Р. Проблемные моменты применения полиграфа при расследовании преступлений // Сборник научных трудов на II Международной научно-практической конференции. — Владимир, 2021. — С. 431–434.
5. Полякова Д.В. Использование полиграфа в расследовании и раскрытии преступлений // Тенденции развития науки и образования. — 2021. — № 71–6. — С. 103–106.

Особенности предмета криминалистического изучения в современных условиях

Бушуев Андрей Дмитриевич, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Наука всегда играла важную роль в жизни общества, поскольку легла в основу всех сфер жизнедеятельности современного общества. Перед наукой всегда ста-

вились самые важные основополагающие задачи, поскольку без нее прогресс и развитие невозможны. В том числе наука стала источником знаний необходимых для

развития правоохранительной системы. Одним словом, перспективы развития современной криминалистики и в целом правоохранительного блока напрямую зависят от развития науки.

Криминалистика с каждым днем обретает все большую значимость для общества и государства, при этом стремительно развиваясь. В основу целей криминалистики легли задачи обеспечения общественной и государственной безопасности.

Таким образом, комплексный подход, выработанный учеными-криминалистами позволяет достигать поставленных целей, однако его развитие всегда должно идти в ногу со временем, сто бы добиться всецелого и полноценного решения проблем, которые создает для общества преступность.

Криминалистика как наука, основанная на массиве достижений естественных наук, обладает исключительными чертами, позволяющими практикам выявлять признаки преступлений, скрытые от глаз обывателей. [1] Это говорит о том, что чем больше достижений в области криминалистики, тем объективнее наказание и как следствие эффективнее работает правоохранительная система, что способствует безопасности общества.

Стоит отметить, что с момента своего появления криминалистика начала аккумулировать практический опыт четко фиксируя и все его аспекты. Развитие практики невозможно без развития инструментов и методологии, а выработка этих элементов стала целью не только общенаучных исследований, но и исследований на основе частной теории криминалистики. Что характерно, общенаучный и частнонаучный подходы существовали во взаимодействии, а незначительные противостояния, возникающие периодически, приводили к положительным результатам и появлению новых полезных открытий.

Детализация задач криминалистики обусловлена усложнением механизма совершения преступления. В связи с этим перед криминалистами всего мира ставятся цели по выработке методик, направленных на:

- реализацию всемирной политики безопасного общества;
- обеспечение правоохранительной системы новыми и эффективными инструментами для борьбы с преступностью;
- разработку новых научных методов в химии, физике, биологии, а также иных естественных науках, применимых в области правоохранительной деятельности;
- развитие средств и технологи обнаружения, фиксации, собирания и изучения следов преступления;
- микро и макроизучения предметов, обнаруженных на месте преступления и иных вещественных доказательств;
- изучение психологии жертвы и преступника;
- и многое другое.

В части упоминания психологии стоит отметить, что в последнее время учеными-криминалистами акцентируется внимание на важности применения основ ло-

гики и психологии личности в деятельности следователей и экспертов-криминалистов. [5] Разработка психологических методов психологических исследований и экспертиз выдвинута не первый план. Поскольку указанные методы позволяют не только расследовать, но и выявлять и предотвращать преступления.

Развитие указанного направления криминалистической науки непосредственно влияет на работу органов правоохранительной системы, позволяя им более эффективно осуществлять свои обязанности. Все это стало возможным благодаря внедрению логического и психологического подходов классификации преступников и их индивидуальных черт, преступлений и причинно-следственной связи всех его элементов, личности жертвы и лиц, ставших свидетелями или очевидцами преступлений.

Еще одной особенностью криминалистики является то, что она объединяет в себе не только научную теорию и основанную на ней практику исследователей, но и практику специалистов оперативно-розыскной, следственной и судебной деятельности. Указанная особенность позволяет криминалистике прочно удерживаться на позиции неотъемлемого элемента уголовного процесса и юридической науки. Изучая опыт практиков, криминалистика самосовершенствуется, развивая области судебно-экспертной деятельности, а также ее специальных направлений таких как судебная психиатрия, судебная медицина и так далее [3].

Основываясь на указанных принципах, криминалисты ведут активную работу по расширению и улучшению криминалистики, параллельно вносят вклад в развитие законодательства, что безусловно помогает в развитии исследовательской и инновационной работы.

Криминалистика как научная дисциплина развивается, несмотря на негативное воздействие внешних факторов. Однако, в зависимости от изменений в жизни общества и государства криминалистика пытается охватить своим действием все новое, что появляется. Это связано с тем, что любые отношения в обществе могут стать объектом преступления, поэтому криминалистика активно адаптируется ко всем процессам. Так на основе научно-практического анализа криминалистика дает все необходимое правоохранительной системе для борьбы с преступностью.

Селиванов Н. А. в своих научных трудах четко обозначил, что развитие науки криминалистики и ее принципов способствует созданию эффективных методов защиты общества от противозаконной и противоправной деятельности злоумышленников [2].

В свою очередь Порубов Н. И. считает, что именно развитие специальных знаний и подходов в криминалистике помогает более эффективно достигать поставленные перед ней цели.

Для криминалистики как науки характерно постоянное расширение знаний в общенаучной и специальной сферах. Эта черта позволяет ученым-криминалистам вести ра-

боту в настолько широком плане, насколько это возможно в сложившихся современных обстоятельствах. [4] Также криминалисты в своей деятельности руководствуются методом обобщения данных естественных наук и статистики, основанной на практической деятельности.

Учитывая вышеизложенное, можно с уверенностью заявить, что криминалистика, объединяет в себе научную базу философии, логики, медицины, психологии, психиатрии, государственного управления, социологии, физики, биологии, химии, религиоведения и даже политехнологии.

Литература:

1. Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права / Н. И. Коржаков и др. СПб., 2005.;
2. Уголовное право России. Общая и Особенная части [Электронный ресурс]: учебник / отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. М., 2017. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
3. Энциклопедия уголовного права. Т. 2. Уголовный закон / М. А. Кауфман и др. СПб., 2009.
4. Атагимова Э. И., Потемкина А. Т., Цопанова И. Г. Современные тенденции в уголовном праве // Мониторинг правоприменения № 5, 2015
5. Капинус О. С. Уголовное право в двух томах. Том 1. / Капинус О. С. // М.: Издательство Юрайт. 2015.

Это делает криминалистику наиболее универсальной, объемной и комплексной наукой, которая влияет на деятельность государства и жизнь общества, как косвенно, так и напрямую. Таким образом все вышеуказанное способствует развитию предмета криминалистики и определяет перспективы его развития на долгие годы вперед.

Предмет криминалистики и перспективы его развития всецело зависят от научного прогресса, роста или снижения уровня преступности, а также появления новых ее видов.

О некоторых проблемах исполнения конфискации имущества

Валитов Роман Альбертович, студент

Научный руководитель: Рыжков Константин Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

В данном исследовании обращено внимание на некоторые проблемы теории и практики исполнения конфискации имущества, в частности на отсутствие конфискуемого имущества на момент вынесения судебного решения, обращение имущества в пользу других лиц или на нужды виновного. В работе приводятся позиции правоведов по рассматриваемым аспектам реализации института конфискации имущества, выражаются позиции по поводу дальнейшего развития законодательства в сфере исполнительного производства.

Ключевые слова: исполнительное производство, конфискация имущества, судебное решение, имущественное право, право собственности.

Процедура конфискации имущества имеет особый статус, который обусловлен тем, что она не относится к категории наказаний и имеет исключительно имущественный характер, ее исполнение не регламентировано Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации. Как отмечает Лопашенко Н. А., данные обстоятельства порождают сложности при исполнении конфискации и определении правовых последствий принятого судом решения [3, 38].

В рамках исполнительного законодательства рассматриваемая процедура регламентируется в положениях Федерального закона «Об исполнительном производстве», которая основывается на общем порядке исполнительного производства для всех долговых обязательств имущественного характера лишь с исключениями, свойственными конфискации [6]. Так, статья 104 названного нормативного правового акта предусматривает единую процедуру конфискации, назначенной в соответствии с нормами Уго-

ловного кодекса Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации либо Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Процедура изъятия у должника или иных лиц имущества, указанного в исполнительном документе, и передача его государственным органам или организациям для обращения в государственную собственность, по общему правилу, предполагает реальное (физическое и юридическое) наличие имущества, на которое должно быть обращено взыскание [4, 189].

В рассматриваемом правовом аспекте интересна позиция Вакутина А. А. и Карпова О. В., которые обращают внимание на тот факт, что конфискуемого имущества на момент вынесения судебного решения может и не быть, например если оно преобразовалось в иное имущество или уже было потрачено виновным лицом [2, 20]. При этом авторы отмечают, что в таком случае возможности конфискации имущества при фактическом его от-

сутствии, право на изъятие, по сути, превращается в возложение на лицо обязанности осуществить выплату, и в контексте исполнительного производства он приобретает статус должника.

Так, отсутствие самого предмета конфискации на момент исполнения приговора предполагает возможность обращения взыскания с должника денежных средств (имущества), не имеющих у него в наличии, но получаемых (гипотетически) в будущем. Исключением в данном случае могут выступать только предметы, указанные в ст. 446 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации (имущество, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам).

Необходимым в данном аспекте видится отметить, что конфискация несмотря на то, что не является разновидностью наказания, все же предполагает право государства изъять имущество из незаконного владения либо эквивалент данного имущества (денежные средства либо иное имущество). Отсутствие сведений о наличии у лица имущества (в том числе обусловленное его умышленным сокрытием) на момент вынесения судебного решения не предполагает прекращения правоотношений по поводу имущественных обязательств лица [2, 21].

Янин Д. Г. выделяет проблему сокрытия виновным конфискуемого имущества, либо же его трату на собственные нужды, либо передачу другим лицам, в связи с чем процедура конфискации ограничивается [8, 81]. В решении проблемы автор предлагает использовать рекомендации международных организаций, предполагающих возможность возложения на виновного обязанности обосновывать законность происхождения имущества в случае рассмотрения вопроса о конфискации имущества, полученного в результате преступления. Приведенная позиция считается целесообразной, однако в практике суды сталкиваются с вопросом документального оформления имущества на других лиц и это порождает проблему невозможности изъятия данного имущества в пользу государства при несогласии таких лиц.

В отношении отдельных видов преступных доходов у правоприменителя имеются правовые средства, позволяющие осуществлять процедуру изъятия. Например, конфискация имущества, полученного государственными служащими в период нахождения на службе, законность и обоснованность происхождения которого они не могут обосновать (ст. 17 Федерального закона № 230-ФЗ) [7]. В части изъятия имущества данный нормативный правовой акт достаточно часто применяется самостоятельно.

Литература:

1. Бриллиантов А. Изменения законодательства о наказании // Российская юстиция. — 2004. — № 5. — С. 36.
2. Вакутин А. А., Карпова О. В. Проблемы исполнения конфискации имущества // Вестник БелЮИ МВД России. 2022. № 3. С. 19–23.
3. Лопашенко Н. А. Конфискация имущества: монография / Н. А. Лопашенко. — Москва, 2012. — 158 с.
4. Мельников В. Ю., Гараева Т. Б. Основания, условия и цели применения иных мер процессуального принуждения // Право и практика. — 2019. — № 4. — С. 188–194.

Кроме того, он применяется «в качестве дополнения» при осуждении должностных лиц за совершение единичного акта получения взятки (ст. 290 УК РФ) или злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), когда у осужденного имеется имущество, не фигурирующее в качестве предмета конкретного преступления, однако законность его происхождения не подтверждается осужденным.

Непомнящая Т. В. обращает внимание, что в настоящее время конфискация практически невозможна, если имущество, полученное в результате совершения преступления, легализовано, добытые средства пущены в оборот, на них приобретено иное имущество и т. д. [5, 151]. Бриллиантов А. по данному вопросу отмечал, что во всех подобных ситуациях вероятность доказуемости связи имущества, добытого преступным путём и тем или иным образом легализованного имущества, маловероятна [1, 36]. С приведенными точками зрения трудно не согласиться, действительно, когда имущество, полученное преступным путем легализовано, средства вложены в бизнес или использованы для покупки другой собственности — доказать связь между незаконно полученным имуществом и его легализацией становится достаточно трудно доказуемым вопросом.

В доктринальной литературе также обращается на возможность изъятия имущества, переданного виновным иным лицам, так как это необоснованно ограничивает возможность конфискации субъективным осознанием противоправности его происхождения [2, 22]. Представляется, что возможность изъять имущество из противоправного владения не может зависеть от субъективного восприятия лицом, у которого это имущество находится в распоряжении. В качестве примера можно взять неосновательное обогащение, предусмотренное ст. 1102 Гражданского кодекса РФ, в ситуации которой односторонняя передача имущества без указания преступности его происхождения не исключает его изъятия в соответствии с нормами гражданского права.

Видится целесообразным дальнейшее развитие законодательных норм, регулирующих вопросы конфискации имущества в рамках исполнительного производства, требуется обратить внимание законодателя на существующие проблемные вопросы теории и практики при реализации рассматриваемого института. В рамках существующих проблем ответственность виновных лиц при отсутствии реализуемого имущества может отсутствовать вовсе, что ставит под сомнение карательное воздействие законодательства и работы правоохранительной системы в целом.

5. Непомнящая Т. В. Проблемы назначения принудительных работ // Вестник ОмГУ. Серия. Право.— 2018.— № 3 (56).— С. 148–152.
6. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ // Российская газета.— 2007.— № 223.
7. Федеральный закон «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» от 03.12.2012 № 230-ФЗ // Российская газета.— 2012.— № 280.
8. Янин Д. Г. Исполнение приговора в части конфискации имущества и взыскание штрафа как два способа обеспечения справедливости в уголовном судопроизводстве // Правопорядок: история, теория, практика.— 2016.— № 1 (8).— С. 80–84.

Криминалистическая характеристика неправомерного доступа к компьютерной информации

Васячкина Алеся Павловна, студент магистратуры

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В данной статье рассматриваются особенности криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации. Основные виды преступлений в сфере компьютерной информации, такие как неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), создание и распространение вредоносных программ (ст. 273 УК РФ) и нарушение правил эксплуатации информационно-коммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ), а также особенности их расследования и раскрытия. Исследование криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации, включая анализ статей Уголовного кодекса РФ, связанных с неправомерным доступом к информации, созданием вредоносных программ и нарушением правил эксплуатации информационно-коммуникационных сетей.

Ключевые слова: компьютерная информация, криминалистическая характеристика, причины и условия преступности, статистика преступлений, показатели преступности, личность преступника, способы предупреждения совершения преступления, профилактика преступности.

Criminalistic characteristics of illegal access to computer information

This article discusses the features of the criminalistic characteristics of crimes in the field of computer information. The main types of crimes in the field of computer information, such as unauthorized access to computer information (Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation), creation and distribution of malware (Article 273 of the Criminal Code of the Russian Federation) and violation of the rules of operation of information and communication networks (Article 274 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as the specifics of their investigation and disclosure. The study of the criminalistic characteristics of crimes in the field of computer information, including the analysis of articles of the Criminal Code of the Russian Federation related to unlawful access to information, the creation of malware and violation of the rules of operation of information and communication networks.

Keywords: computer information, forensic characteristics, causes and conditions of crime, crime statistics, crime indicators, the identity of the offender, ways to prevent the commission of a crime, crime prevention.

Научная новизна заключается в том, что с увеличением объема информации, хранимой в электронном виде, возрастает и количество угроз, связанных с её защитой. Во-вторых, существующие методы расследования и правового регулирования пока не полностью соответствуют сложности и специфике преступлений в сфере компьютерной информации. Преступления такого рода характеризуются высоким уровнем скрытности, быстротой совершения и глобальностью последствий, что ставит перед правоохранительными органами задачу разработать новые подходы к раскрытию и расследованию

таких деяний. Нормативно-правовая база также требует постоянного обновления и совершенствования, чтобы своевременно реагировать на новые угрозы. Законодатель четко определил, какие именно действия в сфере компьютерной информации считаются преступными. При этом в нормативно-правовых документах не раскрывается понятие исследуемой группы преступлений. В научной же литературе вопрос о понятии преступлений в сфере компьютерной информации остается дискуссионным.

Проблематика квалификации преступлений в сфере компьютерной информации изучалась такими авторами,

как: Ю. В. Альшев, А. К. Арюков, А. З. Гобозов, Н. Н. Коротких, Е. А. Лысак, М. Д. Останин, А. В. Пелевина, Ж. В. Полякова, А. Н. Попов, И. Н. Рафиков, Р. Р. Феткулин и др.

Неправомерный доступ к компьютерной информации — это одно из самых распространенных преступлений в сфере информационных технологий. Этот вид преступления, определенный статьей 272 Уголовного кодекса Российской Федерации, является угрозой безопасности информации, которая имеет критическое значение для различных сфер жизни общества, включая экономику, государственные органы, предприятия и частных граждан. Важно отметить, что данное преступление может быть совершено как с применением традиционных методов взлома, так и с использованием более сложных технических средств и методов.

Неправомерный доступ в контексте данной статьи подразумевает любые действия, направленные на незаконное проникновение в систему, программу или базу данных с целью получения доступа к компьютерной информации, хранимой или передаваемой с использованием информационно-коммуникационных технологий. Важно подчеркнуть, что такие действия, как правило, совершаются без согласия владельца или законного оператора информационных систем, что нарушает права и законные интересы граждан, организаций и государства.

Согласно статье 272 УК РФ, неправомерный доступ к компьютерной информации может быть реализован различными способами, такими как:

Взлом паролей или других средств аутентификации.

Использование уязвимостей в программном обеспечении.

Неавторизованный доступ через сеть интернет или внутренние системы организации.

Установка вредоносных программ, таких как трояны или вирусы, с целью захвата информации.

Преступление, предусмотренное ст. 272 УК РФ, состоит из нескольких элементов:

Объект преступления — это охраняемые законом отношения, связанные с обеспечением безопасности компьютерной информации. Это могут быть как личные данные пользователей, так и коммерческая, государственная информация, охраняемая законом.

Объективная сторона — действия, которые квалифицируются как неправомерный доступ, заключаются в том, что лицо осуществляет доступ к компьютерной информации без разрешения владельца или без правовых оснований. Объективной стороной преступления может быть:

— Проникновение в систему, программу или базу данных;

— Использование программных уязвимостей для доступа;

— Передача или распространение информации, к которой был получен незаконный доступ.

Субъективная сторона — преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. Однако чаще всего оно совершается с прямым умыслом,

поскольку лицо осознает, что совершает действия, направленные на получение несанкционированного доступа к защищенной информации. Для квалификации преступления важным является то, что лицо действует с умыслом на получение или разглашение информации.

Субъект преступления — субъектом данного преступления может быть любое лицо, которое осознанно нарушает закон. В большинстве случаев это лица, обладающие определенными техническими знаниями и навыками, такие как хакеры, бывшие сотрудники компаний, которые обладают информацией о системе безопасности, а также лица, имеющие доступ к сети интернет и компьютерам.

Существует несколько типов неправомерного доступа к компьютерной информации, в зависимости от методов и инструментов, используемых для совершения преступления.

Так, использование программ для подбора паролей (например, с помощью атак перебора или социальных инженерных методов) с целью несанкционированного доступа к системам, защищенным паролями.

Вредоносные программы могут быть использованы для захвата данных пользователя, их скрытого использования или передачи третьим лицам. Применение таких программ часто связано с риском кражи личных данных, финансовой информации и других конфиденциальных сведений.

Взломы, основанные на найденных уязвимостях в программном обеспечении или операционных системах, также составляют часть преступления. Вредоносные лица могут использовать эти уязвимости для незаконного получения доступа к информации.

С помощью средств удаленного доступа злоумышленники могут проникать в системы организаций, используя слабые места в безопасности Интернет-соединений или неправомерный доступ к защищенным серверам.

Согласно статье 272 УК РФ, неправомерный доступ к компьютерной информации карается штрафом, обязательными работами, арестом или лишением свободы. В случае, если преступление повлекло за собой значительные материальные убытки или утечку конфиденциальной информации, наказание может быть более жестким. Лица, имеющие судимость или ранее осужденные за аналогичные преступления, могут быть подвергнуты более строгому наказанию.

Максимальная мера наказания за неправомерный доступ к компьютерной информации может включать лишение свободы на срок до 6 лет с возможным штрафом. В то же время, для лиц, совершивших это преступление по неосторожности, наказание может быть менее строгим.

Расследование преступлений, связанных с компьютерной информацией, представляет собой одну из самых сложных областей уголовного права и криминалистики. Этот процесс включает в себя множество вызовов, с которыми сталкиваются правоохранительные органы, от сложности доказательства до технических и юридических преград.

Одной из основных сложностей в расследовании компьютерных преступлений является сама природа доказательств, которые часто легко могут быть скрыты или удалены. В отличие от традиционных преступлений, где доказательства могут быть физическими объектами (например, оружие, следы на месте преступления), в сфере компьютерной информации доказательства часто существуют в цифровом виде, что приводит к нескольким проблемам.

Во-первых, злоумышленники могут воспользоваться программами для удаления следов своей деятельности, такими как программы для стирания данных или программы для очистки кэшированных файлов. В некоторых случаях они могут также использовать методы шифрования данных, что делает невозможным их восстановление без ключа дешифрования.

Во-вторых, многие преступники используют шифрование для защиты своей информации от несанкционированного доступа. Применение сложных алгоритмов шифрования, таких как AES или RSA, делает информацию недоступной даже для следователей, если они не имеют соответствующих ключей или не могут расшифровать данные.

И последнее, в преступлениях, связанных с использованием интернета, часто применяются средства анонимности, такие как VPN (виртуальные частные сети), Tor и другие технологии, которые скрывают реальные IP-адреса и местоположение преступников. Это усложняет идентификацию и отслеживание преступников, особенно когда они действуют через многочисленные анонимные сети.

Для расследования преступлений в сфере компьютерной информации требуется наличие высококвалифицированных специалистов в области информационной безопасности и цифровых технологий. Это связано с тем, что обычные следователи часто не имеют достаточных знаний для работы с цифровыми следами и компьютерными доказательствами.

Еще одной значительной проблемой в расследовании преступлений в сфере компьютерной информации является их международный характер. Преступники могут находиться в разных странах, что делает расследование значительно более сложным и требует дополнительных усилий.

Не все страны имеют схожие законы, регулирующие киберпреступления. В некоторых странах законы о защите данных и кибербезопасности могут быть гораздо менее строгими, чем в других, что затрудняет сотрудничество между государствами. Также может отсутствовать единогласие по поводу того, какие действия считаются преступными.

Когда преступление совершается с использованием технологий, расположенных в разных странах, правоохранительные органы сталкиваются с трудностью определения юрисдикции. Это может затруднить процесс сбора доказательств, ареста подозреваемых или запроса информации через международные каналы.

Для эффективного расследования международных киберпреступлений необходимы согласованные действия правоохранительных органов разных стран. Это требует долгих переговоров и согласования процедур, что замедляет процесс расследования. Также необходимо учитывать ограничения в передаче данных между государствами, которые могут иметь разные законы о конфиденциальности.

Современные технологии требуют использования специализированных инструментов для сбора и анализа цифровых доказательств. Для извлечения данных из защищенных систем, таких как зашифрованные носители или системы с высокой степенью защиты, требуется наличие специализированных программ и аппаратных средств. Не все правоохранительные органы имеют доступ к таким ресурсам, что затрудняет процесс расследования. Современные инструменты для расследования компьютерных преступлений могут быть очень дорогими, что становится серьезным препятствием для многих правоохранительных органов, особенно в странах с ограниченным бюджетом.

Отсутствие таких средств замедляет процесс раскрытия преступлений. Многие правоохранительные органы, особенно в маленьких странах или регионах, не могут позволить себе приобрести современные инструменты для работы с компьютерной информацией. Это создает неравенство в способности расследовать такие преступления и снижает общую эффективность системы правопорядка.

Таким образом, неправомерный доступ к компьютерной информации — это преступление, которое имеет серьезные последствия как для отдельных пользователей, так и для общества в целом. В условиях современного цифрового мира все более важным становится не только предотвращение таких преступлений, но и разработка эффективных методов их расследования. Поскольку такие преступления могут быть совершены с использованием сложных технических средств, важно развивать новые технологии для защиты информации и совершенствовать правовую базу для борьбы с киберпреступностью.

Подводя итоги в рамках данного вопроса, позволяет говорить о том, что к преступлениям в сфере компьютерной информации следует отнести преступления, которые нарушают предусмотренные правила обращения компьютерной информации, которые направлены на незаконное уничтожение, изменение, распространение компьютерной информации, а также ограничения доступа посредством шифрования такой информации. Компьютерная информация, используемая в преступных целях, представляет огромную потенциальную угрозу для отдельных лиц, общества и государства из-за непредсказуемости последствий, в результате чего перед сотрудниками правоохранительных органов ставится задача не только расследовать подобные преступления, но и разрабатывать эффективные механизмы их предотвращения.

Литература:

1. Гобозов А.З. Проблема разграничения неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации от смежных составов преступления // StudNet. 2020. № 9.
2. Коротких Н. Н., Останин М.Д. К вопросу о соотношении понятий «преступление в сфере компьютерной информации» и «компьютерное преступление» // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 3.
3. Лысак Е. А. Проблемы квалификации преступлений в сфере компьютерной информации // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 90.
4. Пелевина А. В. Общая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4.
5. Полякова, Ж.В. Проблемы квалификации преступлений против личных прав человека / Ж.В. Полякова.— Текст: непосредственный // Молодой ученый.— 2020.— № 38 (328).— С. 131–133.
6. Преступления в сфере компьютерной информации: учебное пособие / А. Н. Попов.— Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018–68 с.
7. Рафиков И. Н., Альшев Ю. В. Преступления в сфере компьютерной информации // E-Scio. 2020. № 2 (41).
8. Феткулин Р. Р., Арюков А. К. Преступления в сфере цифровой информации: понятие и виды // Baikal Research Journal. 2019. № 3.
9. Потапов С. А. Совершенствование расследования и раскрытия преступлений в сфере компьютерной информации // Социально-экономические явления и процессы.— 2016.— Т. 11. № 10.— С. 90–95.
10. Ефремов К. А. Личность преступника, совершающего преступления в сфере компьютерной информации // Общество: политика, экономика, право.— 2016.— № 6.— С. 92–95.
11. Милашев В. А. Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ: автореф. дис... канд. юрид. наук.— М., 2004.— 22 с.

Особенности цифровых рынков в аспекте предотвращения злоупотребления доминирующим положением на них

Власов Вадим Валерьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Красиков Дмитрий Владимирович, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье автором рассмотрены отдельные особенности цифровых рынков в аспекте предотвращения злоупотребления доминирующим положением на них, что позволило установить ряд проблем правового регулирования, снижающих эффективность антимонопольного законодательства и наиболее показательные пути их решения.

Ключевые слова: антимонопольное регулирование, цифровой рынок, товарный рынок, доминирующее положение, доминирование.

В актуальных условиях развития цифровых технологий особое значение приобретает вопрос определения правомерности деятельности субъектов на цифровых рынках и, прежде всего, установления факта их доминирования. Однако ввиду того, что законодательная база в данной области начала формироваться относительно недавно, уполномоченные антимонопольные органы сталкиваются с трудностями в процессе определения признаков нарушения антимонопольного законодательства субъектами цифрового рынка.

Так, Стратегией развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года установлено, что одним из направлений деятельности антимонопольных органов является

дальнейшее совершенствование антимонопольного законодательства в целях обеспечения его эффективного применения с учетом современных условий цифровой экономики [1].

Прежде всего необходимо отметить, что на сегодняшний день в базовом нормативном акте в сфере конкурентных отношений — ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» — не регламентирована дефиниция понятия «цифровой рынок» (в п. 4 закреплена лишь обобщающая категория «товарный рынок», не указывающая на особенности исследуемого понятия) [2].

В наиболее общем смысле, цифровыми могут быть признаны рынки, в рамках которых осуществляется дея-

тельность, основанная на применении цифровых технологий. К признакам цифровых рынков в литературе принято относить стремительно изменяющийся характер, возможность функционирования рынка с нулевой ценой, возможность блокировки получателей услуг, предоставляемых на них [3, с. 32].

Как отмечается в научной литературе, первостепенной значимостью в аспекте определения особенностей доминирования на цифровом рынке обладает вопрос установления характера цифрового рынка (транзакционный (при котором наблюдается прямое взаимодействие сторон цифровой платформы) или нетранзакционный (при котором отсутствует подобное взаимодействие)) [4, с. 205].

Также следует выделять следующие особенности:

1) границы цифрового рынка устанавливаются путем исследования взаимозаменяемости товаров на данном рынке. При этом традиционный способ определения возможности взаимозаменяемости товаров через анализ готовности покупателей заменить товар при изменении цены первоначального товара на другой товар не целесообразен. В рамках цифровых рынков взаимозаменяемость определяется через готовность продавцов предложить иной аналогичный товар взамен ранее реализованному им;

2) практически все существующие на сегодняшний день цифровые рынки тесно взаимосвязаны между собой, что добавляет трудностей при расследовании дел о нарушении конкурентного законодательства [4, с. 206].

Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» в ч. 4 ст. 1 закрепляет следующие критерии признания хозяйствующего субъекта цифрового рынка занимающим доминирующее положение:

1) «сетевой эффект дает такому хозяйствующему субъекту возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на товарном рынке, на котором совершение сделок между продавцами и покупателями осуществляется посредством цифровой платформы, и (или) устранять с этого товарного рынка других хозяйствующих субъектов, и (или) затруднять доступ на этот товарный рынок другим хозяйствующим субъектам;

2) доля сделок, совершаемых между продавцами и покупателями посредством цифровой платформы, превышает в стоимостном выражении тридцать пять процентов

общего объема сделок, совершаемых на соответствующем товарном рынке;

3) выручка такого хозяйствующего субъекта за последний календарный год превышает два миллиарда рублей» [5].

Помимо этого, сегодня наблюдаются трудности в процессе оценки монопольной власти конкретного субъекта, в том числе невозможность достоверного определения потенциальных барьеров для входа на цифровой рынок. В юридической литературе существует позиция, согласно которой потенциальными барьерами в данном аспекте целесообразно признавать «стоимость производства, которую должна нести фирма, стремящаяся войти в отрасль, но не оплачиваемая фирмами, уже работающими в отрасли» [6, с. 40].

Ввиду чего вопрос дальнейшего совершенствования правового регулирования злоупотребления доминирующим положением на цифровом рынке является непосредственно важным для защиты прав всех хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность в рамках него, а также пользователей услуг и товаров, предоставляемых такими субъектами [7, с. 89].

Подводя итог всему вышеизложенному, к особенностям цифрового рынка следует относить: необходимо установление характера цифрового рынка (транзакционный или нетранзакционный); границы цифрового рынка устанавливаются путем исследования взаимозаменяемости товаров на данном рынке; цифровые рынки тесно взаимосвязаны между собой; критерии признания хозяйствующего субъекта цифрового рынка занимающим доминирующее положение отличаются от критериев, установленных на товарных рынках в целом и являются сравнительно новыми для российского законодательства; невозможность достоверного определения потенциальных барьеров для входа на цифровой рынок. При этом злоупотребление доминирующим положением на цифровом рынке основано на применении цифровых технологий.

Указанные особенности цифрового рынка должны быть обязательно учтены для защиты прав и интересов всех субъектов конкурентных отношений в актуальных условиях развития цифровых технологий, а также своевременного реагирования на факт доминирования в их границах.

Литература:

1. Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года (утв. протоколом Президиума ФАС России от 03.07.2019 № 6) // Справочная правовая система КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=334321&cacheid=5D10F879D3682C4BA5B8739094705A78&mode=splus&rnd=LQNFLVUUISXq1JN7#BfUFLVUAVaU0ifFd1> (дата обращения: 27.11.2024).
2. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3434; 2024. — № 33 (Часть I). — Ст. 4971.
3. Седнев, В. А. Доминирующее положение на цифровых рынках // Российское конкурентное право и экономика. — 2021. — № 1 (25). — С. 30–36.

4. Белых, В.С., Болобонова, М.О., Коньков, К.А. Проблемы и перспективы определения доминирующего положения в условиях цифровой экономики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).— 2020.— № 11.— С. 202–210.
5. Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ.— 2023.— № 29.— Ст. 5319.
6. Глускер, Е.А. Особенности злоупотребления доминирующим положением на рынке цифровых технологий // Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции.— 2022.— С. 39–41.
7. Ашфа, Д.М. Антиконтурентные практики на цифровых рынках и правовые способы их пресечения // Журнал российского права.— 2024.— № 4.— С. 89–102.

Теории оспаривания сделок

Власова Марина Олеговна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются различные теории оспаривания сделок, совершаемых в условиях банкротства, включая деликтную, квазиделиктную, легальную, теорию исполнительной силы, кондикционную и гарантирующую теории. Исследование основано на анализе правовых норм и судебной практики, а также на труде российских и зарубежных ученых, таких как Г.Ф. Шершеневич и Х. Коциоль. В статье рассматривается применение данных теорий в российском праве, уделяя внимание защите интересов кредиторов и оценке правомерности сделок. Авторы делают выводы о значении каждой теории и ее применении для совершенствования правовых механизмов защиты кредиторов в процессе банкротства.

Ключевые слова: недействительность сделок, банкротство.

Проблематика оспаривания сделок в контексте процедуры банкротства является одной из центральных в правовой науке, поскольку затрагивает баланс интересов должника, кредиторов и других сторон, участвующих в обязательственных правоотношениях. Теории оспаривания сделок в российских и зарубежных правовых системах имеют глубокие исторические корни и многочисленные подходы, которые отражают различные правовые концепции защиты интересов кредиторов. В настоящей статье рассматриваются основные теории оспаривания сделок, такие как деликтная, квазиделиктная, легальная, теория исполнительной силы, кондикционная и гарантирующая теории, а также их применение в российском праве, с опорой на труды как отечественных, так и зарубежных ученых, в том числе Х. Коциоля, Г.Ф. Шершеневича и других.

1. Деликтная теория

Деликтная теория утверждает, что сделка должна быть оспорена, если она является результатом правонарушения со стороны контрагента. Согласно данной теории, недействительность сделки связана с деликтом и тем фактом, то совершение сделки нанесло ущерб кредиторам [1, с. 20]. В российском законодательстве данная теория применяется при оценке подозрительных сделок, совершенных накануне банкротства, например, сделок

с заинтересованными лицами (пункт 2 статьи 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [2]).

2. Квазиделиктная теория

Эта теория, появившаяся в немецкой юридической науке, предполагает наличие оснований для оспаривания не только в случаях явного правонарушения, но и в тех, где действия, формально не являющиеся деликтом, могут нанести ущерб в условиях банкротства. Критикуют эту теорию за ее неопределенность, но признавал ее полезность в случаях, когда сделка потенциально может причинить вред кредиторам в условиях неплатежеспособности должника. Применение квазиделиктной теории также находит отражение в судебной практике, когда суды оценивают не только правомерность сделки, но и ее экономические последствия для кредиторов).

3. Легальная теория

Легальная теория, доминировавшая на рубеже XIX–XX вв., основана на принципе объективного вменения. Эта теория предполагает, что сделка должна быть признана недействительной просто в силу нарушения закона, независимо от намерений сторон. В российском законодательстве легальная теория находит применение в статье 61.3

Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», где предусматривается оспаривание сделок, совершенных в период подозрительности или с нарушением требований законодательства.

4. Теория исполнительной силы

Теория исполнительной силы предполагает юридическую фикцию о принадлежности должнику имущества, отчужденного в пользу третьих лиц. Эта концепция рассматривает оспаривание сделок как инструмент для возврата активов в конкурсную массу [1, с. 39]. В правоприменительной практике данная теория используется в тех случаях, когда требуется доказать, что имущество, несмотря на его отчуждение, должно оставаться в распоряжении должника.

5. Кондикционная теория

Кондикционная теория исходит из принципа неосновательного обогащения. Она предусматривает оспаривание сделок, если в результате их совершения одна из сторон необоснованно обогатилась за счет средств, которые могли бы быть использованы для удовлетворения требований кредиторов. Для защиты от оспаривания в рамках этой теории ответчик должен доказать отсутствие факта обогащения. В российской практике данная теория часто применяется к сделкам, по которым контрагент получил неоправданную выгоду.

Литература:

1. Гольмстен А.Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе / под ред. А.Г. Смирных. — М.: Издание книг ком, 2019. — 264 с.
2. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.

6. Гарантирующая теория

Гарантирующая теория подразумевает, что кредитор, предоставляя заем должнику, рассчитывает на определенное имущество должника для удовлетворения своих требований. Если должник совершает действия, направленные на уменьшение или сокрытие этого имущества, кредитор может оспорить такие сделки.

Каждая из этих теорий оспаривания сделок имеет свою историческую и юридическую основу, особенности применения и научное обоснование. В российском праве наиболее распространены деликтная и квазиделиктная теории, что позволяет эффективно защищать интересы кредиторов в условиях недобросовестного поведения должника. Для повышения качества конкурсного оспаривания важно учитывать как объективные, так и субъективные аспекты сделок.

Изучение теорий оспаривания сделок в условиях банкротства показывает разнообразие подходов к защите интересов кредиторов. Каждая из рассмотренных теорий имеет свою историческую и юридическую основу, особенности применения и научное обоснование. В российском праве наибольшее распространение получили деликтная и квазиделиктная теории, что позволяет эффективно защищать интересы кредиторов в условиях недобросовестного поведения должника. В то же время развитие законодательства и правоприменительной практики требует учета как объективных, так и субъективных аспектов сделок для повышения качества конкурсного

Правовая природа последствий недействительности сделок должника при банкротстве

Власова Марина Олеговна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются правовая природа и особенности последствий недействительности сделок должника при банкротстве. Анализируются положения статьи 61.6 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Выделены основные подходы к определению правовой природы последствий недействительности сделок должника.

Ключевые слова: недействительность сделок, банкротство, реституция, юридическая ответственность, конкурсное производство, конфискация, компенсация.

Недействительность сделок должника в процессе банкротства является важным инструментом для

защиты интересов кредиторов и восстановления конкурсной массы. Согласно статье 61.6 Федерального закона

от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1], имущество, переданное по недействительной сделке, подлежит возврату в конкурсную массу. Однако правовая природа таких последствий остается предметом споров в правовой науке и судебной практике.

Распространенное мнение состоит в том, что статья 61.6 Закона о банкротстве носит характер гражданско-правовой реституции, то есть предусматривает возврат сторон в первоначальное положение, существовавшее до совершения недействительной сделки. Однако М. В. Столярчук отмечает, что такая точка зрения упрощает ситуацию, поскольку гражданско-правовая реституция и последствия недействительности сделок должника в рамках банкротства имеют существенные различия [2, с. 122].

Другие исследователи, указывают, что российская система законодательства о банкротстве относится к «нейтральным системам», где приоритетом является достижение баланса интересов между должником и кредиторами [3, с. 1566]. В этой связи последствия недействительности сделок направлены не только на защиту интересов кредиторов, но и на минимизацию ущерба должнику, что отличает их от стандартных мер гражданско-правовой реституции.

Основное отличие заключается в том, что целью гражданско-правовой реституции является восстановление сторон в исходное состояние, тогда как в банкротстве такая цель недостижима. Как подчеркивает Столярчук, последствия недействительности сделок должника направлены не на восстановление баланса между сторонами сделки, а на пополнение конкурсной массы и защиту интересов всех кредиторов.

Кроме того, в отличие от гражданско-правовой реституции, где возврат исполненного может быть обусловлен встречным предоставлением, в рамках конкурсного производства возврат имущества в конкурсную массу носит императивный характер. Это подтверждается правоприменительной практикой, где суды указывают на необходимость пополнения конкурсной массы независимо от прав на возврат встречного исполнения.

На наш взгляд, эта справедлива, поскольку учитывает уникальные особенности процедуры банкротства, которые делают невозможным применение общих принципов гражданского права без соответствующих корректировок. Важно понимать, что цель банкротства — это защита коллективных интересов кредиторов, а не восстановление баланса между отдельными сторонами сделки.

Существуют и другие подходы к определению правовой природы последствий недействительности сделок должника. Такие последствия, например, можно в качестве особого вида односторонней реституции, где имущество изымается в пользу конкурсной массы, а не государства. В юридической теории реституция часто делится на двустороннюю и одностороннюю. Двусторонняя реституция подразумевает возврат полученного по сделке обеими сторонами. Односторонняя реституция, наоборот, предполагает возврат или изъятие иму-

щества в пользу одного лица или группы лиц — например, в пользу государства при конфискации. В российском законодательстве о банкротстве (ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») применяется механизм возврата имущества в конкурсную массу. В этом контексте можно рассматривать такие меры как аналогию «односторонней реституции», потому что активы изымаются в пользу группы кредиторов (конкурсной массы), а не возвращаются сторонам сделки в классическом понимании реституции.

Однако М. В. Столярчук возражает против этой позиции, указывая на то, что односторонняя реституция обычно предполагает конфискацию имущества в доход государства, тогда как в случае банкротства имущество возвращается в конкурсную массу для удовлетворения требований всех кредиторов, что подчеркивает его коллективный характер. Таким образом, последствия недействительности сделки при банкротстве имеют более сложную правовую природу, чем традиционная односторонняя реституция.

Мы согласны с критикой Столярчука, так как его доводы подчеркивают особую природу процедуры банкротства, где акцент делается на коллективные интересы всех кредиторов, а не на конфискацию в пользу государства. Это различие важно, поскольку оно определяет правовые последствия и подходы к оспариванию сделок должника. Понимание этих нюансов необходимо для точного применения норм права и разработки более справедливых правоприменительных решений.

С учетом вышеизложенного, М. В. Столярчук предлагает рассматривать последствия недействительности сделок должника в банкротстве как особый вид юридической ответственности. Этот подход основан на том, что механизм оспаривания сделок направлен не только на восстановление имущественного положения сторон, но и на защиту интересов кредиторов в условиях ограниченности ресурсов должника. Такой подход позволяет сохранить баланс интересов всех участников процесса банкротства и минимизировать возможность злоупотреблений.

Однако можно возразить, что определение последствий недействительности сделок как юридической ответственности несколько ограничивает интерпретацию их правовой природы. Ведь в таком случае игнорируются некоторые иные цели банкротного процесса, например, обеспечение экономической справедливости или защита добросовестных сторон.

На наш взгляд, более точным было бы определить эти последствия как специальный инструмент банкротного права, сочетающий в себе элементы реституции, компенсации и правовой ответственности.

Многие авторы обращают внимание на сходство последствий недействительности сделок должника с конфискационными мерами. Однако, как отмечает М. В. Столярчук, такая аналогия не вполне корректна, так как конфискация предполагает обращение имущества в доход государства, тогда как в случае банкротства имущество возвращается в конкурсную массу для удовлетворения требований всех кредиторов.

С другой стороны, он также упоминает о возможности применения сверхкомпенсационных мер в процессе банкротства. Такие меры направлены на предотвращение злоупотреблений и обеспечение справедливого распределения имущества между кредиторами. Этот подход хорошо согласуется с общей целью банкротного права — защитой интересов всех кредиторов на равных условиях. Однако, здесь важно не допустить чрезмерного вмешательства, которое могло бы дестабилизировать гражданский оборот и нарушить баланс интересов сторон.

Тут можно огласиться с важностью гибкости в применении мер по недействительности сделок, но считаем необходимым подчеркнуть, что эта гибкость должна основываться на четких правовых критериях. Это позволит избежать правовой неопределенности и поддерживать стабильность гражданского оборота.

Литература:

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
2. Столярчук М. В. Правовая природа последствий недействительности сделок должника при банкротстве // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 7. — С. 115–123.
3. Шевлякова Т. В. Недействительные сделки в процедурах несостоятельности (банкротства) // Столыпинский вестник. — 2022. — № 3. — С. 1565–1571.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что последствия недействительности сделок должника в рамках банкротства обладают уникальной правовой природой, отличающейся от традиционной гражданско-правовой реституции, конфискации или компенсации. Эти последствия можно рассматривать как особый вид юридической ответственности, направленной на восстановление конкурсной массы и защиту интересов кредиторов.

Для обеспечения правовой определенности и эффективности применения данных мер требуется дальнейшее совершенствование законодательства о банкротстве и развитие судебной практики. При этом важно учитывать специфику каждого случая и применять меры, которые бы максимально соответствовали целям банкротного процесса, сохраняя баланс интересов всех сторон.

Правовая сущность непоименованного договора как особая гражданско-правовая категория

Гаврилова Екатерина Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Токарева Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье рассматриваются теоретические и практические подходы к определению понятия непоименованного договора в доктрине гражданского права и его закреплении в гражданском законодательстве России. Раскрывается правовая сущность безымянного договора как гражданско-правовой категории и его значимость при возникновении новых общественных отношений в гражданском праве и трансформации этого договора под воздействием принципа свободы договора в предпринимательскую деятельность.

Ключевые слова: непоименованность в юридической науке, правовая сущность непоименованного договора, предпринимательская деятельность, признаки непоименованности.

The legal essence of an unnamed contract as a special civil law category

Gavrilova Yekaterina Sergeevna, student master's degree

Scientific advisor: Tokareva Yelena Vladimirovna, candidate of law sciences, associate professor

Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State University

The article discusses theoretical and practical approaches to defining the concept of an unnamed contract in the doctrine of civil law and its consolidation in the civil legislation of Russia. The legal essence of an unnamed contract as a civil law category and its significance in the emergence of new social relations in civil law and the transformation of this contract, under the influence of the principle of freedom of contract into entrepreneurial activity, are revealed.

Keywords: non-naming in legal science, the legal essence of an unnamed contract, entrepreneurial activity, signs of non-naming.

В современном мире гражданская сфера, правоотношения в ней, цифровизация экономики стремительно развиваются и расширяются в силу возникновения новых общественных отношений или изменения тех, что уже зафиксированы законодателем в правовом пространстве. Появление таких общественных отношений в гражданском праве привело к выработке иных правовых категорий и терминов, которые активно стали участвовать в гражданском обороте. В своё время, О.С. Иоффе справедливо отмечал, что: «как только оборот принимает новые формы, так сразу рождаются новые виды обязательств» [1, с. 181].

Появление новых видов обязательств в гражданско-правовом поле связано с юридическими фактами, где действие, в отличие от события, можно назвать одушевлённым фактом, поскольку оно зависит от воли и сознания субъектов гражданского права и направлено на создание взаимовыгодных условий (прав и обязанностей). Договор считается результативным действием и инструментом оформления и регулирования гражданско-правовых отношений и входит в число распространённых оснований возникновения обязательств.

В настоящее время, гражданско-правовые отношения изменяются, расширяется субъектный состав, меняются условия, усложняются комбинации элементов, используемых при конструировании договорного правоотношения, письменная форма договора уступила место электронной (цифровой), но от этого «юридическая природа договора, направленная на достижение определённого правового результата, не меняется».

Ныне действующий Гражданский закон Российской Федерации позволил заключать договор любого вида, в том числе и не предусмотренный законами или иными правовыми актами. Исходя из данной легальной дефиниции, учитывая условия современной рыночной экономики, опирающийся больше на свободу выбора, личного интереса и конкуренцию, привело к тому, что договор приобрёл первостепенное значение и стал своего рода универсальным регулятором и двигателем всех экономических связей. Из этого следует, что отечественное гражданское законодательство, находясь под воздействием трансформации имущественных отношений и возникновения новых видов, типов договоров, не ограничено определённым перечнем видового состава договоров. Мы можем полагать, что данное обстоятельство в системе гражданского права является своего рода правовой возможностью и выполняет обеспечительную и координационную функцию, направленную на обеспечение новационных потребностей хозяйственного оборота при помощи гибких, не застывших правовых форм.

В этом смысле, предпринимательская деятельность представляет собой подвижную часть хозяйственного оборота, так как «цель извлечения прибыли и стрем-

ление достичь результата наиболее эффективным и экономичным для себя способом» всегда будет превалировать. Так, Б.И. Пугинский отмечает, что «именно договор является основным средством осуществления предпринимательской деятельности, который »позволяет... в известных пределах, самим регулировать отношения путём установления взаимных прав и обязанностей...исходя из собственных интересов и специфики связей» [2, с. 13–15]. Это всё привело к появлению новых договорных конструкций, юридическая природа которых отошла от излишне формализованных подходов к принципу свободы заключения договора.

Непоименованный договор — это конструкция, не имеющая чёткого определения как гражданско-правовая категория. Термин «непоименованный договор» не предусмотрен законом и встречается лишь в юридической науке, где данное понятие обозначено как: безымянный, исключительный, инноминальный договор (контракт). Между тем, в Гражданском кодексе Российской Федерации, в норме ч. 2 ст. 421 содержится формулировка о существовании договора «не предусмотренного законом или иными правовыми актами». Отталкиваясь от этого, можно дать правовую оценку юридической природы (понятию) непоименованного договора:

Во-первых, как правового диссонанса в гражданском праве, что сама буква закона может создавать противоречия и конфликт интересов субъектов безымянного договора, что является отличительной особенностью от поименованных и смешанных договоров.

Во-вторых, закреплённую законодателем норму об ином (непоименованном) договоре, можно определить, как преломлённую диспозитивность, которая вывела на новый уровень пределы императивности договорных норм. Всё выше сказанное, служит в качестве отправной точки для понимания непоименованности в юридической науке и недопущения в правоприменительной практике грубого нарушения баланса интересов сторон (правовой диссонанс) и свободы содержания договора, но не противоречащей законодательству.

Так, профессор, Е. А. Суханов указывает на то, что «непоименованные договоры неизвестны действующему законодательству, но полностью соответствуют его общим началам и смыслу гражданского законодательства» [3, с. 17]. Непоименованный договор своего рода есть исключительное легитимное средство, предоставленное участникам определённой деятельности, где в качестве «правовых инструментов выступают определённые комбинации юридически значимых действий, совершаемых субъектами для достижения целей, не противоречащих законодательству и интересам общества». Таким образом, участники имущественных, товарно-денежных отношений обладают самостоятельной инициативой гражданского оборота, когда это необходимо.

Недостаток в законе специальных правил о непоименованности, кроме нормы п. 2 ст. 421 ГК РФ, и фиксации того, что «гражданские права и обязанности возникают из договоров, не предусмотренных законом, но не противоречащих ему» (п. 1 ст. 8 ГК РФ), в пункте 5 Постановления Пленума ВАС России от 14 марта 2004 г. № 16 «О свободе договора и её пределах» чётко определено, что «к непоименованным договорам при отсутствии в них признаков смешанного договора по общему правилу нормы об отдельных видах договоров не применяются» [4, с. 1]. Главным признаком при заключении безымянного договора является предмет соглашения, а не его название, фактическое содержание прав и обязанностей и распределение рисков.

Безымянные договора в контексте гражданско-правовых отношений возникают тогда, когда две или более стороны пришли к заключению такого договора, который «не имеет определённого названия или статуса и в нём всё устанавливается сторонами на основе их соглашения и в зависимости от конкретной ситуации». Так, М. И. Брагинский отмечает, что «непоименованный договор даёт возможность для всех участников гражданского оборота — физических и юридических лиц, заключать договоры по самостоятельно разработанной сторонами модели» [5, с. 64]. В. В. Витрянский придерживается позиции М. И. Брагинского, и они склоняются к тому, что «признание правоотношения договором непоименованным означает отсутствие урегулирования не только вида, но и соответствующего типа гражданско-правового договора, и к ним необходимо применять общие нормы Гражданского кодекса РФ» [6, с. 21].

В своём исследовании, Лукьяненко В. Е., отмечает, что «если стороны самостоятельно, свободно конструируют свой договор, используя в качестве модельных правил некоторые нормы, например, о договорах купли-продажи, поставки, простого товарищества, а чаще, конечно не обращаясь к таким нормам, применяя выработанные на практике свои образцы локальных договоров, то в этом случае речь идёт о реализации принципа свободы договора. Именно такой договор будет для них «законом», при условии, что с их стороны не должно быть злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ)» [7, с. 65].

Исходя из вышеизложенного, непоименованным договором можно считать «договор в отношении, которого нет никакого позитивного регулирования, но такого типа соглашения должны соответствовать общим положениям гражданского законодательства о договорах». Но, это не означает, что к непоименованному договору применимы правила и условия о поименованных договорах. На этот счёт внесена ясность, в п. 49 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», что «права и обязанности сторон по непоименованному договору устанавливаются исходя из толкования его условий. При этом к отдельным отношениям

сторон по такому договору с учётом его существа по аналогии закона, могут применяться правила об отдельных видах обязательств и договоров, предусмотренных законом и иными правовыми актами» [8, с. 16]. Данное правило будет действовать только тогда, когда непосредственно договором правоотношение неурегулировано.

На сегодняшний день гражданское законодательство можно назвать проработанным, имеющим разветвлённую систему договорных отношений, но тем не менее непоименованные договоры имеют место быть.

Как отмечает Маслов Н. А., «существование непоименованного договора как гражданско-правовой категории опирается на исходные предпосылки, в которые включены «принцип свободы договора», категории «сделка» и «обязательства»» [9, с. 36–42].

Исследуя вопрос о возможности заключения непоименованного договора, нельзя не согласиться с А. Н. Климовой, по мнению которой, «данное правомочие выступает в качестве элемента принципа свободы договора». Свобода договора, может рассматриваться в аспекте «свободы определения юридической природы заключаемого договора и не подчиняться такому понятию как квалификация договора, то есть выходить за рамки существа законодательного регулирования соответствующего вида обязательств и признаков договоров, предусмотренных законами или иными правовыми актами» [10, с. 58].

Размышляя о правовой сущности непоименованных договоров, можно прийти к выводу, о том, что нормы гражданского права должны прогнозировать развитие общественных отношений и допускать появление новых правовых явлений, и только тогда можно свободно утверждать о существовании допустимой непоименованности и свободной необходимости для сторон, заключающих безымянный договор.

В настоящее время, гражданско-правовое регулирование такой категории, как непоименованный договор находится на стадии обсуждения и разработки как в юридической доктрине, так и в практической сфере, при этом, по нашему мнению, решающее значение для развития непоименованного договора, как исключения из общих правил следует признать за практической деятельностью судов. Ведь, может и общество готово на данном этапе принять гражданско-правовые отношения с иной (исключительной) предметной направленностью, то судебная система сталкивается с определёнными трудностями, а именно: «с одной стороны право на заключение непоименованного договора отрицать нельзя, так как оно защищено нормой ст. 8 и п. 2 ст. 421 ГК РФ, а с другой стороны, суды зачастую не правильно толкуют непоименованные договоры, происходит путаница со смешанным договором и судьи любыми способами стремятся притянуть безымянный договор к тому или иному виду договора и применить к нему нормы, чуждые его существенному характеру». Но, из-за чрезвычайно высокой нагрузки у судей нет достаточного времени для обстоятельного изучения дела, в итоге процесс затягивается, либо прекра-

щается. Исходя из этого, непоименованные договора требуют конкретного законодательного решения, а именно: в Гражданском кодексе должно быть дано более точное определение исключительности юридической природы

данного явления (непоименованного договора) и закреплены критерии отграничивающие его от других договоров, для недопущения самостоятельной трактовки таких договоров.

Литература:

1. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». 4е изд. Москва.: Статут, 2020. С. 181.
2. Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права: история и современность // Сборник научно-практических статей III Международной научно-практической конференции молодых учёных. — Краснодар: АНО «НИИ АПСП», ФГБОУ ВО КубГАУ, 2019. С. 13–15.
3. Гражданский кодекс РФ. Общие положения о договоре. Постатейный комментарий к главам 27–29 под редакцией П. В. Крашенинникова. СПС КонсультантПлюс. С. 17.
4. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС «Консультант Плюс». С. 1.
5. Лукьяненко В. Е. Проблемы использования, толкования и применения условий непоименованных и смешанных договоров // Аграрное и земельное право. 2016. № 10 (142). С. 64.
6. Соколова М. К. Непоименованные договоры: вопросы теории и практики // Институт права. 2022. Тольятти. С. 21.
7. Лукьяненко В. Е. Проблемы использования, толкования и применения условий непоименованных и смешанных договоров // Аграрное и земельное право. 2016. № 10 (142). С. 65.
8. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // СПС «Консультант Плюс». С. 16.
9. Маслов Н. А., Ткаченко Н. О. Исходные предпосылки возникновения непоименованных договоров // Вопросы российского и международного права. Т. 10. 2020. № 3. С. 36–42.
10. Климова А. Н. Непоименованные договоры в предпринимательской деятельности: вопросы реализации принципа свободы договора. Юридическая наука // 2016. № 4. С. 58.

Виды и порядок осуществления ведомственного контроля и надзора в РФ

Глебовской Виталий Анатольевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются проблемы порядка осуществления ведомственного контроля и надзора в Российской Федерации. Раскрываются особенности отдельных видов контроля по ведомствам, в том числе финансовый контроль, экологический контроль, а также контроль и надзор в сфере здравоохранения, промышленности и т.д. Рассмотрены основные этапы и процедуры контроля, функции и задачи надзора.

Ключевые слова: государственный контроль, ведомственный контроль, контролирующие органы, государственный надзор, финансовый контроль.

В условиях современной правовой системы ведомственный контроль и надзор представляют собой механизм, через который осуществляется непрерывное наблюдение за соблюдением норм и правил, установленных законодателями и регулирующими органами.

Правовое регулирование ведомственного контроля и надзора в РФ основывается на ряде нормативно-правовых актов, включая Конституцию Российской Федерации [3], федеральные законы и иные подзаконные акты. Основной целью этого регулирования является обеспечение соответствия деятельности государственных органов и иных организаций установленным стандартам

и требованиям. Государственным органам, осуществляющим контроль и надзор, предоставляются полномочия, которые позволяют им проводить проверки, выносить предписания и в необходимых случаях привлекать к ответственности нарушителей.

Особенности ведомственного контроля и надзора в Российской Федерации связаны с разветвленностью государственного аппарата и сложностью его структуры. Как правило, в зависимости от сферы деятельности, контроль и надзор могут быть подразделены на различные направления: например, в области здравоохранения, безопасности, экологии, финансовой сферы и др. Каждое из этих направ-

лений регулируется специализированными органами, обладающими необходимой экспертной компетенцией.

Виды ведомственного контроля и надзора в РФ разнообразны и включают в себя следующие основные категории: финансовый контроль, промышленный контроль, экологический контроль, контроль в сфере здравоохранения и некоторые другие виды и направления.

Ведомственный финансовый контроль в Российской Федерации является одним из ключевых инструментов обеспечения финансовой дисциплины и рационального использования бюджетных средств. Основными задачами ведомственного контроля является проведение аудита и мониторинга выполнения бюджетных обязательств, оценка правильности составления отчетности, а также выявление и предотвращение финансовых злоупотреблений и нарушений [2].

Основные признаки ведомственного финансового контроля включают систематичность, независимость и комплексность. Систематичность подразумевает регулярное проведение контрольных мероприятий, что позволяет оперативно выявлять и устранять финансовые нарушения. Независимость обеспечивает объективность и непредвзятость проверок, что особенно важно в условиях возможного конфликта интересов. Комплексность же предполагает всестороннее изучение всех аспектов финансово-хозяйственной деятельности, включая оценку эффективности управления финансовыми ресурсами, анализ плана и факта расходования средств, а также контроль за соблюдением действующего законодательства в области финансов.

Важное место в системе нормативного регулирования ведомственного финансового контроля занимают федеральные законы, такие как Бюджетный кодекс Российской Федерации [4], который регулирует основные вопросы финансов государства. Здесь же можно назвать Федеральный закон «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации, федеральных территорий и муниципальных образований» от 07.02.2011 №6-ФЗ [5].

Подзаконные акты, в том числе постановления Правительства Российской Федерации и акты федеральных министерств и ведомств, уточняют процедуры и методы проведения ведомственного финансового контроля. Эти акты направлены на конкретизацию общего законодательства с учетом специфики деятельности отдельных отраслей и ведомств, обеспечивая тем самым эффективное и целенаправленное расходование бюджетных средств.

Государственный контроль и надзор в сфере медицины и здравоохранения в Российской Федерации — это комплекс мер, направленных на обеспечение соблюдения стандартов качества медицинских услуг, а также защиту прав и законных интересов граждан в области здравоохранения. Наиболее значимые законодательные акты, регулирующие эти процессы, создают правовые основы для работы всех участников отрасли, от государственных органов до частных медицинских учреждений.

Одним из ключевых законодательных актов является Федеральный закон «Об основах охраны здоровья гра-

ждан в Российской Федерации» № 323-ФЗ [6]. Этот закон определяет базовые принципы государственной политики в области здравоохранения и устанавливает права и обязанности всех участников медицинского взаимодействия. В нем заложены основные механизмы государственного контроля, которые включают в себя лицензирование медицинских учреждений, аккредитацию специалистов и периодические проверки качества оказываемых медицинских услуг.

Другой важный нормативный акт — это Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» № 99-ФЗ [7]. В контексте медицины этот закон регулирует процедуры получения медицинских лицензий, что является обязательным условием для осуществления медицинской деятельности на территории Российской Федерации. Лицензирование служит одним из основных инструментов контроля качества и безопасности медицинских услуг, гарантируя соответствие медицинских учреждений установленным стандартам.

Также следует упомянуть о роли Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзора) [8], чья деятельность регламентируется рядом нормативных актов. Одним из таких документов является Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) качества и безопасности медицинской деятельности» [9]. Этот акт определяет полномочия Росздравнадзора в области контроля качества медицинской помощи и соблюдения прав пациентов. В рамках своих полномочий служба проводит проверки, выдает предписания об устранении нарушений и при необходимости привлекает нарушителей к административной ответственности.

Экологический контроль играет ключевую роль в предотвращении негативного воздействия на экосистему, обеспечивая соблюдение норм и стандартов, направленных на охрану окружающей среды. Он охватывает широкий спектр мероприятий, включая мониторинг качества воздуха, воды и почвы, а также контроль за выбросами вредных веществ и управлением отходами. Такой контроль позволяет своевременно выявлять нарушения и принимать меры для их устранения, что способствует сохранению биоразнообразия и улучшению качества жизни населения.

В сфере экологической безопасности в Российской Федерации действует комплекс законодательных актов, направленных на обеспечение эффективного государственного контроля и надзора. Основным законодательным актом в этой области является Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 года № 7-ФЗ [10], который устанавливает основы государственной политики в области охраны окружающей среды, регулирует отношения в сфере использования и воспроизводства природных ресурсов, а также закрепляет полномочия органов государственной власти и местного самоуправления в области экологического надзора.

Кроме этого, важную роль в обеспечении экологической безопасности играет Федеральный закон «О госу-

дарственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ [11]. Этот закон определяет организационные и правовые основы государственного и муниципального контроля, включая экологический надзор, порядок проведения проверок, меры, применяемые по их результатам, и права и обязанности должностных лиц органов контроля. Благодаря этому закону обеспечивается системное и непрерывное наблюдение за соблюдением законодательства в области охраны окружающей среды.

Особое место в системе обеспечения экологической безопасности занимает Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» от 24 июня 1998 года № 89-ФЗ [12]. Он регулирует вопросы обращения с отходами, устанавливает требования к их сбору, транспортировке, утилизации и обезвреживанию, а также предусматривает меры государственного контроля и ответственности за нарушение установленных правил. Данный закон способствует минимизации негативного воздействия отходов на окружающую среду и здоровье населения, а также стимулирует внедрение более эффективных технологий обращения с ними.

Промышленный контроль. Этот вид контроля охватывает различные отрасли промышленности и направлен на соблюдение технологических норм и стандартов, включая безопасность труда, оборудование и производственные процессы.

Основными законодательными актами, регулирующими данный аспект деятельности, в Российской Федерации являются Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» [13], Закон «О техническом регулировании» [14] и ряд постановлений Правительства РФ, регулирующих аспекты контроля и надзора. Эти документы устанавливают требования к предприятиям в различных отраслях, касающиеся безопасности производственных процессов, квалификации персонала и эксплуатации оборудования.

Литература:

1. Абдулазизов М. М. Соотношение ведомственного контроля и прокурорского надзора // Закон и право. 2022. № 3.
2. Ю А. Рябов, С Ю. Павлов К вопросу теоретико-методологических и правовых основ государственного контроля в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 5–3 (92).
3. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6 — ФКЗ, от 30.12.2008 № 7–ФКЗ) // СЗ РФ. — 2009. — № 4. — Ст. 445.
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N145-ФЗ // Российская газета, N153–154, 12.08.1998
5. Федеральный закон от 07.02.2011 N6-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации, федеральных территорий и муниципальных образований» // Российская газета, N29, 11.02.2011
6. Федеральный закон от 21.11.2011 N323-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 26.09.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Справочная правовая система Консультант Плюс
7. Федеральный закон от 04.05.2011 N99-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Справочная правовая система Консультант Плюс
8. Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 N323 (ред. от 23.05.2024) «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения» // Российская газета, N144, 08.07.2004

Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» определяет правовые, экономические и социальные основы обеспечения безопасности на производственных объектах, где присутствуют или используются опасные материалы и технологии. Этот закон обязывает предприятия разрабатывать и внедрять систему управления промышленной безопасностью, а также регулярно проводить оценку состояния безопасности, что должно включать внутренний аудит и внешние проверки со стороны контролирующих органов. Специальные положения документа регулируют также вопросы лицензирования деятельности, связанной с эксплуатацией таких объектов.

Закон «О техническом регулировании» является еще одним ключевым элементом системы промышленного контроля. Он определяет принципы создания и применения технических регламентов, стандартов и правил, направленных на защиту жизни, здоровья граждан и охрану окружающей среды. В рамках этого закона, государственные органы разрабатывают и утверждают обязательные для выполнения технические регламенты, требования которых должны учитывать все этапы жизненного цикла продукции, начиная от проектирования и заканчивая утилизацией.

Процедуры осуществления ведомственного контроля включают в себя проведение проверок, аудитов, инспекций и мониторинга деятельности подконтрольных субъектов. Контроль может быть плановым и внеплановым, по инициативе проверяющей структуры или по жалобам и обращениям граждан и организаций.

Органы, осуществляющие ведомственный контроль, могут выносить предписания, накладывать штрафы, а в случае серьезных нарушений или угроз — приостанавливать деятельность организаций до устранения выявленных недочетов.

Таким образом, ведомственный контроль и надзор играют ключевую роль в системе государственного управления, обеспечивая порядок, законность и стабильность во всех сферах общественной жизни.

9. Постановление Правительства РФ от 29.06.2021 N1048 (ред. от 30.11.2021) «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) качества и безопасности медицинской деятельности» / Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 01.07.2021.
10. Федеральный закон от 10.01.2002 N7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране окружающей среды» / Российская газета, N6, 12.01.2002
11. Федеральный закон от 31.07.2020 N248-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» / Российская газета, N171, 05.08.2020
12. Федеральный закон от 24.06.1998 N89-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об отходах производства и потребления» // Российская газета, N121, 30.06.1998
13. Федеральный закон от 21.07.1997 N116-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» // Российская газета, N145, 30.07.1997
14. Федеральный закон от 27.12.2002 N184-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «О техническом регулировании» // Российская газета, N245, 31.12.2002

Анализ понятия злоупотребления правом и реализация данного института в гражданских правовых отношениях

Громова Мария Юрьевна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В настоящей статье автором проводится теоретический анализ понятия злоупотребления правом и реализация данного института в гражданских правовых отношениях, рассматриваются мнения ученых по вопросу злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях, определяются проблемы и пути их решения.

Ключевые слова: злоупотребление правом, корпоративные споры, судебная защита прав, добросовестность, вред.

Analysis of the concept of abuse of right and implementation of this institution in civil legal relations

In this article, the author conducts a theoretical analysis of the concept of abuse of law and the implementation of this institution in civil legal relations, considers the opinions of scientists on the issue of abuse of law in corporate legal relations, identifies problems and ways to solve them.

Keywords: abuse of rights, corporate disputes, judicial protection of rights, good faith, harm.

Злоупотребление правом как гражданско-правовая категория в последнее время представляется собой предмет дискуссий и споров многих ученых.

Злоупотребление правом в соответствии со ст. 10 Гражданского кодекса РФ подразумевает под собой действия лица, имеющие противоправный характер, выраженные в желании другому лицу причинить вред, ущемить его права незаконным способом, при этом лицо осознает недобросовестность своего поведения.

В гражданском праве злоупотребление правом может проявляться, например, в случае, когда одна сторона заключает договор с целью получения выгоды за счет другой стороны, не имея при этом реальных намерений исполнить свои обязательства. Также злоупотребление правом может быть связано с неправомерным использованием имущества или нарушением чужих прав.

Теоретический анализ понятия злоупотребления правом является важным для понимания сущности данного явления и разработки мер по его предотвращению.

В рамках такого анализа выделяются следующие основные элементы злоупотребления правом:

1. Нарушение целей, для которых были установлены права. Злоупотребление правом возникает тогда, когда субъект права использует свои права не по назначению или вопреки их целям.

2. Превышение полномочий. Злоупотребление правом может проявляться в случае, когда субъект права превышает свои полномочия, тем самым нарушая права других лиц.

3. Неправомерность действий. Злоупотребление правом может быть связано с нарушением законодательства или прав других лиц.

4. Наличие умысла. Злоупотребление правом предполагает наличие умысла со стороны субъекта права, то есть намерения использовать свои права не по назначению или вопреки их целям [2, с. 17].

Злоупотребление правом в корпоративных правоотношениях — это ситуация, когда участники акционерных общества и обществ с ограниченной ответственностью

используют свои права не по назначению или превышают свои полномочия, что может привести к нарушению интересов других участников или самой организации в целом.

Примерами злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях могут быть:

— Одна из сторон принимает решения, направленные только на личную выгоду, не учитывая интересы других участников или организации в целом.

— Участник организации (общества) использует свои полномочия для получения неправомерной выгоды за счет других участников или корпорации.

— Участник организации нарушает права других участников, например, отказывая им в доступе к информации или влиянию на принимаемые решения.

Необходимо отметить, что гражданское законодательство предусматривает судебную защиту прав граждан от злоупотребления правом других лиц. В части корпоративных споров такие действия встречаются при следующих обстоятельствах — злоупотребление участника общества правом на оспаривание решения общества.

Злоупотребление правом в корпоративных правоотношениях может привести к возникновению корпоративных споров, которые могут быть связаны с нарушением прав и интересов участников корпорации. В таких случаях возникает необходимость восстановления нарушенных прав и компенсации убытков.

Одним из способов восстановления нарушенных прав является обращение в суд. В рамках судебного процесса участники корпорации могут доказывать факт злоупотребления правом и требовать восстановления нарушенных прав и компенсации убытков. Однако, судебный процесс может быть длительным и затратным, а также не всегда гарантировать положительный исход.

Другим способом восстановления нарушенных прав является альтернативное разрешение споров. Например, участники корпорации могут обратиться к арбитражу или медиации, где специалисты помогут им найти компромиссное решение спора. Эти методы разрешения споров могут быть более быстрыми и дешевыми, чем судебный процесс, и способствовать сохранению бизнес-отношений между участниками корпорации.

Дела по спорам об оспаривании решений общих собраний участников хозяйственных обществ довольно часто встречаются в арбитражной практике. Иски о признании недействительными решений общих собраний обществ выступают в качестве способа защиты участников данных обществ.

Но на практике появляются случаи, когда участник злоупотребляет правом на оспаривание решения обще-

ства. Так, Гражданин А., являвшийся генеральным директором акционерного общества, обратился в арбитражный суд с иском к акционерному обществу (далее — общество) о признании недействительным решения совета директоров общества (далее — совет директоров), которым были досрочно прекращены его полномочия и избран новый генеральный директор. Как следовало из материалов дела, уставом общества предусмотрено: решения совета директоров по вопросам назначения и досрочного прекращения полномочий генерального директора общества принимаются не менее чем пятью голосами при обязательном присутствии на заседании всех членов совета директоров. Количественный состав совета директоров уставом общества определен в семь членов.

Оспариваемое решение было принято советом директоров в составе 6 человек, каждый из которых проголосовал за принятие упомянутого решения. Однако в рассматриваемом случае в заседании совета директоров не принял участие сам истец, который, будучи генеральным директором общества, являлся также членом совета директоров.

Судом установлено, что истец был надлежащим образом извещен о месте и времени проведения заседания совета директоров, а также о его повестке дня, при этом им не оспаривалось отсутствие уважительных причин неучастия в заседании.

Суд признал действия истца злоупотреблением правом на оспаривание решения совета директоров, поскольку нарушение устава общества при принятии оспариваемого решения вызвано недобросовестными действиями самого истца (неучастием без уважительных причин в работе совета директоров) [1, с. 24].

Таким образом, явно прослеживается заинтересованность истца в непринятии данного решения, для чего он использует свое право на обжалование решения совета директоров не как способ защиты своих нарушенных прав и интересов, а как способ блокирования принятия данного решения.

Для предотвращения злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях необходимо установление четких правил и процедур, которые бы регулировали деятельность участников организации. Кроме того, важно обеспечить контроль за действиями участников и установить механизмы защиты прав и интересов каждого участника. Важным фактором является также повышение правовой культуры участников корпоративных отношений и обучение их основам корпоративного права, что позволит предотвратить случаи злоупотребления правом и обеспечить справедливое и эффективное функционирование различных видов форм образования юридических лиц.

Литература:

1. Кабанова И. Е. Злоупотребление акционером правом на получение информации / И. Е. Кабанова // Гражданское право. — 2019. — № 12. — С. 23–26.
2. Сазанова И. В. Об условиях применения запрета злоупотребления гражданским правом / И. В. Сазанова // Гражданское право. — 2018. — № 11. — С. 16–19.

3. Шевцов С.Г. Недопустимое осуществление гражданских прав как средство ограничения свободного усмотрения на основе принципа добросовестности / С.Г. Шевцов // Гражданское право. — 2019. — № 2. — С. 20–24.

Особенности и проблемы организации местного самоуправления на федеральной территории Сириус

Гулин Вадим Вячеславович, студент;

Абдуллаев Ахмедхан Алленович, студент

Научный руководитель: Аржанов Владимир Владимирович, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается развитие и функционирование федеральных территорий (ФТ) в Российской Федерации, с особым акцентом на уникальное образование — федеральную территорию «Сириус». Авторы анализируют законодательные основы создания ФТ, включая изменения в Конституции РФ и Федеральном законе «О федеральной территории Сириус». Подчеркивается, что ФТ не подчиняются субъектам Федерации и находятся под контролем федеральной власти, что вызывает вопросы о правовом статусе и реализации местного самоуправления. А также в статье рассматриваются проблемы организации и функционирования местного самоуправления на федеральной территории «Сириус». Сравнивается российский опыт создания федеральной территории и зарубежный. Авторы также акцентируют внимание на стратегическом значении «Сириуса» для развития научных и образовательных инициатив, а также привлечения инвестиций. Наконец, авторы предлагают рекомендации по улучшению правового регулирования и повышению эффективности местного самоуправления, учитывая специфику федеральных территорий.

Ключевые слова: местное самоуправление, федеральная территория, российская Федерация, Краснодарский край, публичная власть, Сириус, член Совета, городской округ, государственная власть, правовое регулирование.

В Российской Федерации активно развиваются и функционируют публично-правовые образования. Особого внимания заслуживает такое образование как федеральная территория (далее — ФТ). Федеральная территория является нововведением, которое было введено в соответствии с Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ.

Единственной ФТ на территории России является «Сириус». Здесь стоит придать внимание тому, что на территории данного образования проживают более 13 тысяч человек, а значит население в границах данного образования должно реализовывать местное самоуправление, не смотря на то, что данная территория имеет ряд особенностей в корне отличающих её от привычных нам муниципальных образований.

Пожалуй, главной особенностью ФТ является стратегическое значение. Так, основной целью создания данной территории является развитие образовательных и научных инициатив, привлечение инвестиций и создание условий для стартапов в области науки и технологий, развитие талантов, а также олимпийского спортивного, культурного и природного наследия, а также устав определяет статус территории как особой экономической зоны.

Органы государственной власти на федеральных территориях (ФТ) обладают признаками и полномочиями как органов государственной, так и органов местного самоуправления. Ключевым принципом организации такого управления является тесное взаимодействие органов муниципальной и государственной власти.

Говоря об особенностях реализации местного самоуправления, стоит подчеркнуть, что ФЗ «О федеральной территории Сириус» в части, регулирующей местное самоуправление, имеет ряд положений нехарактерных муниципальным образования [4]. Вторая статья данного нормативного акта определяет возможность «осуществления местного самоуправления гражданами, проживающими на территории Сириус-непосредственно, либо через органы публичной власти ФТ «Сириус», за исключением полномочий, переданных муниципальным органам города-курорта Сочи» [1].

Данная формулировка довольно любопытна, так как осуществление местного самоуправления посредством органов публичной власти ФТ не учитывает специфику местных сообществ и их потребностей, а также противоречит конституционным нормам, определяющим формы осуществления местного самоуправления. Функции органов публичной власти ФТ имеют свою специфику и часто не совпадают с задачами местного самоуправления.

А также это уникальный случай, когда часть функций по осуществлению МСУ одного городского округа переданы другому городскому округу. Здесь снова встанет вопрос о соответствии этого положения принципу организации местного самоуправления в интересах населения.

Также необходимо раскрыть особенности формирования представительного органа федеральной территории. Совет федеральной территории «Сириус» является представительным. Он формируется из 17 членов.

Из них девять членов избираются на выборах населением ФТ. Три члена назначаются Президентом Российской Федерации, три — Правительством Российской Федерации, один член назначается высшим должностным лицом Краснодарского края, а глава администрации ФТ входит в состав Совета по должности. Три члена Совета осуществляют деятельность на постоянной основе, а остальные — на непостоянной [4]. Члены Совета, работающие на непостоянной основе, имеют право совмещать свое членство с другими государственными должностями, а также участвовать в управлении коммерческими и некоммерческими организациями, в том числе на платной основе, и заниматься предпринимательской деятельностью [2]. Таким образом половина членов представительного органа не знакомы с историческими и культурными особенностями, а также вполне возможно, что они и не знакомы с фактическими проблемами, которые должны решаться на местном уровне.

Говоря об особенностях, нельзя не сказать о правовом регулировании федеральной территории. Так, если органы власти Краснодарского края решают передать определённые полномочия органам публичной власти «Сириуса», то правовые акты, принятые в этом контексте, действуют с учётом особенностей, установленных федеральным законодательством и нормативными актами самой территории. Это означает, что законы края не могут быть использованы произвольно, а должны соответствовать специфике и особенностям, которые прописаны в законодательстве «Сириуса» [1].

Муниципальные правовые акты, касающиеся муниципального образования «город-курорт Сочи», также действуют в «Сириусе» до вступления в силу соответствующих актов публичной власти федеральной территории. Это важно для обеспечения непрерывности правового регулирования на данной территории и предотвращения правовых пробелов, что особенно актуально для динамично развивающегося региона.

Российская Федерация — не единственная страна, где функционируют подобного рода территорий. В основном наличие федеральных территорий характерно для стран

с федеративным территориальным устройством. Например, их наличие можно наблюдать в США, Индии, Австралии, Канаде, Малайзии, Пакистане и в иных государствах — федерациях.

Как правило, в этих государствах управление данными территориями осуществляется напрямую Главой государства или Правительством.

Далее, в ходе изучения и анализа темы, неясным остаётся также вопрос об осуществлении межмуниципального сотрудничества на данной территории. В соответствии с ч. 1 ст. 66 ФЗ № 131-ФЗ в каждом субъекте РФ образуется такой орган как — совет муниципальных образований [3]. Наличие данного органа на территории Краснодарского края нами не отрицается. Проблема в том, что Краснодарский край, при обобщении развития местного самоуправления на своей территории, не берёт в счёт городской округ Сириус. Считаем, что данный вопрос требует решения, поскольку нельзя говорить о развитии на территории Сириуса местного самоуправления, если территория не предоставляет ежегодный отчётный доклад.

Резюмируя всё вышеизложенное, предлагаем учредить в составе Совета ФТ Сириус отдельный «Комитет местного самоуправления», в который и будут входить «представители от народа» и который самостоятельно в пределах своих полномочий будет решать вопросы местного значения. То есть, таким образом, 17 членов Совета будут представлять интересы федеральной и региональной власти, а избираемые населением 9 — интересы народа. При этом представители от «центра» и региона при осуществлении своих полномочий должны в обязательном порядке согласовывать свои действия с представителями Комитета. При этом считаем необходимым предоставить право голосования по отзыву члена Комитета населению Сириуса, в случаях и порядке, предусмотренным ФЗ № 131, а также внести соответствующую статью в Устав ФТ Сириус. Полагаем, что это даст больше прав населению Сириуса на осуществление местного самоуправления и это будет способствовать добросовестному выполнению поставленных перед членом Комитета народом задач.

Литература:

1. Фоменко, Н. М. Проблематика реализации принципов публичного управления на примере федеральной территории «Сириус» / Н. М. Фоменко, И. А. Аленкова // Вестник евразийской науки. — 2023. — Т. 15. — № 4
2. Основы местного самоуправления. Настольная книга депутата и муниципального служащего: учебное пособие / Е. С. Шугрина; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации, Высш. шк. гос. упр. — Калининград: Полиграфыч, 2023. — [336] с.
3. Федеральный закон от 06.10.2003 N131-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 40. — Ст. 3822.
4. Федеральный закон от 22.12.2020 N437-ФЗ (ред. от 31.07.2023) «О федеральной территории «Сириус» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — N52 (Часть I). — Ст. 8583.

Административная ответственность организаций за экологические правонарушения: проблемы и перспективы

Гущин Кирилл Витальевич, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются особенности административной ответственности организаций за экологические правонарушения в условиях современного законодательства. Проведен анализ зарубежного опыта и выявлены перспективы совершенствования российского правового регулирования. Особое внимание уделено проблемам применения административных санкций, роли досудебного и судебного порядка разрешения экологических споров, а также внедрению превентивных мер.

Ключевые слова: экологические правонарушения, административная ответственность, экологическое право, правовое регулирование, устойчивое развитие.

Рост промышленного производства и антропогенного воздействия на окружающую среду вызывает необходимость ужесточения мер ответственности за экологические правонарушения. Организации, как крупные субъекты хозяйственной деятельности, нередко оказывают значительное влияние на экологическую обстановку. Административная ответственность организаций за такие правонарушения призвана служить инструментом предотвращения и компенсации экологического ущерба.

Административная ответственность организаций за экологические правонарушения включает применение различных мер воздействия, таких как штрафы, приостановление деятельности, конфискация оборудования, использованного в ходе нарушения, и обязательное восстановление окружающей среды.

Основные проблемы современного регулирования связаны с:

- отсутствием гибкости в применении санкций;
- недостаточной разработанностью механизмов восстановления экологического баланса;
- слабым взаимодействием между государственными органами и организациями в рамках превентивных мероприятий.

Международная практика демонстрирует более разнообразные подходы к регулированию. В странах Европейского союза, США и Японии особое внимание уделяется:

- созданию стимулов для соблюдения экологических норм, включая налоговые льготы и субсидии для экологически чистых технологий;
- активному применению механизмов досудебного урегулирования споров, таких как экологическая медиация;
- внедрению программ корпоративного экологического аудита, позволяющего предотвратить нарушения.

В России наблюдается акцент на репрессивные меры, что не всегда способствует профилактике правонарушений и их оперативному устранению.

Судебный порядок является основным инструментом защиты прав организаций в экологических спорах. Однако мировой опыт показывает, что досудебные механизмы, такие как медиация и арбитраж, являются более эффективными. Они позволяют минимизировать рас-

ходы сторон и ускорить процесс урегулирования. Развитие таких процедур в России требует значительных законодательных и институциональных изменений.

Для повышения эффективности административной ответственности организаций за экологические правонарушения целесообразно:

- Ввести систему гибких санкций, учитывающую характер и степень вреда, нанесенного окружающей среде.
- Разработать механизмы стимулирования добровольного устранения нарушений, включая снижение штрафов за оперативное восстановление окружающей среды.
- Внедрить обязательные программы экологического обучения для руководства и сотрудников организаций.
- Усилить взаимодействие между государственными органами, бизнесом и общественными организациями в области защиты окружающей среды.
- Активно применять цифровые технологии для мониторинга и предупреждения нарушений, такие как автоматизированные системы анализа выбросов.

Административная ответственность организаций за экологические правонарушения — это не только инструмент наказания, но и мощный стимул для формирования экологической ответственности бизнеса. Гармонизация российского законодательства с международными стандартами и развитие превентивных мер могут существенно повысить его эффективность.

Значимым аспектом эффективного предотвращения экологических правонарушений является активное участие общества. НПО, экологические активисты и общественные движения могут сыграть ключевую роль в мониторинге, выявлении окружающей среды и информировании государственных органов. Например, в международной практике широко применяются механизмы общественного экологического контроля, включая:

- проведение независимых экологических экспертиз;
- активное использование цифровых платформ для подачи жалоб на экологические нарушения;
- инициирование общественных слушаний по вопросам крупных проектов, обеспечивающих воздействие на окружающую среду.

В России требуется создание законодательной базы, которая бы гарантировала реальную защиту инициативы по защите гражданских прав, границы с охраной окружающего мира, и стимулировала взаимодействие между государством и обществом в этой сфере.

Дополнительным механизмом воздействия на организацию может стать внедрение систем экологических рейтингов. Такие рейтинги, основанные на уровне ответственности компаний, могут оказать влияние на ее репутацию и инвестиционную привлекательность. Например:

— Компании с изменением экологических рейтингов могут получать налоговые льготы или преимущества при участии в тендерах;

— Публикация экологических рейтингов может стимулировать компанию улучшить экологическую политику для сохранения конкурентных позиций.

В международной практике, например, рейтинги, составляемые CDP (Проект раскрытия информации о выбросах углерода), широко применяются инвесторами для оценки экологических рисков, связанных с местными организациями. Введение такой инициативы в России может повысить прозрачность основной деятельности бизнеса.

Еще одним перспективным направлением является последовательное применение принципа «загрязнитель

платит». Этот принцип предполагает, что организация несёт полные финансовые обязательства в целях устранения нанесённого ущерба. Для обеспечения соблюдения данной ситуации необходимо:

— Разработать методику расчета экологических последствий, наблюдающих не только прямой, но и дополнительный вред (например, долгосрочное влияние на здоровье населения).

— Создать обязательные страховые фонды или резервы для ликвидации последствий крупных экологических катастроф.

— Увеличить размер штрафов за повторные нарушения, приводящие к их соразмерности нанесенному вреду.

Экологические вызовы XXI века требуют комплексного заседания по регулированию деятельности организаций. Преобразование административной ответственности в инструментах стимулирования экологического ответственного поведения, использование современных технологий и метод общественного контроля способны вывести российскую правовую систему на новый уровень. Только совместными усилиями государства, бизнеса и экономики общества можно ограничить развитие и сохранить природные ресурсы для будущих народов.

Особенности защиты гражданских прав в сфере интеллектуальной собственности в сети Интернет

Давыдова Ольга Константиновна, студент магистратуры

Научный руководитель: Савина Виктория Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В рамках настоящей статьи автор рассматривает специфику законодательства Российской Федерации, на котором в настоящее время основывается защита прав на интеллектуальную собственность в цифровом пространстве. Значимость данного вопроса возрастает практически ежедневно, что обусловлено развитием технологий, пригодных для использования во всех сферах общественной жизни. Сделан акцент на основных проблемах защиты прав на интеллектуальную собственность в цифровом пространстве, а также предложены пути их решения.

Ключевые слова: гражданские права, интеллектуальная собственность, защита прав, гражданско-правовая ответственность, сеть Интернет.

В настоящее время общество живет в условиях цифровизации практически всех сфер жизни. По этой причине в качестве основного продукта, который в настоящее время находится в обращении, выступает информация. В свою очередь последствием этого следует считать то обстоятельство, что в мире активно развиваются те формы правоотношений, которые связаны с использованием интеллектуальной собственности в сети Интернет, в том числе на возмездной основе.

Специфика сети Интернет проявляется в том, что она единая всемирная, то есть отсутствует правовой статус, определенный для нее каким-либо одним государством,

отсутствуют и территориальные границы, однако внутри нее происходит объединение множества субъектов, вступающих ежедневно в различные электронные формы гражданских правоотношений. То есть о сети Интернет следует говорить, как о среде, у которой отсутствует единый владелец, однако она аккумулирует информационные объекты, на которые установлена определенная собственность, что и порождает основание для возникновения различных правоотношений в сфере интеллектуальной собственности.

Изложенные обстоятельства позволяют утверждать, что сеть Интернет можно рассматривать в качестве виртуального пространства, лишенного субъекта и объ-

екта права, однако способствующего созданию условий, при которых пользователи могут осуществлять деятельность в различных формах и видах, влекущую за собой реальные правовые последствия. Сеть Интернет копирует действительность, перенося реальные гражданские правоотношения в цифровое пространство, что предопределяет и необходимость обеспечения защиты прав и свобод пользователей от нарушения имеющихся у них интересов в ходе обмена информацией посредством данной сети.

Та практика взаимодействия, которая на сегодняшний день сложилась в сети Интернет, позволяет говорить о том, что в отношении гражданских прав в сфере интеллектуальной собственности нарушения в виртуальном пространстве совершаются не реже, чем при фактически складывающихся гражданских правоотношениях. В частности, субъекты могут сталкиваться с присвоением авторства (иначе именуемым плагиатом), с незаконной реализацией интеллектуальной собственности и с иными аналогичными нарушениями [3, с. 24].

По этой причине крайне важно обеспечить защиту гражданских прав в сфере интеллектуальной собственности и в тех правоотношениях, которые порождает цифровое взаимодействие. Данная задача в настоящее время поставлена не только перед Российской Федерацией, но и перед иными государствами.

Положения гражданского законодательства России, которыми обеспечивается защита гражданских прав в сфере интеллектуальной собственности, представляет собой достаточно динамичную категорию, то есть ей свойственно постоянное совершенствование, модернизация и развитие. Данная тенденция свидетельствует о том, что наше государство стремится к тому, чтобы соответствовать обозначенному в Конституции РФ статусу правового государства, в котором ключевой приоритет — это защита прав и свобод лиц [5, с. 107].

Если рассматривать защиту гражданских прав в сфере интеллектуальной собственности в контексте сети Интернет, то следует говорить о применимости таких нормативных правовых актов Российской Федерации, как Конституция РФ [1], Гражданский кодекс РФ и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». При этом обозначенные акты позволяют говорить о том, что, как и в реальных гражданских правоотношениях, субъекты могут обращаться к юрисдикционной и к неюрисдикционной формам защиты.

Если исходить из содержания ГК РФ, то в качестве основного способа защиты представляется возможным рассматривать признание гражданского права и пресечение тех действий, которые нарушают их или же создают угрозу такого рода нарушений. Также лицо может заявить требование о возмещении реального ущерба в том случае, когда имело место нарушение исключительного права, принадлежащего ему. Но на практике же реализация данного инструмента при защите гражданских прав в анализируемой сфере является достаточно затруднительно, так как суды, рассматривая соответствующий спор, должны

исходить не только из факта того, что усматривается вина ответчика в нарушении гражданских прав, но и из доказательственной информации, которой подтвержден конкретный размер причиненных убытков [6, с. 49].

Альтернативным способом защиты можно назвать требование о выплате компенсации. В случае нарушения таких гражданских прав в сфере интеллектуальной собственности, которые относятся к личным неимущественным, лицом может быть заявлено требование о компенсации морального вреда. Как правило, подобные требования заявляют авторы. Размер же причитающейся компенсации определяет суд на основе обстоятельств нарушенных гражданских прав и в соответствии с теми пределами, которые обозначены российским законодателем в ГК РФ. Основанием же для удовлетворения подобного требования будет служить доказанный факт нарушения указанных гражданских прав.

Несмотря на то, что в настоящее время данные правоотношения в определенной степени урегулированы, фактически в правоприменительной практике встречаются сложности в части защиты прав в сфере интеллектуальной собственности в виртуальном пространстве. Эффективной защите гражданских прав в сети Интернет препятствуют правовые пробелы, связанные с обращением интеллектуальной собственности в сети. Это существенно ухудшает положение лица, обладающего гражданскими правами в сфере интеллектуальной собственности, а также не обеспечивает его должную защиту от посягательств информационных посредников, которые пользуются недостатками нормативного правового регулирования данных правоотношений в личных целях.

Анализ практики защиты гражданских прав в сфере интеллектуальной собственности в сети Интернет и положения законодательных актов, которыми она урегулирована, позволяют говорить о таком недостатке, как, в частности, отсутствие единого легального определения для термина «сеть Интернет», однако даже такая терминологическая точность способствовала бы некоторой степени определенности рассматриваемой среды. Еще одним правовым пробелом можно назвать то, что не разработана единая терминология в части ответственности лиц за нарушение прав в сфере интеллектуальной собственности в цифровом пространстве. Обозначенные термины следует представить в качестве дополнительных правовых норм в ГК РФ.

Не разрешен вопрос и о том, могут ли быть привлечены к гражданско-правовой ответственности те лица, которые в связи с определенными обстоятельствами были вовлечены в процесс неправомерного распространения интеллектуальной собственности в сети Интернет. Речь идет не о прямых распространителях, а о своего рода посредниках.

Данная проблема, по нашему мнению, в связи с ее сложностью и невозможностью определить конкретно то лицо, которое должно нести ответственность за неправомерное заимствование интеллектуальной собственности, может быть разрешена на основании ст. 1253.1 ГК РФ [2].

Данная норма устанавливает, что к гражданско-правовой ответственности может быть привлечен не только сам нарушитель, но и провайдер.

В контексте сети Интернет также достаточно значим и вопрос о том, каким образом надлежит защищать гражданские права лиц, которые являются гражданами иных государств. Сама возможность нарушения их прав в сфере интеллектуальной собственности не исключается по причине отсутствия границ в виртуальном пространстве [4, с. 9]. Данная проблема предопределяет необходимость сближения между государствами — организации международного сотрудничества.

Но обеспечивать защиту гражданских прав в рассматриваемой сфере в виртуальном пространстве не во всех случаях представляется возможным. В частности, не всегда может быть доказано наличие тех или иных прав на интеллектуальную собственность, а также не всегда государства, между гражданами (подданными) которых имеет место гражданско-правовой спор, сотрудничают (в частности, в настоящее время подобные связи ухудшены вве-

дением санкций, ограничивающих права российских граждан). По этой причине Российской Федерации следует развивать отечественные цифровые инструменты, направленные на предупреждение нарушения гражданских прав в сфере интеллектуальной собственности, в основу которых будут положены методы от мониторинга до автоматического реагирования на риски нарушений.

Таким образом, защита гражданских прав в сфере интеллектуальной собственности в сети Интернет на сегодняшний день отличается особой важностью, так как имеет место развитие различных сфер жизни общества и их цифровизация, предопределяющая переход отдельных гражданских правоотношений в виртуальное пространство, отсутствие пределов которого создает сложности в контроле за его развитием. По этой причине крайне важно обеспечить ситуацию, в которой законодатель будет реагировать на изменения гражданских правоотношений и обеспечивать необходимый уровень защиты гражданских прав на интеллектуальную собственность, реализуемых не только в реальных, но и в цифровых правоотношениях.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, N52 (1 ч.), ст. 5496.
3. Белозерова Ю. Г. К слову о составе гражданского правонарушения в сети Интернет // Экономика. Право. Общество. — 2020. — Т. 5. — № 3 (23). — С. 23–26.
4. Молчанов А. А. К вопросу о проблематичности защиты авторских прав на служебные произведения (вопросы теории и практики) // Осуществление и защита гражданских прав и интересов полиции России: вопросы теории и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции. — 2021. — С. 7–10.
5. Назарова О. Н. Проблемы защиты интеллектуальных прав в сети Интернет // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: сборник научных трудов IX Международного юридического форума (IP Форум). — 2021. — С. 107–109.
6. Новиков А. В., Зиновьева В. В., Барабанова П. А. Проблема защиты авторских прав в интернете // Экономика. Бизнес. Банки. — 2021. — № 1 (51). — С. 44–53.

Источники правового регулирования суррогатного материнства в России

Дворцова Екатерина Олеговна, студент магистратуры

Научный руководитель: Милушева Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, доцент

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье автор рассматривает вопросы правового регулирования суррогатного материнства в отечественной системе права, как с точки зрения договорной конструкции, так и с точки зрения института семейного и медицинского права. Поднимается вопрос недостаточности правового регулирования суррогатного материнства в России.

Ключевые слова: суррогатное материнство, договор суррогатного материнства, права и обязанности родителей, репродуктивные технологии.

Острая демографическая ситуация, высокие показатели убыли населения и постепенное его старение,

приводит к необходимости решения вопросов, связанных с репродуктивной функцией человека. Повышенное вни-

мание к вопросу семейной политики, множество принятых шагов законодателя по дополнительным социальным гарантиям семьям основано на неутешительных демографических показателях. Кроме того, 2024 год объявлен годом семьи в РФ.

Суррогатное материнство является разновидностью репродуктивных технологий для семей, которые в силу медицинских показателей не могут самостоятельно стать родителями, о чем свидетельствуют положения Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Его положения закрепляют следующую дефиницию: «суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору о суррогатном материнстве, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, половые клетки которых использовались для оплодотворения, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям и которые состоят в браке между собой, либо одинокой женщиной, половые клетки которой использовались для оплодотворения и для которой вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям». Вопросы правового регулирования суррогатного материнства поднимались в диссертационных исследованиях уже в начале столетия, однако в настоящее время этот вопрос также вызывает длительные научные дискуссии.

Особенность правового регулирования подобных отношений складывается из нескольких аспектов.

В первую очередь — это междисциплинарный характер института суррогатного материнства. Изначально сущность подобных отношений имеет частно-правовой характер и регулируется договором. С другой стороны, понятие и нюансы самой процедуры закреплены в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», медицинских документах локального характера, что свидетельствует о публичном аспекте означенных отношений.

В научной литературе подчеркивается проблематика правового регулирования суррогатного материнства. Так, С. П. Журавлева отмечает отсутствие разработанного понятийного аппарата, а также неопределенность законодательства в области регламентации места договора о суррогатном материнстве в системе гражданско-правовых договоров, механизма его реализации и др. [1, с. 4] Подобной точки зрения также придерживается и Е. В. Стеблева, которая подчеркивает наличие «множества во-

просов, связанных с правовой природой такого договора и проблемой его исполнения» [2, с. 3].

Второй существенной особенностью правового регулирования суррогатного материнства является столкновение частных и публичных интересов. В своей работе С. В. Алборов пишет о том, что подобные правоотношения «не могут быть гарантированы и защищены способами, предусмотренными принципами и нормами гражданского и семейного права» [3, с. 2]. Автор исходит из того, что результатом такого договора является рождение ребенка, чьи законные интересы невозможно предусмотреть частноправовыми методами, т.к. государство должно принимать большую степень публичного регулирования для защиты прав именно ребенка. С подобным заявлением сложно спорить.

Т. А. Мосиенко, с одной стороны аргументирует необходимость «заимствования практического опыта договорной работы применения института суррогатного материнства Республики Армения путем внедрения в действующее законодательство Российской Федерации и при заключении договора возмездного оказания услуг между суррогатной матерью и супругами-заказчиками» [4, с. 156], что подчеркивает гражданско-правое регулирование подобных отношений. Однако позже в этой же работе отмечается: «в теории семейного права до сих пор нет единства в понимании суррогатного материнства, поэтому представляется необходимым дополнить Семейный кодекс Российской Федерации главой 10.1 «Суррогатное материнство»» [4, с. 158], что исходит из норм семейного законодательства.

Е. А. Демкина наиболее подробно рассмотрела договорную конструкцию суррогатного материнства с точки зрения договора репродуктивных услуг [5], фактически подчеркивая частноправовые начала подобного договора, однако с существенным публично-правовым регулированием.

Изучение научных точек зрения, а также правового регулирования в вопросах суррогатного материнства позволяют сделать вывод о том, что данная договорная конструкция является частно-публичной и требует существенного публичного контроля со стороны государства. Отсутствие необходимой полноты правового регулирования, его фрагментарный и отрывочный характер существенно сказывается на правоприменении. Возникновение таких важных юридических последствий как рождение ребенка, родительских прав и обязанностей, а также наследственных отношений, что подчеркивает необходимость дальнейшей детализации правового регулирования суррогатного материнства в России.

Литература:

1. Журавлёва С. П. Правовое регулирование договора о суррогатном материнстве в Российской Федерации: автореферат дис... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Журавлёва Светлана Петровна; [Место защиты: Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ)]. — Москва, 2011. — 27 с.
2. Стеблева Е. В. Проблемы реализации прав участников отношений суррогатного материнства: автореферат дис... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Стеблева Екатерина Викторовна; [Место защиты: Рос. правовая акад. М-ва юстиции РФ]. — Москва, 2012. — 18 с.

3. Алборов С. В. Правовое и индивидуальное регулирование суррогатного материнства: автореферат дис... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Алборов Сулико Викторович; [Место защиты: Рос. гос. ун-т правосудия]. — Москва, 2019. — 29 с.
4. Мосиенко Т. А. Совершенствование правового регулирования суррогатного материнства в Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 3. С. 154–159.
5. Демкина Е. А. Договор оказания репродуктивных услуг: автореферат дис... кандидата юридических наук: 5.1.3. / Демкина Елена Анатольевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»; Диссовет Д 212.239.XX (24.2.390.01)]. — Саратов, 2023. — 27 с.

Особенности изъятия вещественных объектов при проведении осмотра места происшествия по делам о пожарах

Дружинина Александра Николаевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье рассмотрены особенности изъятия вещественных объектов (материалов, веществ, изделий, смеси) при проведении осмотра места происшествия по делам о пожарах. Актуальность темы статьи обусловлена тем, что многие следователи и дознаватели не знают все возможности современных методов исследования вещественных доказательств, поэтому допускают ошибки при их отборе, изъятии и упаковке во время проведения осмотра места пожара. По этой причине — изъятые образцы либо не несут никакой информации, либо становятся непригодными для проведения дальнейших исследований, что крайне затрудняет работу по расследованию дел о пожарах и определению причин их возникновения.

Ключевые слова: вещественные доказательства, осмотр места происшествия, причина пожара, методы исследования, осмотр места происшествия

Features of the seizure of material objects during the inspection of the scene of an incident in fire cases

Druzhinina Aleksandra Nikolayevna, student master's degree
St. Petersburg University of the State Fire Service EMERCOM of Russia

The article examines the features of the seizure of material objects (materials, substances, products, mixtures) during the inspection of the scene of a fire. The relevance of the topic of the article is due to the fact that many investigators and inquirers do not know all the possibilities of modern methods of studying material evidence, therefore they make mistakes when selecting, seizing and packaging them during the inspection of the fire scene. For this reason, the seized samples either do not carry any information or become unsuitable for further research, which greatly complicates the work of investigating fire cases and determining the causes of their occurrence.

Keywords: material evidence, crime scene inspection, cause of fire, investigation methods, crime scene inspection

На сегодняшний день пожары по-прежнему остаются общественно опасным явлением. В 2023 г. Было зарегистрировано 360891 пожаров, что на 2,4% больше, чем в 2022 г. (352509 пожаров за 2022 г.) [4, с. 4].

Обеспечение пожарной безопасности и борьба с пожарами занимают основное место в системе предупреждения чрезвычайных ситуаций в Российской Федерации. Огромную роль в исследовании пожаров играет первоначальное следственное действие — осмотр места происшествия, связанного с пожаром. Роль технических средств и экспертных возможностей, имеющихся у сотрудников ГПН ФПС МЧС России, в данном следственном действии огромна [2, с. 186].

Установление очага пожара и непосредственной (технической) причины пожара является главными задачами осмотра места происшествия, связанного с пожаром [7].

Несмотря на то, что организовано взаимодействие между ведомствами в применении экспертно-криминалистических средств и методов в раскрытии преступлений, связанных с пожарами [3], многие следователи и дознаватели не знают все возможности современных методов исследования вещественных доказательств, допускают ошибки при их отборе, изъятии и упаковке во время проведения осмотра места пожара, которое проводится при проверке каждого сообщения о преступлении, связанном с пожаром. В результате чего, изъятые образцы либо не

несут никакой информации, либо становятся непригодными для проведения дальнейших исследований, что крайне затрудняет работу по расследованию дел о пожарах и определению причин их возникновения.

Объектами исследования являются любые вещественные объекты, которые имеют отношение к пожару [6]. При отборе объектов необходимо иметь в виду, что они должны охватывать все версии, так как в зависимости от последних, обычно, и формируются вопросы на разрешение пожарно-технической экспертизы или исследования. Предметы и материалы следует изымать так, чтобы не уничтожались и не видоизменялись имеющиеся на них следы. Следы должны изыматься вместе с предметом (или частью предмета), на котором они имеются [5]. При невозможности изъятия следа вместе с предметом может быть сделан соскоб (например, копоты со стены в месте нахождения электропроводки) или копия следа (слепок или оттиск). Для проведения осмотра, изъятия и упаковки объектов на месте пожара, специалисту необходимо иметь при себе: стеклянную тару с притертыми или корковыми пробками (пробирки, банки); лупу; рулетку; карманный фонарь; нож; долото, молоток, ножовку по дереву и металлу; полиэтилен, плотную бумагу; бечёвку [7].

Особое значение должно придаваться обеспечению сохранности вещественных доказательств. Существуют определенные правила упаковывания вещественных доказательств, соблюдение которых позволяет сохранить в исходном состоянии и виде сохранность изъятых предметов, объектов, веществ.

Для пожарно-технических исследований значение имеет электрооборудование, а также горючие жидкости. Следы ЛВЖ и ГЖ обычно разыскивают как в районе очага пожара, так и на территории рядом с очагом пожара. Предметы изучают как визуально, так и при помощи лупы или специальных устройств. При обнаружении предметов со следами ЛВЖ, ГЖ — делают срезы и упаковывают в герметичную тару, чаще в полиэтиленовые пакеты. Однако

использование стеклянной тары защищает изъятые вещества и материалы от частичной потери искомого вещества, что нельзя сказать о полиэтиленовой упаковке, которая не может полностью обеспечить сохранность искомого вещества [3].

Отбор древесины происходит путем скобления стружки на глубину 1 мм [1]. Особое внимание должно уделяться деревянным поверхностям с трещинами, поскольку жидкости проникают на всю глубину трещин, поэтому следует отпиливать участок длиной 9–10 см, для сравнения также отбираются пробы с не обугленных участков. Это позволяет избежать совершения ошибки при проведении исследования, при отборе пробе обязательно отбирается «проба сравнения», без каких-либо следов инициатора горения [3].

В том случае, если применялись поверхностно активные и пенообразующие вещества при тушении пожара, образцы этих веществ также отправляются на исследование [5, с. 23].

Таким образом, от профессионализма и имеющихся специальных познаний в области судебной экспертизы и криминалистики напрямую зависит качество выполнения наиболее сложного следственного действия, которое в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации выполняется до возбуждения уголовного дела — осмотром места происшествия. Следователи и дознаватели должны знать все возможности современных методов исследования вещественных доказательств, чтобы не допускать ошибок при их отборе, изъятии и упаковке во время проведения осмотра места пожара, которое проводится при проверке каждого сообщения о преступлении, связанном с пожаром. Изъятые образцы являются вещественными доказательствами, которые учитываются судом при вынесении решения. Уничтожение или утрата вещественных доказательств затрудняет расследование пожаров, в результате чего установить очаг пожара или причину пожара становится затруднительно.

Литература:

1. Методика проведения инструментальных исследований однотипных холоднодеформированных изделий и древесных углей для установления очага пожара: Метод. рекомендации. — Красноярск: СЭУ ФПС ИПЛ по Красноярскому краю, 2010. — 22 с.
2. Деренских В. И. О назначении пожарно-технической экспертизы // Актуальные вопросы судебных экспертиз. Материалы Международной научно-практической конференции. — Иркутск: ФГОУ ВПО «Восточ.-Сиб. ин-т МВД России», 2009. — С. 185–187.
3. Гераськин М. Ю., Плотникова Г. В., Шеков А. А. Особенности обнаружения, изъятия и предварительного исследования вещественных доказательств при осмотре места поджога // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. — № 2 (14). — С. 59–65.
4. Пожары и пожарная безопасность в 2023 году: информационно-аналитический сборник. — Балашиха: ФГБУ ВНИИПО МЧС России, 2024. — 110 с.
5. Севостьянова Н. Г., Долгушина Л. В. Особенности обнаружения и изъятия проб легковоспламеняющихся и горючих жидкостей на месте пожара // Актуальные проблемы безопасности в техносфере. 2023 № 2 (10). — С. 21–24.
6. Чешко И. Д. Экспертиза пожаров (объекты, методы, методики исследования). Спб.: ИПБ МВД, 1997. — 563 с.

7. Чешко И. Д., Юн Н. В., Плотников В. Г. и др. Осмотр места пожара: Методическое пособие. Москва. 2004. — 503 с. (ВНИИПО) / [Электронный ресурс] — URL: <https://fireman.club/literature/osmotr-mesta-pozhara-metodicheskoe-posobie-cheshko-i-d-yun-n-v-plotnikov-v-g/> (дата обращения 04.09.2024).

Административное приостановление деятельности как инструмент в системе принудительного исполнения

Дружинина Екатерина Владимировна, студент магистратуры
Научный руководитель: Иванец Галина Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье изучается правовая природа административного приостановления деятельности и его место в системе мер административного принуждения. В статье проведен анализ одного из видов административных наказаний неимущественного характера — административного приостановления деятельности. Исследованы порядок и особенности исполнения исполнительных производств об административном приостановлении судебным приставом-исполнителем, его специфика, в том числе недостатки и проблемы при исполнении данного вида наказания.

Ключевые слова: административное приостановление деятельности, принуждение, наказание, административное наказание, мера, ответственность, административное предупреждение, административное пресечение, применение наказания, судебный пристав-исполнитель, исполнительное производство, ФССП России, ГМУ ФССП России.

Федеральная служба судебных приставов, являясь органом принудительного исполнения, в функции которого в том числе входит принудительное исполнение судебных актов, особое внимание уделяет исполнению исполнительных документов неимущественного характера. Одним из видов исполнительных документов неимущественного характера является административное приостановление деятельности.

Следует отметить, что несмотря на незначительное количество исполнительных документов указанной категории, именно данные исполнительные производства имеют широкую общественную значимость в виду представляемой повышенной опасности объектов и (или) лиц, деятельность которых подлежит приостановлению.

От своевременных и последовательных действий судебного пристава-исполнителя зависит не только качественное исполнение требований, содержащихся в исполнительном документе, но и предотвращение риска наступления неблагоприятных последствий, связанных с функционированием объекта повышенной опасности.

Вопросы, связанные с исполнением данного наказания, регулируются как положениями ст. 109 Федерального закона от 2 октября 2007 г. N229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Закон об исполнительном производстве) [2], так и иными нормативными актами (ст. 32.12 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) [1], п. 23.3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях») [3].

Кроме того, для качественного исполнения упомянутого административного наказания следует учитывать

сложившуюся правоприменительную и судебную практику, которая выработала определенные подходы к совершению действий, связанных с административным приостановлением деятельности.

Наиболее строгим видом наказания, предусмотренным КоАП РФ, является административное приостановление деятельности. Данный вид административного наказания назначается только в случаях, предусмотренных статьями Особенной части указанного Кодекса, когда менее строгий вид административного наказания не сможет обеспечить достижение цели административного наказания [6].

Максимальный срок, на который может быть назначено административное приостановление деятельности, составляет девяносто суток.

Следует отметить, что при административном приостановлении деятельности не допускается применение мер, которые могут повлечь необратимые последствия для производственного процесса, а также для функционирования и сохранности объектов жизнеобеспечения

Административное приостановление деятельности может быть назначено как судом (ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ), так и Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор) [7].

При этом следует отметить, что указанным органом административное наказание в виде административного приостановления деятельности может быть назначено только за административное правонарушение, предусмотренное ч. 3 ст. 9.1 КоАП РФ.

Следовательно, основанием для возбуждения исполнительного производства об административном приостановлении деятельности будет являться как судебный акт по делу об административном правонарушении, так и акт

должностного лица, указанного в п. 1 и 4 ч. 2 ст. 23.31 КоАП РФ (постановление по делу об административном правонарушении).

Отличительная особенность исполнительного документа об административном приостановлении деятельности состоит в том, что он подлежит немедленному исполнению (ч. 1 ст. 32.12 КоАП РФ). В силу этого исполнительный документ об административном приостановлении деятельности при поступлении в структурное подразделение территориального органа ФССП России передается судебному приставу-исполнителю незамедлительно, а содержащиеся в таком исполнительном документе требования должны быть исполнены не позднее первого рабочего дня после дня поступления исполнительного документа в подразделение судебных приставов (ч. 4 ст. 36 Закона об исполнительном производстве).

Другой существенной особенностью исполнения данного вида административного наказания является способ его исполнения.

Закон предусматривает, что при административном приостановлении деятельности производится опломбирование, печатывание помещений, мест хранения товаров и иных материальных ценностей, касс, а также применяются другие меры по исполнению указанных в постановлении об административном приостановлении деятельности мероприятий, необходимых для исполнения административного наказания в виде административного приостановления деятельности. При этом указанные мероприятия в силу ч. 1, 2 ст. 32.12 КоАП РФ, ч. 2 ст. 109 Закона об исполнительном производстве может применить только судебный пристав-исполнитель.

То есть (в отличие, например, от исполнения административного наказания в виде штрафа) закон не предусматривает способ и возможность добровольного исполнения должником содержащихся в исполнительном документе требований об административном приостановлении деятельности.

Напротив, исходя из того, что моментом фактического приостановления деятельности следует считать момент произведения именно судебным приставом-исполнителем (а не должником) действий, изложенных в ч. 2 ст. 32.12 КоАП РФ, указанное административное наказание не может быть исполнено должником добровольно. Закон обуславливает момент начала исполнения наказания именно действиями судебного пристава-исполнителя, а не должника. Указанный вывод находит свое отражение и в судебной практике.

Тезисно общий порядок принудительного исполнения исполнительного документа об административном приостановлении деятельности состоит из следующих этапов:

I. Основные (обязательные) этапы:

- а) возбуждение исполнительного производства;
- б) совершение действий по фактическому приостановлению деятельности лица или объекта, указанного в исполнительном документе;

в) периодическая проверка факта исполнения исполнительного документа в течение срока, на который назначено наказание.

II. Дополнительные (необязательные) этапы:

г) вынесение постановления о взыскании исполнительского сбора при установлении факта нарушения установленного режима административного приостановления деятельности. ч. 1 ст. 105 Закона об исполнительном производстве предусмотрено, что в случаях неисполнения должником требований, содержащихся в исполнительном документе, в срок, установленный для добровольного исполнения, а также неисполнения им исполнительного документа, подлежащего немедленному исполнению, в течение суток с момента получения копии постановления судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства судебный пристав-исполнитель выносит постановление о взыскании исполнительского сбора и устанавливает должнику новый срок для исполнения;

д) повторное совершение действий по фактическому приостановлению деятельности лица или объекта, указанного в исполнительном документе;

е) периодическая проверка факта исполнения исполнительного документа в течение срока, на который назначено наказание;

ж) привлечение должника к административной (уголовной) ответственности в случае возобновления деятельности до окончания срока административного приостановления деятельности;

з) повторное совершение действий по фактическому приостановлению деятельности лица или объекта, указанного в исполнительном документе.

В дальнейшем этапы, указанные в п. «е», «ж», «з», могут повторяться неоднократно, до исполнения административного наказания.

Основные (обязательные) этапы характерны для каждого исполнительного производства об административном приостановлении деятельности и представляют собой классическую завершенную модель исполнения исполнительных производств данной категории.

В зависимости от обстоятельств нарушения режима приостановления деятельности, субъективной стороны совершенного должником деяния вопрос об уголовном преследовании должника по ч. 2 ст. 315 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) может быть решен и на этапе, указанном в п. «г».

После возбуждения исполнительного производства судебный пристав-исполнитель незамедлительно должен принять меры по исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе.

В соответствии с Положением о Главном межрегиональном (специализированном) управлении Федеральной службы судебных приставов, утвержденное приказом ФССП России от 08.07.2022 № 434 [4] принудительному исполнению подлежат исполнительные документы неимущественного характера в отношении должников-бюджетополучателей.

Таким образом, должниками по исполнительным производством об административном приостановлении деятельности, связанным с обеспечением пожарной безопасности, промышленной безопасности или безопасности гидротехнических сооружений, соблюдением требований в области строительства и применения строительных материалов (изделий), реконструкции, капитального ремонта объекта капитального строительства или ввода его в эксплуатацию либо обеспечением санитарно-эпидемиологического благополучия населения, являются садики, школы, поликлиники и другие социально важные организации.

При возбуждении исполнительных производств об административном приостановлении деятельности социально значимых и стратегических объектов обеспечивается незамедлительное информирование высших должностных лиц субъектов РФ по вопросам организации временного переселения граждан в другие помещения и другим аналогичным вопросам социальной значимости, а также руководителей уполномоченных органов в части, касающейся их компетенции.

Порядок исполнения исполнительных производств неимущественного характера определен положениями ст. 105 Закона, в соответствии с которыми при неисполнении решений суда судебным приставом-исполнителем принимаются меры по назначению должникам нового срока исполнения требований исполнительных документов.

При этом на сроки принятия решений о назначении нового срока исполнения (которые не установлены действующим законодательством) оказывает влияние необходимость проведения судебным приставом-исполнителем проверки (установления факта) исполнения или неисполнения (частичного неисполнения) должниками решений суда в ранее установленный срок.

Конкретные меры (например, опломбирование, опечатывание помещений, мест хранения товаров и иных материальных ценностей, отселение граждан из жилых зданий либо их перевод в другие стационарные лечебные, социальные учреждения в случае запрета эксплуатации зданий), направленные на административное приостановление деятельности, определяются судебным приставом-исполнителем самостоятельно с учетом:

— формулировки требований, содержащейся в исполнительном документе.

Необходимо учитывать, что в постановлении по делу судья обязан решить вопрос о мероприятиях, необходимых для обеспечения его исполнения, которые в зависимости от обстоятельств каждого дела могут заключаться во временном прекращении эксплуатации тех агрегатов, объектов, зданий или сооружений, принадлежащих индивидуальному предпринимателю или юридическому лицу, либо во временном прекращении осуществления индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом, его филиалами, представительствами, структурными подразделениями, производственными участками тех видов деятельности (работ), оказания услуг, от которых исходит

угроза причинения вреда охраняемым общественным отношениям (п. 23.3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5);

— физических и иных данных объекта, подлежащего приостановлению;

— обстоятельств и условий, при которых осуществляется административное приостановление деятельности.

Судебным приставом-исполнителем осуществляется незамедлительный выход по месту нахождения объекта для исполнения содержащегося в исполнительном документе требования об административном приостановлении деятельности путем наложения пломб, опечатывания помещений, мест хранения товаров и иных материальных ценностей, касс должника, а также принятия иных мер, направленных на административное приостановление деятельности должника.

При этом следует отметить, что судебный пристав-исполнитель не вправе применять меры, влекущие необратимые последствия для производственного процесса, а также для функционирования и сохранности объектов жизнеобеспечения.

Факт административного приостановления деятельности фиксируется в акте. В акте об административном приостановлении деятельности недостаточно указать на то, что требования исполнительного документа исполнены.

В названном процессуальном документе следует зафиксировать какие конкретно объекты приостановлены и в чем это заключается, а также какие именно объекты опечатаны (опломбированы), в том числе отличительные признаки наложенных пломб, и каким образом обеспечивается доступ должностных лиц должника к указанным объектам для устранения нарушений, явившихся основанием для применения административного приостановления деятельности (если такой доступ предоставляется).

Кроме того, следует зафиксировать установленные обстоятельства (факты) средствами фото(видео)фиксации.

Законодательство не требует обязательного применения указанных средств при фиксации процессуальных действий судебного пристава-исполнителя. Однако с учетом развития и доступности современных средств техники применение данных средств является желательным, поскольку они представляют собой форму объективного контроля за обстоятельствами, имеющимися в объективной действительности.

Результаты фотофиксации оформляются в виде приложения к акту об административном приостановлении деятельности (в виде фототаблиц) и подписываются судебным приставом-исполнителем. При осуществлении видеосъемки электронный носитель с ее результатами также приобщается к акту об административном приостановлении деятельности.

В самом акте об административном приостановлении деятельности действий следует указать на применение средств фото(видео)фиксации.

Помимо результатов применения средств фото- и (или) видеофиксации, к акту об административном приоста-

новлении деятельности объекта следует оформить схему указанного объекта с отражением на ней:

- количества входов (выходов) у объекта;
- данных о том, какие двери (входы) опечатаны (опломбированы);
- через какие двери (входы) обеспечивается доступ должностных лиц должника для устранения нарушений, явившихся основанием для назначения наказания в виде административного приостановления деятельности (если такой доступ предоставляется).

Акт о совершении исполнительных действий является важнейшим процессуальным документом, которым фиксируются обстоятельства, имеющиеся в объективной действительности.

Акт о совершении исполнительных действий является по сути документом, процессуально закрепляющим исполнительные действия судебного пристава-исполнителя, констатирует факт совершения исполнительных действий, является документом, отражающим процедуру совершения исполнительных действий.

Если административному приостановлению подлежит конкретный объект (например, помещение), то меры по прекращению его эксплуатации применяются независимо от того, кем (должником, указанным в исполнительном документе, или иным лицом) он эксплуатируется (занимается), а также независимо от фактов расторжения договора аренды (субаренды) данного объекта.

Согласно Письму ФССП России от 27 апреля 2018 г. № 00013/18/49329-ОП «Об исполнении постановлений судов об административном приостановлении деятельности» отсутствие конкретного объекта, подлежащего приостановлению (например, при выявлении нарушений миграционного законодательства), должника по юридическому адресу или смена им фактического адреса нахождения не могут являться основанием для окончания исполнительного производства.

Административное приостановление деятельности производится с участием не менее двух понятых.

При составлении акта об административном приостановлении следует учитывать, что кроме фамилии, имени, отчества и адресов места жительства понятых в акте необходимо указать реквизиты документов, удостоверяющих их (понятых) личность (ч. 1 ст. 60 Закона об исполнительном производстве).

Понятые в акте об административном приостановлении деятельности удостоверяют своими подписями ход и результаты применения указанной меры принудительного исполнения.

При необходимости для обеспечения правопорядка в ходе совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения могут быть приглашены сотрудники органов внутренних дел (ст. 62, ч. 3 ст. 109 Закона об исполнительном производстве).

Также с учетом специфики объектов, подлежащих приостановлению, для участия в исполнительных действиях могут быть привлечены специалисты соответствующих

государственных органов, по инициативе которых применено указанное административное наказание.

В силу того, что судебный пристав-исполнитель не является специалистом в той сфере деятельности, в которой выявлены нарушения, явившиеся основанием для административного приостановления деятельности, а также с учетом того, что приостановление тех или иных объектов или механизмов само по себе может иметь негативные (в том числе необратимые) последствия, привлечение подобного специалиста является необходимым.

В настоящее время между ФССП России и целым рядом федеральных органов исполнительной власти заключены Соглашения, которые предусматривают возможность участия специалистов указанных органов при совершении исполнительных действий об административном приостановлении деятельности.

После окончания установленного в исполнительном документе срока административного приостановления деятельности судебный пристав-исполнитель обязан отменить ранее установленные ограничения и запреты (ч. 4 ст. 47 Закона об исполнительном производстве).

Для этого судебный пристав-исполнитель должен выйти по месту нахождения объекта, деятельность которого приостановлена, и снять ранее установленные пломбы, распечатать помещения, а также отменить иные ограничительные меры.

Факт отмены указанных мер (ограничений, запретов) фиксируется в акте о совершении исполнительных действий.

Только после отмены указанных ограничений судебный пристав-исполнитель оканчивает исполнительное производство в связи с фактическим исполнением требований, содержащихся в исполнительном документе.

По истечении установленного срока административного наказания исполнительное производство подлежит окончанию независимо от того, устранены ли должником нарушения, послужившие основанием для применения административного приостановления деятельности.

Выявление (установление) факта устранения нарушений, послуживших основанием для административного приостановления деятельности, не входит в круг полномочий судебного пристава-исполнителя.

Следует учитывать, что судебный пристав-исполнитель ни при каких условиях не имеет права принять решение о досрочном прекращении исполнения указанного наказания, в том числе и в случае, если судебному приставу-исполнителю будут представлены все необходимые документы (доказательства), свидетельствующие об устранении нарушений, явившихся основанием для назначения наказания в виде административного приостановления деятельности.

Между тем, административное приостановление деятельности досрочно может быть прекращено судьей, органом, должностным лицом, назначившими административное наказание в виде административного при-

остановления деятельности, по ходатайству лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, или юридического лица, или Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномо-

ченного по защите прав предпринимателей в субъекте Российской Федерации, если будет установлено, что обстоятельство, послужившее основанием для назначения административного наказания в виде административного приостановления деятельности, устранены.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Текст]: федер. закон: [принят Гос. Думой 20 декабря 2001 г.: одобр. Советом Федерации 26 декабря 2001 г.: по состоянию на 23 нояб. 2024 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации.— 2002.— № 1.
2. Об исполнительном производстве [Текст]: федер. закон: [принят Гос. Думой 14 сентября 2007 г.: одобр. Советом Федерации 19 сентября 2007 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации.— 2007.
3. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».
4. Положением о Главном межрегиональном (специализированном) управлении Федеральной службы судебных приставов, утвержденное приказом ФССП России от 08.07.2022 № 434.
5. Письму ФССП России от 27 апреля 2018 г. № 00013/18/49329-ОП «Об исполнении постановлений судов об административном приостановлении деятельности».
6. Калинин, Г. И. К вопросу о применении административного приостановления деятельности [Текст] / Г.И. Калинин, Л.Е. Калинина // Право и экономика.— 2012.— № 4.
7. Стахов, А. И. [и др.] Административное право России [Текст]: учебник и практикум для вузов / под ред. П. И. Кононова.— 3-е изд., перераб. и доп.— М.: Издательство Юрайт, 2021.— 484 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 49 (548) / 2024

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 18.12.2024. Дата выхода в свет: 25.12.2024.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.